

НА ВОЙНĘ
КАК НА ВОЙНĘ

МИР ФАНТАСТИКИ

2014

НА ВОЙНĘ
КАК НА ВОЙНĘ

МИР ФАНТАСТИКИ 2014

Мир фантастики 2014

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Москва
«АСТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М63

Художник обложки *Л. Елфимова*

Макет подготовлен редакцией *АСТРЕЛЬ СПб*

М63 **Мир фантастики 2014. На войне как на войне.** /
сост. Г. Панченко — Москва: АСТ, 2014.— 346, [2] с.

ISBN 978-5-17-081356-8

В этом сборнике нет рассказов о генералах.
Это истории о «пушечном мясе», простых людях,
которые сумели остаться людьми даже на войне.

И не важно, какой именно была их война: человек
против нелюди, мечи против колдовства или винтовка
Мосина против карабина системы «Маузер». Война —
всегда война.

В этой Войне могут принимать участие красноар-
мейцы и эльфы, белые генералы и красные комиссары
из несбывшихся реальностей, пугачевские повстанцы
и швейцарские оккупанты, пришельцы и солдаты
Вермахта.

Каждый из них верит в свою победу, они готовы
сражаться и умереть за нее.

И за ценой стоять не придется.

Подписано в печать 18. 11. 13.

Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 3 000 Заказ № 91

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Сост. Г. Панченко, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Вадим Шаратов

В первый пар

(Из цикла «Рассказы о старшине
Степане Нефедове»)

Веник был хорош.

Степан еще раз вдохнул березовый дух, примирился, взмахнул вязанкой прутьев, точно саблей.

— Эх, благодать! — сказал громко и расстегнул верхнюю пуговицу на гимнастерке, покрутил головой от удовольствия.

— Товарищ старшина, баня готова! — раздалось издалека. Скрипнула калитка, из огорода степенно вышел сержант Файзулла Якупов. Достал трубочку, закурил, заулыбался белозубо, приглаживая щетку черных усиков и сощурив узкие глаза.

— Чего смеешься, Татарин? — Степан Нефедов перебросил веник из руки в руку, качнулся

влево-вправо, будто в ножевом поединке, неуловимо быстро перетек вплотную к Якупову.

— Якши! — засмеялся сержант.— Быстрый ты, шибко быстрый. В баню пора!

— Нет еще,— Нефедов прошел мимо него в огород, пробираясь сквозь разросшийся бурьян по тропинке.— В первый пар нам нельзя.

— Почему? — удивился Якупов, даже вынул трубку изо рта.

— Банник, Хозяин, пусть попарится всласть. Столько лет эту баню как следует не топили, сейчас он злой как собака. Пойдешь в первый пар — угоришь или обваришься, точно. Сейчас пойду, веничек ему запарю. А уж потом и мы...

— Такой большой, Степан...— хмыкнул Татарин.

— ...а в сказки верю? — закончил за него старшина. Сунул веник под мышку и потопал к бане, не оборачиваясь.

Возле вросшей в землю, сложенной из толстенных бревен бани, почерневшей от времени, двое кололи дрова. Женяка Ясин, из нового пополнения, сняв пропотевший тельник, играл колуном, с маху раскалывал здоровенные чурбаки. Парень был мускулистым, широкоплечим, так что, глядя на него, Нефедов вспомнил Чугая, который погиб под Ельней.

— Ванька поздоровее был,— сказал он вслух и вздохнул. Маленький сухощавый Сашка Конюхов, который на лету подхватывал поленья, точно пули свистевшие из-под колуна, покосился на него.

— Ты чего, командир? — и ловко, не глядя, выхватил из воздуха очередное сосновое полено.

— Да так,— сумрачно отозвался Степан и зашел в баню.

Уже в предбаннике шибануло приятным жаром, с примесью хвойного духа. Мужики посторонились, разогрели как надо. Степан снял ботинки и толстые вязаные носки, потоптался на скрипучих досках, разминая босые ступни, потом открыл еще одну дверь и забрался в парилку, щурясь от почти нестерпимой жары.

Быстро набрав кипятку в новенькую шайку, умело сработанную тем же Конюховым, Степан положил в него веник, поглядел, как сухие листья начинают набухать и расправляться. Встал посреди парилки, уважительно поклонился на четыре стороны.

— Здравствуй, Хозяин! — негромко проговорил, глядя как в щелях каменки бьется пламя,— помоги чистоту навести, грязь, болезни свести... А мы тебя уважим за это первым парком.

Показалось или пламя в трубе и вправду прогудело глухо, словно бы кто-то сказал «Ладно»? Степан повернулся и вышел из парилки, утирая вспотевшее лицо рукавом.

— Ну и разогрели вы!

— А что? — Ясин наконец-то воткнул колун в пенек и потянулся.— Банька что надо! По-нашему, по-сибирски.

— Белье припасли? — Нефедов стоял, чувствуя, как земля чуть холодит ноги, и смотрел на облака, наползающие из-за кромки леса.

— Все в порядке, товарищ старшина, даже и на вас комплект новенький раздобыл, еще в Бортково на складе! — весело доложил Конюхов. От скуки он уже нацелился метнуть свою знаменитую финку в стену бани, но Нефедов глянул на него грозно, и Санька опустил уже замахнувшуюся руку.

— Я тебе кину... В баню пусть никто не заходит, Хозяина уважать надо. Ясно?

— А-а...— понимающе протянули оба, а Якупов от калитки снова засмеялся.

— Смейся-смейся...— проворчал Степан и уселся на пенек. Он сидел и смотрел на полуразвалившуюся избу, которая еле виднелась из-за бурьяна.

Когда Особый взвод, точнее семь человек, которые от него остались после операции под Львовом, отвели «на переформирование», Нефедова к себе вызвал полковник Иванцов. Разговор не затянулся. Глядя на почерневшего от недосыпа, обросшего щетиной старшину, полковник долго молчал. А у Степана первый раз в жизни руки от усталости тряслись так, что табак из самокрутки сыпался на пол, и рвалась тонкая бумага.

— Значит, так,— Иванцов выдал Степану коробку «Казбека», смахнул недоделанную самокрутку со стола.— Сделаем вот что. Здесь, в районе, есть одна деревенька... точнее, была до войны.

Родня у меня там жила, дядька с теткой, колхозники. Недавно с дядькой я повидался, они из эвакуации вернулись. Говорят — от деревни не осталось ничего, после того как там немцы похозяйничали. Кто успел уйти в лес — ушел, кого эвакуировали — только сейчас возвращаются. А возвращаться-то вроде как и некуда, одни развалины. Похоже, там танковая часть стояла, почти все дома по бревнышку раскатали то ли от злости, то ли от скуки. Дядькину хату тоже наполовину обрушили.

Полковник помассировал кисть левой руки. После залеченного ранения пальцы постоянно мерзли — видимо, пуля задела какой-то нерв.

— Но это все неинтересно. Главное вот что — баня у них там осталась. Хорошая баня, еще прадед строил, на века. Баню немцы не тронули, хоть и сами в ней не мылись, не запоганили. Стоит себе в огороде, целехонькая, хоть сейчас затопи да парься. Вот туда и направляйтесь. На неделю. Приказ я уже составил, а жить в палатках вам не привыкать. Отдохните, выспитесь как следует. Потом будешь пополнение принимать, а сейчас приказываю отдохнуть, понял?

— Так точно,— старшина справился с дрожащими руками, выпрямился по стойке «смирно».

— Чего тянешься? — недовольно махнул рукой Иванцов.— Иди уж... богатырь, тоже мне. Грузовик ваш на ремонте, возьмешь полуторку в хозяйстве Фомина, он знает...

...— Старший,— тихий шипящий голос вывел старшину из раздумья. Он повернул голову и увидел Ласса. Альв сидел чуть поодаль на корточках, внимательно вглядываясь своими глазами без зрачков в лицо Нефедову.

— Что?

— Тар'Наль вернулся. Говорит, что все спокойно.

— Вот и хорошо,— старшина отозвался вяло, потом зевнул.— Выспаться бы мне, Ласс. После баньки — самое то, а? Попарюсь — и на боковую.

Он зевнул еще раз, поднялся, спросил:

— А ты как? Помыться не желаешь?

Альва слегка передернуло, он высоко поднял брови и улыбнулся холодной, едва заметной усмешкой, чуть приподняв краешки губ.

— Нет, Старший. Благодарю...

— Извини,— старшина сокрущенно развел руками.— Позабыл!

Оба они знали, что Нефедов шутит. Воспитанный альвом, он никогда не забывал, что они соблюдают чистоту по-своему, составляя настои и отвары из разных цветов и кореньев, очищающих тело и убивающих любой запах. Вот и сейчас от Ласса ничем не пахло, так что даже собака не смогла бы учゅять его по ветру.

— Однако, первый пар прошел. Пора и нам,— сказал Степан.— Мужики, а ну готовьтесь грешные тела мыть!

Первыми в баню отправили самых молодых, хотя парни упирались, не желая, чтобы «товарищ старшина» пользовался веником уже после них.

— Да как же так? — бурчал Женька Ясин.— Непорядок! Вам, товарищ старшина, надо первому, в лучший пар, с новым веником...

— Ясин,— проникновенно отозвался Нефедов, который уже снял штаны и сидел в одних бязевых подштанниках,— иногда я жалею, что ремня тебе всыпать не могу. Отставить пререкаться! Топай мыться, и побыстрее.

— Ну ладно, ладно! — притворно испугался Женька и скрылся в бане. Скоро оттуда понеслись громкие вопли: — Эх! Наддай! Сильнее! Охаживай его как следует! Жарь по бокам! Эх! Ух! А-ах!

— Разнесут баню, черти,— ухмыльнулся Андрей Никифоров, отрядный колдун, который появился из-за бани и подошел неслышными шагами. Высокий и жилистый, он мало походил на мага, даже здесь не расставаясь с трофеинным автоматом.

— Мыться тоже с ним будешь? — съязвил Конюхов, тыкая пальцем в оружие.

— Точно.— спокойно отозвался Никифоров.— Тебя им буду парить, вместо веника. Славно пойдет! Особено если взять за ствол, да промеж лопаток...

— Не ссорьтесь,— лениво протянул Степан. Он сидел, прислонившись лопатками к теплым бревнам бани, и чувствовал, что может просидеть так хоть сто лет — не двигаясь, чувствуя, как старое дерево вытягивает из тела усталость.— Что там у тебя, Андрей?

— Ничего. Грибов насобирал,— колдун развернул плащ-палатку и предъявил кучу маслят.

— Ой, мои любимые! — совершенно по-детски обрадовался Конюхов. Потом подозрительно посмотрел на Никифорова.— Андрюша, а ты их как собирал?

— Как? — растерялся тот.— Ну... руками и ножом...

— Точно не заклятием? А то, если они сами к тебе в плащ-палатку прыгали, я их есть не буду!

— Тыфу, блин! — Никифоров дал подзатыльник хохочущему сержанту, осторожно уложил плащ-палатку на пенек, изрубленный колуном. Подошел Якупов, потрогал маслят пальцем.

— Бик якши, после бани поджарим с лучком...

— Да уж. Ты, Татарин, повар знатный,— старшина прислушался.

Стукнула дверь, и из предбанника вылетели все трое молодых — распаренные до малинового тела, с прилипшими тут и там березовыми листьями.

— Ох-х... не могу! — стонал Ясин.— Упарили!

— Значит, Хозяину понравилось,— Степан Нефедов потушил окурок и поднялся.— Ну, мужики, айда.

— Хорошая баня...— прошептал Конюхов. Маленький сержант сидел на полке, полузакрыл глаза, и на его блестящем от пота теле все резче выделялись старые багровые шрамы. А Нефедов лежал рядом и, хотя прошло уже больше десятка минут, был почти сухим, а шрамы, которых у него было куда больше, оставались белыми.

— Командир, а ты почему не потеешь? — спросил Никифоров. Даже в бане колдун не снял с шеи железный оберег-ворон и теперь, морщась, то и дело плескал на него холодной водой из бочки.

— Это только мертвые не потеют, — стальная коронка тускло блеснула в луче света из маленького оконца, когда Степан улыбнулся, — а я живой. Только тяжело потею, долго... что правда, то правда. Я, Андрюша, в свое время столько альвовских настоев выпил — мало не покажется. Учитель из меня дурные соки выгонял, он сам так говорил. Приучал тело работать быстрее и сильнее, раны залечивать. А на вкус все эти настои, скажу я тебе, — дрянь страшная. Похлеще того, который ты нам под Волоколамском давал, чтобы волки нас не чуяли, помнишь? Так вот — тот просто малиной был. После альвовских сутки выворачивало сначала с непривычки-то, человек к ним не приспособлен. Многие помирали, говорят.

— А ты? — спросил Конюхов и тут же, опомнившись, заххотал во все горло.

— И я, — старшина пожал плечами и перевернулся на живот, — ну уважил наш Хозяин! Ай да баньку истопил! Обязательно надо оставить ему тут свежий веник. Не забудь, Саня. А теперь — ну-ка, Файзулла, поддай на каменку да пройдись по мне березовым как следует!

Переждав лютый жар, вырвавшийся из каменки после ковша воды, татарин принял стегать Степана веником — да так, что тот вскоре

почувствовал, как тело становится звонким и легким, точно воздушный шарик...

Грохот двери заставил его подскочить. В баню ворвался Женяка Ясин — уже одетый, передергивая затвор автомата.

— Немцы! — крикнул он.

— Чего? — Нефедов еще не успел осмыслить, но тело уже исполняло привычный ритуал, собираясь как пружина перед боем. — Какие немцы? Откуда?

— Отряд на опушке леса... Ласс заметил... Пожале, из окруженицев, а может, десант.... — Женяка торопился, захлебываясь словами.

— Тихо, не шустри! — остановил его Санька Конюхов. — Сколько?

— Человек двадцать. Все в пятнистом, ранцы за плечами... Идут врассыпную.

— Ясно. Значит, не простая пехтура, — подытожил Никифоров, натягивая штаны.

Они едва успели выскочить из бани и повалиться в полынь, как тут же попали под обстрел. Немцы оказались зоркими и опытными, огонь повели густо, и даже Тар'Налю, в первую же минуту прострелившему головы двоим, пришлось залечь и откатиться за пенек. Пули взвизгивали, чавкали, врезаясь в бревна, гудящие под выстрелами, шипели в сырой траве.

Степан, подкатившись к остаткам забора, выцепил перебегавшую фигуру в камуфляже, нажал на спуск и тут же, на выдохе, подловил вто-

рого. Немец выгнулся, повалился в борозду между кучами сопревшей картофельной ботвы, за скреб каблуками по земле и угомонился.

Сзади вскрикнул Конюхов, длинно выматерился сквозь стон. Обернувшись, Нефедов увидел, что конопатый сержант зажимает ладонью плечо, а сквозь пальцы у него сочится кровь, лентой сползая по руке.

— Сашка, за баню! — крикнул он. Рядом вдруг возник Ласс.

— Нет, Старший, второй отряд заходит с другой стороны. Они обошли деревню, — альв оставался невозмутим, и только длинные пальцы с нечеловеческой быстротой порхали над патронником карабина.

— Проворонили! — Старшина заскрипел зубами.

— Нет, Старший, — повторил Ласс. — Они шли под Незримым Словом, но их увидел Тэссэр. Кроме него, их не увидел бы никто, — альв выстрелил дважды, приник к земле, когда автоматная очередь сбила траву у его головы.

— Никифоров, сзади! — Старшина надсадно крикнул во весь голос, выщелкнул опустевшую обойму из «парабеллума». «Пропало чистое белье», — мелькнула нелепая мысль.

И тут он увидел, как распахнулась дверь бани, хотя изнутри за нее никто не держался. В проеме показалось что-то — мохнатое, черное, словно бы клубящееся, как дымный сгусток. Нефедову показалось, что он различает два глаза — горящие красные точки. Файзулла Якупов крякнул,

что-то быстро сказал по-татарски, словно отговаривая дурной знак.

— Сюда! — густой голос перекрыл выстрелы, над огородом будто прошелестел банный веник. Мгновенно сообразив, что к чему, Степан крикнул:

— Отходим к бане! За мной! — и рванул в открытую дверь предбанника.

За ним ввалились остальные, каким-то чудом поместившись в небольшом пространстве. Выстрелы снаружи сразу же стали слышаться еле-еле, словно всю баню обернули гигантской подушкой. Бойцы стояли, тяжело дыша, перемазанные травяной зеленью и грязью.

— Сашка тут? — Нефедов вытянул шею.

— Здесь... — прерывисто отозвался из полу-мрака Конюхов, которому Ласс бинтовал руку быстрыми витками. — Чего теперь, командир? Я, конечно, понимаю, что тактика и стратегия... Но они же нас окружили. Ясин погиб, пулю прямо в лоб получил, я сам видел...

Скрипнула, открываясь, дверь в парилку, но жаром оттуда не дохнуло — наоборот, холодом, точно из погреба. Черный дым стоял в дверях плотно как кисель. И там, в глубине, два тусклых глаза смотрели сквозь него. Потом дым вдруг как-то сжался, втянулся сам в себя — и оказалось, что посредине парилки стоит маленький мужичок с черной бородой, в длинной исподней рубахе.

— Не бойтесь,— сказал он. Все молчали, и только Степан перевел дух и устало сел на лавку.

— Чего бояться? — сказал он.— Русский банник не обидит.

— Не обижу,— подтвердил мужик. Глаза его, цвета раскаленного угля в печке, впивались по-очередно каждому в зрачки долгим взглядом.— Уважили. Истопили баню. Все честь по чести.

Хозяин говорил отрывисто, речь его напоминала пощелкивание поленьев в топке.

— Все сделали. За что обижать? — Тут банник перевел взгляд в окно. В это мгновение пуля вышибла стекло, обдав его веером стеклянных брызг, но Хозяин даже не поморщился, не отвел лица, только черные волосы на затылке заострились иглами, встали дыбом.

— Они сюда пришли. Кто звал? — Теперь банник разговаривал сам с собой.— Дом порушили. Даже пса убили. Теперь снова пришли. НЕ ДАМ!! — вдруг заревел он так страшно, что отшатнулся даже старшина, ударившись затылком о бревенчатую стену. Только Тэссэр остался неподвижен, выщеливая кого-то сквозь выбитое окно. По ушам ударил выстрел, гильза покатилась по доскам.

Обернув к солдатам Особого взвода закопченное лицо, банник улыбнулся, показывая острые шилья зубов.

— Сейчас сам пойду,— сказал он, и тут же стал струей дыма, клубящегося под потолком. Дым проскользнул в печное поддувало, втянулся туда целиком. Нефедов проскользнул к оконцу, осторожно выглянул.

— Твою мать... — пробормотал он.

— Что там?

— Сам посмотри, — Степан кивнул Никифорову, и тот одним глазом глянул, оставаясь за бревнами.

Немцы были совсем близко, перебежками окружали баню. Труп одного из них, подстреленного Тэссэром, валялся на траве, каска откатилась в сторону, из развороченной глазницы сочилось кровавое месиво. Черная дымка скользнула к нему, втянулась в раскрытый предсмертной конвульсией рот. Труп дернулся. Солдаты, уже оставившие его за спинами, этого не видели — отстегивали с ремней и доставали из подсумков гранаты, готовясь забросать ими баню.

Мертвый солдат медленно встал, его руки цепко ухватили автомат, поменяли пустой магазин. Скрюченные пальцы оттянули и отпустили затвор. Услышав лязг, один из немцев оглянулся, вскрикнул не своим голосом.

— Пригнись! — Нефедов оттолкнул колдуна от оконца.

За стенами бани ударила длинная очередь — весь рожок автомата вылетел в секунды, кто-то заорал, захрипел, падая на землю. Старшина снова выглянул наружу. Мертвцев прибавился, а посреди огорода под выстрелами дергался труп, истекая черным дымом. Пронзительные вопли на немецком прекратились, когда дважды покойник снова рухнул на землю, превратившись в мокрец решето.

— Хорошо он их,— хмыкнул Степан. Дым уже сочился из печки, снова собираясь в чернобородую фигуру.

Теперь баник был совсем черен лицом, глаза потускнели.

— Тяжело,— выговорил он медленно.— Внутри быть тяжело.

Пули — измятые, исковерканные — заскакали по половицам, горохом посыпались из рукавов исподней рубахи. Баник остановил неподвижный взгляд на Никифорове, который умоляющее подался вперед, точно просил о чем-то.

— Можно...— прошептал он.— ... иди сюда.

Колдун шагнул вперед и протянул руки. Баник цепко ухватился за его кисти длинными пальцами. И словно взорвался, охватив со всех сторон черным студнем тумана.

— А-а-а! — Никифоров протяжно взывал, упал на спину, выгнулся так, что пятками и лбом коснулся досок. Руки он выбросил в стороны, и оцепеневший Нефедов увидел, как скрюченные пальцы раз за разом пробивают дыры в толстом дереве. Потом Андрей перекатился на бок, встал. Поглядел на старшину глазами, затянутыми кровавой пеленой. И шагнул к двери.

— Куда! — Конюхов рванулся вперед, зашипел от боли в плече, когда Степан резко его осадил, дернув обратно.

— Ждем! — яростно приказал он.

Никифоров, волоча ноги, вышел во двор — и был встречен выстрелами в упор. Но вокруг кол-

дуна уже ворочалось пыльное облако, разраставшийся смерч подметал траву, вырывая ее с корнем, перемешивая с землей,— и пули канули в этом облаке. Немцы пятились, заслоняя лица от пыли и хлещущей травы.

Пронзительно заскрипела дверь бани, и Степан увидел, как толстые ржавые гвозди, щедро включенные в нее когда-то давным-давно, медленно разгибаются, с визгом выползают из досок наружу. Но автоматы на это никак не реагировали, оставаясь висеть на ремнях.

— Чудеса,— старшина привалился к стене.

Грохнул взрыв, по бревнам стегнули осколки гранаты. Дверь окончательно развалилась, зазвенели петли, гвозди исчезли в крутящемся облаке. На полуразрушенной избе поодаль пропала крыша, повалились ничем больше не поддерживаемые дверные косяки.

— Башку пригни! — Нефедов силой повалил Якупова, который все порывался стрелять в немцев.— Куда палить собрался? Видишь, что с пульми творится?!

Ласс, Тар'Наль и Тэссэр аккуратно убрали винтовки за спины, прижались к полу, отвернув лица от вихря. Степан, не поднимая головы, пошарил рукой по лавке, сунул руку в карман штанов, где звякнули обереги. На ощупь сломал один из них, сунул в рот.

Мир полыхнул холодным оранжевым пламенем. Фигуры немцев засветились тревожно-багровым, мечущимся,— а кокон вихря истончился, став почти невидимым. И прямо посреди

него Нефедов увидел фигуру с раскинутыми руками — ослепительно-белую, обросшую, точно черными иглами, гвоздями. Остриями наружу.

Он выплюнул пластинку, сильнее вжался в пол бани. Воздух взвыл и оглушительно лопнул, бревна затряслись, из пазов посыпалась моховая труха. Сильно и часто застучало по дереву, точно сотни молотков одновременно грохнули с размаху.

Тишина

Потом Степан поднялся на ноги и вышел из бани, держа наготове «парабеллум». За ним начали выбираться остальные, щурясь на солнце, показавшееся из разрыва в облаках.

Сначала старшине показалось, что живых во дворе нет. Повсюду валялись трупы немцев — истыканные, насквозь пробитые гвоздями, торчащими в головах, руках, ногах... Трава на огороде осталась только по углам, а посередине чернела голой, точно вспаханной землей проплешина, в центре которой, раскинув руки, лежал Никифоров и очумело смотрел в небо.

— Живой? — Нефедов в два прыжка добежал до него, опустился рядом на колени. Колдун помолчал, подумал.

— Ага... — неуверенно сказал он и попытался подняться. С первого раза не получилось, но упрямый Никифоров все-таки сел и затряс головой.

— Едреный стос, — тоненько протянул он, оглядывая поле боя. — Кто это их так?

— Не помнишь, что ли? — Подоспевший Санька Конюхов помог колдуну подняться на ноги и картинно осмотрел его, поворачивая здоровой рукой то туда, то сюда. — Это ж ты был! Как завыл, как выскочил во двор! Я лежу мордой вниз и думаю — ну все, хана, прощай, родина, Андрюха разозлился...

— Да ну тебя! — разозлился Никифоров. — Я по-человечески спрашиваю!

— Ты их, Андрей, ты, — Степан похлопал его по плечу и тут же насторожился, дернул стволом пистолета в сторону. Из-за угла бани, кряхтя и волоча ногу, выполз Женька Ясин.

— Жека! — радостно заорал Конюхов, побежал навстречу. — Живой!

— Оглушило меня, — начал оправдываться Ясин, глядя попеременно то на изумленного старшину, то на Саньку. — Товарищ старшина, товарищ сержант, я не специально... успел одного фрица подстрелить, а тут пуля... Лоб оцарапала, а мне показалось, будто лошадь копытом!

— Живой, живой, зараза! — Конюхов, не слушая лепечущего Ясина, тряс его за плечи так, что здоровенный парень мотался как тонкая осинка.

— Э, совсем сдуруел Саня! — Файзулла Якупов стоял на пороге бани и улыбался хитро. Он уже успел набить трубочку и теперь пускал в небо кольечки дыма. — Совсем парня угробишь, дурной...

— Что было-то? — не унимался за спиной у Степана уже совсем очухавшийся Никифоров,

который уселся на пень и растерянно стряхивал землю с подштанников. Что-то в нем выглядело странно. Старшина пригляделся внимательнее и только сейчас заметил, что оберег, который висел на шее колдуна, исчез бесследно — осталася только длинный багровый ожог там, где была железная цепочка и фигурка ворона. Он уже собирался рассказать, но тут Конюхов откашлялся и подбоченился.

— Значит, дело было так, Андрей...

Тэссэр и Ласс за его спиной переглянулись с одинаковым выражением и пожали плечами. Ласс сделал вид, что затыкает уши. Потом альвы демонстративно повернулись и удалились.

— Ну все, погнал сержант,— сокрущенно сказал Ясин.— Теперь не остановить. А я все это видел, сейчас припоминаю. Как меня эти гвозди не задели — ума не приложу, я ж даже не прятался, просто валялся как дурак. Будто кто-то за угол оттянул...

Нефедов вздрогнул.

— Вот что, мужики! — На его окрик повернулись все, Конюхов осекся на полуслове, даже альвы замедлили шаг.— Значит, все понимают, кто нам помог? Даже ты, Файзулла?

Якупов вытащил трубку изо рта, быстро и серьезно покивал, потом провел ладонями по лицу, что-то тихо прошептал.

— Вот так,— продолжил Нефедов,— а если все понимают, то надо в ответ помочь. Чуть вконец баню не разнесли.

Он поглядел на черные бревна. Вся стена бани, обращенная к огороду, была густо утыкана

гвоздями. Шляпки их блестели как отполированные.

— Надо, думается мне, дверь заново сколотить, окно починить. Стекло, поди, можно тут найти, хотя бы кусок небольшой. Ну и внутри тоже — лавки оскоблить, печку поправить... Короче — чтобы всё было чика в чику.

Люди молча закивали.

— Я еще крышу переложу, — сказал Ясин. — Я по крышам мастак.

— Хозяину спасибо, — татарин провел широкой ладонью по дверному косяку. Внезапно глаза его открылись до необыкновенной ширины, и он заорал. — Э! Ты что! Куда сел!

Нефедов, холodeя внутри, развернулся, готовый ко всему.

И увидел, как Никифоров, матерясь, поднимается с пенька. Прямо с плащ-палатки, полной маслят.

На миг все замерли. Первым захочотал Конюхов. Он повалился на землю, тоненько повизгивая и колотя босыми пятками по разбросанной траве. Засмеялся Файзулла, бросив трубку и утирая набежавшие слезы, потом голосисто заржал Женяка Ясин, откинув голову и широко разевая рот.

— Особый... особый взвод! — сипел Конюхов. — Так твою растак! На себя... на себя поглядите!

В сердцах поддав по пеньку ногой, Никифоров заскакал, держась за ушибленные пальцы. По-

валился рядом с Конюховым и тоже засмеялся. Старшина смотрел на них и чувствовал, как пружина внутри медленно раскручивается, отпускает, слабеет.

— Ну вот что, бойцы... — Он начал говорить и вдруг захохотал сам.

Старшина Степан Нефедов стоял и смеялся — хлопая себя ладонями по бокам, приседая, хохоча радостно. Как в детстве.

Облака совсем разошлись, и вскоре с чистого неба брызнул теплый грибной дождь.

Олег Дивов

Вундервафля

30 мая 1968 года, где-то под Безансоном

Капает водичка из триплекса, холодненькая, и прямо на штаны,— а говорили, мы герметичные. Если заскучала, майнे кляйне, заходи в гости, пиши адрес: Франция, самый большой пруд с самыми жирными лягушками, выплыть на середину, постучать веслом три раза, спросить Васю. Ты не думай, я через границу махнул не просто так искупаться, мой экипаж тонет в этом болоте вполне официально, по просьбе генерала Де Голля, коленвал ему в дутло. Если верить замполиту, мы выполняем интернациональный долг. Вот поди теперь пойми, кто кому больше должен.

Лучше б я в эту ихнюю Сорбонну впаялся, честное слово.

Ты найдешь нас по антенне, она пока на поверхности, хотя мы медленно погружаемся, ни-

чего удивительного, почти тридцать тонн, чай не субмарины на грунте. Еще жив аккумулятор, и эфир доносит до меня сочные эпитеты, какими всегда сопровождается марш советских войск в глубь чужой территории. Если перевести с русского на русский, можно представить общую картину: сколько мирных домиков снес бронированный кулак, сколько милых ситроенчиков раскатало в блины пуленепробиваемое колесо, да как нас всех за это отымают, когда долг будет выполнен, и в бесспокойном хозяйстве Де Голля вновь устаканится конституционный порядок. Не мало влепят мне суток ареста, если, конечно, сумеют отсюда выковырять, а сумеют часа через два, не раньше, ибо я не один такой акробат, много наших полегло по обочинам трассы Е60, кто на боку, кто на ушах, а кто вообще в навозной яме.

Иди по нашим следам, майнे кляйне, через развалины фермы, точнее руины, обломки и ошметки, да и наплевать. Мы тут, пока тонули, сначала мучились совестью, а потом решили: какого черта, считайте этот акт вандализма нашей скромной личной местью за то, что Наполеон сжег Москву. Если у пруда увидишь хозяев здешнего лягушачьего рая, орующих над мутными водами «ферфлюхтер руссиш швайн!!!», хотя какой руссиш швайн, они французы, но смысл будет тот же — тогда совсем хорошо, значит, мы никого не задавили.

Ну ошиблись чуток: бортмеханик, который на марше за штурмана, пропустил строчку в леген-

де и вместо «левый два опасный» ляпнул: «Топи, Василий!» Я честно втопил, укладывая стрелку на ограничитель, и в итоге нас утопил. Бесславно и бездарно свинтило под откос гроссе руссише вундерваффе. Стремительным доннерверттером ТГР слетел с трассы, забодал домик, раздавил сарайчик, разметал амбарчик, грузовичок какой-то разъял на запчасти — и стремительным домкратом ухнул в пруд. Нет слов описать, до чего нам всем тут стыдно, темно, холодно, сыро, а главное, душно. Одна радость, у бортача, по чьей милости мы прозябаем и загибаемся, морда всмятку. Пристегнулся небрежно и сам себя наказал, злодей, иначе пришлось бы мне его бить, а я ведь добрый очень, ты знаешь.

И что совсем обидно, недалеко уехали, даже не устали.

А как все мудро было задумано.

Тигру можно разогнать до ста шестидесяти по прибору, но это, во-первых, страшно, а во-вторых, плохо кончится. Довернуть машину на такой скорости невозможно, и, случись по курсу препятствие, тигра воткнется в него, как метко пущенный боевой утюг. А препятствие случится, будьте уверены. Теория прикладного тигровождения гласит: если через тигра, раскочегаренную до максималки, провести воображаемую прямую линию, на другом конце прямой обязательно возникнет материальный объект, к кото-

рому тигра и устремится с непреодолимой силой.

А тормоза у нас, простите, не очень.

Тигра, по идеи, машина чудесная. Красивая, загляденье. Но как наступишь на педаль, сразу видно: тут все, кроме двигателя, работает на пределе. Обзор никакой, трансмиссия слабовата, о расходе топлива вообще молчу... Зато мы заводимся с полтыка, а сотню набираем за двадцать пять секунд. И даже тормозим не так уж плохо для своего веса. Просто долго. Местные это знают и стараются не подставляться. Тем более, у нас сирена — за версту слыхать. Отличная сирена.

Да, забыл, у ТГР еще пушка замечательная и пулеметы.

В остальном, конечно, аппарат сырой. И строгий в пилотировании. Каждый наш учебный марш — чисто русская народная забава «догони меня, кирпич», впору звездочки малевать за сбитые столбы.

Мы летим по автобану: думать поздно, сдохнуть рано.

Я обязан держать на прямой сто сорок. И вроде бы мне тигра нравится, служба нравится, но топить на всю железку — боязно, честно. Говорят, русские любят быструю езду. Только когда у тебя колесная машина в габаритах танка и сравнивая с танком по массе, и вот этой штуковине положено по нормативу доскакать за четыре часа с окраины Фрайбурга до Эйфелевой башни, такое даже для русского чересчур.

А надо, Вася, надо. Четыреста пятьдесят километров единным духом намотай на колесо — и пушку свою лягушатникам предъяви. И высади из «собачника», что позади за башней, десант о шести ужасных рылах при гранатомете, пулемете и снайперке. Рыла у десанта безумные не специально для запугивания французов, а просто ты посиди хотя бы часик в темном душном отсеке через стенку от двигателя. Когда на свет белый высунешься, удивляясь, что живой,— с одного твоего вида Европа вздрогнет.

Бывает и хуже: вон как у бригады, что стоит в Трире, на родине великого мыслителя Карла Маркса. Им вроде ехать не так далеко, зато через Люксембург, а там рельеф поганый и трасса петляет. На прямых участках они постоянно стрелку класть должны. И сколько машин до точки домчится, а сколько по канавам разлетится, вопрос.

Посему я рад служить на родине великого пиroteхника Бертольда Шварца. Городок славный, немцы приветливые, как их в войну союзнички разбомбили вдребезги, тут эти морды тевтонские и осознали, кто им друг. И детям объяснили. Молодежь в школе русский учит так, что от зубов отскакивает. Весьма способствует общению. Девчонки, конечно, нашим не чета, зато без комплексов. Тоже способствует. Вот смешишься с дежурства, мундир напялишь, хлопнешь с ребятами пивка на Айзенбанштрассе, потом выйдешь тепленький уже на Роттесринг — красота! — и прямиком к университету, к памятнику Ломоносову, где гуляют, поджидая нас,

милые фройляйн, студентки-русистки. Хорошо ли тебе, лейтенант? Да замечательно. Их лебединых и все такое.

Батя с войны пришел, меня на радостях заделал, и гляди-ка, через двадцать два года я по той самой улице иду, которую отец гусеницами шлифовал. А рядом девчонка, папаша которой, вполне вероятно, вон из того подвала в моего родителя фауст наводил. Спасибо, не поубивали друг друга. Всем спасибо.

А ведь кто знает, как бы все обернулось, удачно союзничкам ихний оверлорд. Мы в училище разбирали по пунктам эту провальную высадку, и выходит так, что дело решили блицбомбера Me-262. Сколько нам ни вдалбливали, мол, отдельная вундервафля на войне ничего не значит — а тут она целый фронт закрыла. Бомбили немцы по наплавным пирсам «Малбери», потом по транспортам прошлись, и остался союзный десант без снабжения да пополнения. А с суши уже Роммель подъезжал, весело лязгая траками, — и настал союзничкам второй Дьепп. Надо было им, дуракам, не мудрить с этими пирсами, а рискнуть и атаковать порты. Боялись потерять, а ограбили в итоге втрое и позорно убрались с континента. Своих погубили бездарно, и поди еще сочти, русских сколько полегло лишку, пока не задавили мы Гитлера в одну харю. Батя вспоминал, как вышли к Ла-Маншу, так первым делом ствол задрали и шарагнули болванкой в направлении куда надо: жалко, не долетит, а то бы прямо Черчиллю в грызло засадили.

Спасибо хоть американцы Японию уконтрпутили, не хватало еще и с косыми разбираться. К Америке претензий особых нет, а вот, кто заваруху на континенте устроил, кто Гитлера на СССР натравил, мы знаем и помним.

Они теперь говорят, мы Европу прикарманили — а кто ее спас, извините, генерал Де Голь, что ли? Где бы вы были без русского солдата.

Так что стою я на дружелюбной немецкой земле обеими ногами твердо, пока не приму на грудь дюжину баварского, но и, случись упасть, валяться буду непоколебимо, по праву спасителя и защитника. Ибо лежать посреди города Фрайбурга, да еще у памятника великому русскому ученому Ломоносову М. В., сама История советскому лейтенанту разрешила. По Уставу, конечно, это не положено, да и просто неприлично, но в принципе-то, в принципе!

Тем более, я пилот тигры. Летчик почти и вообще морально космонавт. Пускай низко летаю, зато нагрузка на психику такая, что хоть запули меня сейчас на Луну вместе с Алексеем Леоновым — не дрогну.

Это я по штату «водитель ТГР», мы-то себя пилотами зовем. Бешеную технику нам Родина доверила, неспроста пилот и стрелок офицеры, только бортач — сверхсрочник. А задачи мы решать должны, о каких лет тридцать назад и подумать было дико. Тогда сама идея «автострадного танка» ни в какие ворота не лезла. Дорога, это ведь для бронетехники строго путь доставки к театру военных действий, и то идти надо с при-

крытием, а уж бой на дороге принять — чистая погибель. Оседляет противник трассу, запрет на ней колонну, и аллес капут, четыре трупа возле танка дополнят утренний пейзаж, еще в Финляндии мы этот урок зазубрили.

Но кто ж знал, что карта Европы так изменится. Кто ж предполагал, что будут у нас войска быстрого реагирования и особые бригады прорыва. Если грубо, не совсем военные по задачам, а скорее полицейские части, которые должны внезапно метнуться и занять ключевые точки до подхода основных сил. Рвануть в атаку со скоростью доннервэттера, как немцы говорят.

Понятное дело, врагов у нас в Европе, мирной и почти что демилитаризованной, быть не может. Однако народец тут, помимо немцев, дурной да нервный, вспыльчивый, к руководству без пietета, то маёвка, то забастовка, то студентики шалят. В теории может выйти так, что власти сами не утихомирят смутьянов и запросят помощи. А кого звать-то помогать, ясен пень, советских. Но мы же не повсюду тут стоим, мы ведь не захватили континент, что бы там ни бухтели англичане. Вон штаб ГСВЕ в Баден-Бадене, а дальше немецкой границы если и попадется русский солдатик, так он портфель носит за военным атташе и забыл, с какой стороны в автомат втыкают шомпол. То есть Советы как бы держат руку на пульсе, но в объективной действительности нас фиг докличешься, когда припрет. И даже при полной готовности мы будем ковылять на выручку законным властям суток трое с

учетом погрузки-разгрузки. А по небу если, так надо сначала захватить аэропорты путем воздушного десанта, что тоже время займет. Там час потеряли, тут потратили, глядишь, уже полдня проканителились.

И вдруг — опаньки! — на сцене появляется то самое вундерваффе, про которое мы знаем, что толку от него чуть. За войну лишь дважды оно себя проявило. Сначала у одинокого танка КВ стуканул движок на узкой лесной дорожке, отчего случился форменный хендеох боевой группе «Раус». Потом блицбомбера ободрали всю малину хитро выдуманным англо-американским оверлордам, и вот это было уже очень серьезно.

А у нас завершил испытания и был признан выдающимся дурацким достижением советской инженерной мысли «объект ТГР» — транспорт газотурбинный разведывательный. Ну куда, действительно, засунуть броневик, который на полном ходу жрет как два вертолета, а на холостом — как один вертолет? Только в кунсткамеру.

Но если тебе надо, допустим, в Париж по делу срочно, тогда ты вешаешь на ТГР пару дополнительных баков, и по газам. Бить машину враги будут в лоб — в борт тебя на ходу не взять. Баррикады на твоем пути окажутся не крепче перевернутых грузовиков, только ключья от них полетят. Главное — надежная легенда, как у гонщиков-раллистов, иначе быстро не поедешь, у тебя ведь инерция что у парохода, все ускорения-торможения да вообще любые маневры надо рассчитывать с огромным запасом. А если

штурман легенду читает, ты знай топчи педальку да легонько шевели барапкой.

ТГР наращивают броню, особенно на морде, нахлобучивают сверху башню с серьезным вооружением, получается тигра. Стремительная, красивая до изумления, страшная до ужаса машина о шести колесах, которые через тысячу километров развалиются, да и черт с ними.

А опыт танкового боя в городах мы накопили такой, что нас этим не испугаешь, наоборот, пускай горожане боятся тактического построения «елочка». Ради этой хитрой тактики мы в ТГР выпиливаем отсек десанта, уж какой можем: туда едва поместятся три американских пехотинца, но русских упакуем шестерых, злее будут, когда выскочат.

В экипаж тигры определяем пару лейтенантов, опытного сержанта — и вперед, на службу миру и прогрессу. Для начала десять особых бригад, потом больше. А чтобы войска были не на бумаге, как это у нас некрасиво перед войной получилось и чего мы больше не допустим, вы, товарищи офицеры, станете тренироваться — гонять по трассе. Зря их, что ли, немцы понастроили? На всякий случай прикрутим вам сирену — распугивать зазевавшихся бюргеров.

А кто не спрятался, мы не виноваты.

Вот и я, встречайте, гроза автобана, руссише вундерваффе. Лопаю двести литров горючки в час! Но как я еду, как я еду! Когда приловчишься да попривыкнешь, можно получить море удовольствия. Только не надо совсем уж класть

стрелку, ибо, как гласит теория прикладного тигровождения... Ну вы помните.

Чего говоришь, Брунхильда? То есть Беттина, виноват. К тебе пойдем в общагу? Да, самое время. Их либе дих и все такое.

Которые сутки пылает Сорbonна, удрал в Баден-Баден отважный Де Голь... Прямо стихами заговорил. Это, наверное, от общей нервозности и удущливости обстановки. Не плачь по Васе, милая Бетти, достанут Васю из пруда без особого труда, и не таких доставали, чтобы жестоко вздрючить за нарушение порядка движения в колонне. Связи нет уже полчаса, и антenna утонула, и тока больше нет, хорошо, стрелки на часах светятся. Но знаем мы, что валят русские по Франции, на всю железку топят, занимают стратегически важные точки, а в арьергарде ползут тягачи, и один вроде бы направляется к нашему уютному болотцу. Это ничего, что вода уже в сапогах булькает, вопрос, не задохнемся ли. Троим бы воздуха хватило, а вот эти шестеро несчастных в «собачнике» здорово нас ущемили насчет кислорода. И когда настанет край, как бы не пришлось открывать люки да выныривать. А над люками у нас, извините, не вода. Давно уже се-рое нечто капает из триплекса и лезет снизу через сальники, ледяное, вообще в машине колотун сибирский — придонный ил нас засасывает, и откуда его здесь столько? Видать, не в пруд ру-

который мы ухнули, а в мелкое озерцо. Лучше бы в собор Парижской Богоматери въехал... Эй, не вешать носа, бойцы!

Мы, воины-интенационалисты, спасители французской Пятой Республики от либеральной заразы, нам ли гикнуться где-то под Безансоном? Да ни в жизнь! Не вытащат, так вынырнем, не вынырнем, так взлетим, разве ж я не гожусь в космонавты? Веселей, ребята!

И все-таки, как ни люблю я тигру, как ни жалко будет с ней расстаться... Но когда выйду с гауптвахты, двину прямо к комбригу и скажу: делайте со мной что хотите, товарищ полковник, только я в эту вундервафлю больше не сяду.

Потому что с разгоном у нее хорошо и с холодным пуском отменно, но вот такая зверская отрицательная плавучесть — непорядок.

Пошлите меня лучше в космос. Там хотя бы сухо.

Олег Макаровский

За царя и волю

Тяжелый четырехмоторный ИМ-VII казался грозной машиной любому, кто не знал, что собран он в основном из клееной фанеры. Пилоты немецких истребителей, похоже, знали это отлично, поэтому их ничуть не смутил огонь зенитных пулеметов «Илья Муромца Седьмого». Тут надо сказать, что истребители все-таки противника недооценили. Дюжина пулеметов — это дюжина пулеметов, особенно когда стрелки хорошие, и обломки двух «мессершмиттов» украсили собой малороссийский пейзаж еще до того, как простреленная вдоль и поперек туша ИМ тяжко упала в лес. Упала, но не взорвалась. Бомб на борту не было, а горючки оставалось — кот наплакал.

Огромный самолет, один из последних дальних бомбардировщиков, остававшихся у главко-

верха на киевском направлении, вез специального и полномочного представителя ставки генерала Деникина. Официально — дабы поддержать боевой дух окруженных войск, а на самом деле — для смещения с должности совсем зарвавшегося и, по слухам, расстрелявшего уже половину собственного штаба генерала Тухачевского. Собственно, даже в этом особого смысла теперь не было: при данных обстоятельствах никто бы не смог спасти положение, но Деникин был личным другом государя Алексея, и перечить ему не стали. Не пожалели даже последней «семерки».

Про себя Деникин думал: не пожалели потому, что уж очень хотели, чтобы «этот старый пердун» убрался со своими советами куда подальше...

Когда генерал открыл глаза, он увидел над собой качающуюся зеленую листву. Еще через некоторое время понял: его несут на носилках по лесу.

— Похоже, свои... — Это было последним, о чем он успел подумать, прежде чем снова потерял сознание.

Второй раз он очнулся уже на привале, у костра. Вокруг сидели солдаты и офицеры. Кое на ком из них была форма без погон и красные звезды вместо русских кокард. Увидев, что генерал приподнял голову, к нему подошел человек в кожаной куртке и фуражке с красной звездой.

— Георгий Жуков. Командир партизанского отряда имени товарища Троцкого.

«Значит, все-таки в плену», — понял Деникин. И сказал, собрав волю в кулак, чтобы голос не дрогнул:

— С предателями Отечества не здороваюсь. Командир рассмеялся.

— Ага, ваши летчики тоже вон в позу встали. Один даже за наган хвататься попробовал, — Жуков указал на сидевшего с другой стороны костра офицера с перевязанной рукой. — Успокойтесь, вашбродь, мы с русскими не воюем. Даже наоборот. Наши с вашими договорились, царь амнистию всем выдал... РВС тоже директиву прислал: мол, за невозможностью сейчас заниматься пропагандой среди несознательного немецкого пролетариата, придется этих пролетариев пока пострелять малость, чтобы разум у них проснулся. А вы меня не помните, вашбродь?

Жуков широко улыбнулся. Деникин напрягся, пытаясь вспомнить, — но безрезультатно.

— Ясно, куда уж вам всех унтеров в памяти держать... А ведь вы меня от петли спасли: в 1918-м, в Москве... Сказали, что, поскольку это, дескать, был толковый унтер-офицер, то вешать его не следует, лучше шомполами и в холодную, а там, глядишь, разум у него проснется, и Отечеству еще послужит. Если выживет, конечно...

Деникин снова напряг память — но и теперь не смог вспомнить Жукова. Хотя Москву 1918-го он помнил хорошо.

...В ноябре — декабре 1917-го Петербург стараниями Корнилова с Крымовым уже успокоился. Учредительное собрание, как и следовало ожидать, расклада февраля 1917-го не изменило — и Михаил Романов так и остался регентом при малолетнем царевиче Алексее. Николай Романов тогда уже давно жил в монастыре. Впрочем, вот об этом тогда еще никто толком не знал: царь ушел, никому, кроме семьи, не сказав куда, а семья хранила тайну. Весной министры Временного правительства разными путями пытались выведать его местонахождение, но не получилось. А армия только тумана подпускала: постоянно начинали курсировать слухи, что бывший император инкогнито посетил то гвардию, то крымских матросов, а то и Кронштадт...

Деникин точно знал, что никто и никого не посещал: генералы, сговорившись, сами организовывали эти «визиты инкогнито», чтобы поддержать моральный дух в войсках да и министров особо ретивых приструнить. Боялись министры, что этот «инкогнито» в любой момент может войти в Петербург во главе гвардии. Особенно тогда осторегались Синод обижать: даже когда восстановили патриархат и ставший патриархом митрополит Антоний объявил о разграничении власти церковной и государственной... Да, в ту пору даже это проглотили. Правда, потом еще было отступление на Украине, когда стоявшая без движения германская армия вдруг рванулась вперед двумя клиньями и окружила ту все еще неорганизованную массу, что некогда

была армией российской. Фронт удалось стабилизировать только под Курском — и то, честно говоря, лишь потому, что на западе Германия уже проигрывала войну, а, стало быть, все была готова отдать за перемирие на востоке, хоть и пыжилась, демонстрировала силу. Вот тогда, весной 1918-го, и вспыхнул мятеж московских полков, которые Ставка лихорадочно пыталась перебросить под Харьков. Им удалось захватить Кремль и держать его почти неделю, умело отражая все атаки. Применить артиллерию Деникину тогда патриарх благословления не дал (в тех обстоятельствах это означало — запретил), да и повесить разрешил потом лишь каждого десятого. Сам Деникин, несмотря на тяжелые потери и ненависть к предателям, тоже сумел опомниться, даже самолично спас нескольких молодых красных унтеров, попавших в виселичные десять процентов. Не хотелось губить военный талант людей, так толково организовавших оборону.

Выходит, и этот Жуков был среди них...

— Ну не узнали — и ладно. Мы вообще-то и потом виделись, но этого вы уж точно не припомните.

— Это где же? — Генерал потихоньку осваивался в новой обстановке.

— Да когда Перемышль брали, в сентябре 1939-го. Я тогда в саперной команде был. Мы как раз мост поставили, а вы, вашбродь, изволили на белом коне по нему торжественно: со свитой и с музыкой, значит! — Жуков снова заулыбался.

Перемышль Деникин помнил, как будто дело было вчера. Это были хорошие дни, таких в жизни старого генерала случалось не много.

...Тогда поляки дрогнули и все-таки пустили русские войска на свою территорию, почти не оказывая им сопротивления. А там и немцы, столкнувшись с новыми русскими танками, стали неожиданно быстро отступать. Перемышль взяли с ходу, захватив даже немецкий обоз. В городе устроили праздник. Даже обласканный властью Зворыкин приехал, чтобы транслировать картинки взятого Перемышля по своему радиовизору прямо во дворец.

Это потом уже узнали, что только нажим англичан заставил польское правительство перед самой эвакуацией открыть границу на востоке...

— А затем началась, как говорят наши западные союзники, «странный война»... — последние слова Деникин произнес вслух.

— У нас по-другому говорят, но это не для благородных ушей, — хмыкнул Жуков.

— Да? А я-то думал, что это господа большевики не хотели воевать с «братьями по классу»! — Генерал даже не пытался скрывать сарказм.

— Ну не без этого, конечно. Однако в 1939-м вы нас не сильно спрашивали... Или, скажете, не так?

— Если я не в плену, то прошу вернуть мне оружие, — Деникин не стал вступать в полемику с самозванным командиром каких-то там партизан. — Кроме того, я хочу видеть кого-нибудь из старших офицеров.

— Оружие — это завсегда пожалуйста,— Жуков спокойно извлек непонятно откуда потертый наган. Хитро подмигнул: — Вы уж извините, вашбродь, пока вас обыскивали, ваша драгоценная пистоля куда-то сама собой подевалась... А вот со старшими офицерами у нас напряженка. Был один, аж генерал от инфантерии, но он подговорил десяток ваших офицеров, и они с неделю назад слиняли из отряда. Так что не знаю, кого вам и предложить... Зато у нас есть батюшка — да не простой, целый архиерей! Пойдет?

Батюшка (его в отряде так и звали) действительно оказался архиереем, киевским митрополитом. Несколько следующих дней он провел рядом с носилками Деникина, отлучаясь лишь по богослужебным делам. Вначале Деникин все больше спрашивал его о положении на фронтах и ситуации в отряде, но потом перестал: информация с фронтов приходила самая противоречивая, тут не митрополиту было разобраться. Немецкие радиостанции в восторженных тонах говорили о еще июльском взятии Петербурга, более того: по их сообщениям, тогда же на пути в Москву был перехвачен царский поезд, а молодой царь попал в плен; русские же станции передавали, что Государь император Алексей III все еще пребывает в осажденном Петербурге, руководя героической обороной столицы,— и при этом выступает перед всей страной посред-

ством радиовизора Зворыкина. Последнее проверке не поддавалось: этих самых радиовизоров в России и до войны-то было всего пара десятков, вдобавок работали они только возле транслирующих станций, коих имелось всего две: в Петербурге и Москве. Но Деникин знал, что в плен царя захватить никак не могли, равно как и не мог он руководить из Петербурга героической обороной по той простой причине, что в столице его давно не было. Ставка и царская семья еще в июне тайно эвакуировалась в Москву. Однако если окруженный уже в конце июля Петербург действительно пал, то эта потеря должна была сильно ударить по и без того неспокойной России...

Генерал украдкой оглядывался по сторонам, сжимая под плащ-палаткой револьвер. Он почти не сомневался: большевики, поняв, что у российской армии дела совсем плохи, вот-вот начнут снова, как в 1917-м, резать офицеров и сдавать города немцам. Однако обстановка в отряде была спокойная, и постепенно Деникин перестал жечь глазами каждого проходящего мимо солдата с красной звездой на фуражке. Так что каждодневные разговоры с батюшкой теперь в основном свелись к делам давно минувшим.

Батюшка как-то обмолвился, что его отец был лишен сана еще в начале февраля 1917-го: за дружество с Распутиным. Деникин о тех событиях и сам знал не понаслышке, так что вскоре сумел разговорить собеседника, даром что тот вначале не хотел вспоминать былое.

— Антоний-то — тогда еще митрополит, а не патриарх,— великим человеком он был. Родители моего, конечно, расстриг он, может, и зря, только на все воля Божья, а вот за Россию и вправду болел душой. Я ведь знаю, как это было. Мал тогда был, но разговоры дома помню. Совсем думцы хотели Государя отстранить, чтобы раз! — и отрубить голову российской монархии. Не в сентябре, когда они республику провозгласили: тогда в феврале-то основные дела делались! Мало кто знает. А ведь стучал тогда Антоний кулаком по столу в царевом кабинете и «гражданином Романовым» обзывал. Упрекал самодержца за то, что, помогая вырвать корни распутинщины в церкви, отказывается от помощи церкви в выдирании этих корней в Думе. И пал после слов этих обидных Николай на колени...

Архиерей на полуслове замолчал, сообразив, что сболтнул лишнее.

— Правда ваша,— кивнул Деникин.— Почти так дело и было. Помог ему тогда патриарх правильный акт об отречении написать, в пользу цесаревича Алексея, до совершеннолетия под охраной великого князя Михаила. И спрятаться в монастыре тоже помог. Вот только стоило ли стараться, раз с Михаилом у Антония сразу не заладилось?! Ясно же было, что тот не захочет послушаться воли брата, настоит, чтобы акт Николая стал законом только после Учредительного собрания. Тут уже и Антоний ничего не смог сделать, выторговал только две строчки в указе Михаила...

— Это вы о том, что вмешается Великий Князь, если жизнь цесаревича или сама церковь православная будут в смертельной опасности? Не так уж мало и выторговал! Церковь под охраной строчек этих свое слово сказала, поддержала народ и армию в трудную годину! А в сентябре, когда Временное правительство наплевало на царский указ и объявило Российскую Республику без всякого Учредительного собрания, помните, кто к солдатам пошел? Антоний лично тогда обошел десятки частей...

— Получил в конце концов пулю в легкое...

— А что ж, и получил. Да вот разве без этого ваши-то, Корнилов с Крымовым, взяли бы город почти без стрельбы?!

— Петербург они, конечно, взяли. А вот остальную Россию...

— А крестный ход к Великому Князю с депутатами Учредительного собрания? Ведь даже некоторые большевики пошли! И кто, скажете, Великого Князя все время поддерживал, чтобы он еще раз не отрекся, когда ему второй раз власть передали? Нет уж, и не спорьте, сын мой, Антоний действительно был святой, вот только пожил мало!

— Все мы там будем, святой отец. И, похоже, скоро...

Следующие две недели отряд с боями прорывался на восток. Жуков показал себя отличным командиром: операции ему удавались самые

дерзкие, а с точки зрения Деникина — так и по-просту немыслимые. Похоже, отсутствие военного образования компенсировалось у бывшего унтера природной смекалкой и врожденным талантом. Пару раз Деникин даже поймал себя на мысли, что прикидывает, как бы по выходе из окружения оформить этого самородка (как его по имени-то — Георгий?) к себе в генштаб.

Отряд имени товарища Троцкого пополнялся окруженцами. Многие из них открыто носили красные звезды или ленты. Из радиосообщений Деникин знал, что теперь это не возбранялось даже в действующей российской армии. Передатчика в отряде не было, имелся только приемник, по которому Деникин как-то раз узнал о своей собственной судьбе: оказывается, он геройски погиб, командуя обороной Киева.

Радио удавалось слушать вечером и ночью. А днем были леса, гул моторов и непрерывный лязг стальных гусениц. Это ползли непрерывной чередой немецкие танки. Тысячи и тысячи танков. Генерал давно уже бросил их считать.

Шагая вместе с солдатами, он вспоминал, как позапрошлой осенью расхваливал императорские бронесилы в «Петербургских ведомостях». И что самое обидное — ведь нигде не наврал! Действительно: и качественно, и количественно русские бронесилы превосходили Англию, основательницу танкового оружия, вместе с Францией, склонной считать, что у нее наиболее боеспособная армия в Европе, не говоря уже про всякие там Америки.

А Германия... Что Германия, если у немцев по договорам до 1935 года танков не было, да и не могло быть! Кто же будет равняться на проигравших?

Министерство обороны внимательно следило за развитием русского бронедела, защищая его от постоянных нападок «конных» генералов. Деникин, правда, тоже несколько раз указывал министру, что один танк стоит армии больше, чем сотня отличных кавалерийских скакунов, посему строить их надо осторожно, не нанося ущерба другим родам войск. Но деникинское «осторожно» не означало «мало», и тем более «плохо». Тяжелый «Святогор» по всем параметрам превосходил свои прототипы, выпускаемые французским «Рено», а средний «Цесаревич» в российских условиях эксплуатации уверенно побеждал английскую «Матильду», с которой он, собственно, и начался. А уж с «Алешей Поповичем», он же «Русский Кристи», американский «Кристи» и равняться не мог...

Генерала не раз попрекали тем, что его стараниями в конкурсах принимали участие не только крупные компании, но и всяческие Левши-индивидуалисты. Конечно, ничего годящегося для серийного выпуска они предложить не могли, зато не позволяли крупным заводчикам заlamывать совсем уж астрономические цены. Деникин вдруг усмехнулся, вспомнив, как криво сваренный средний танк некоей артели Кошкина неожиданно победил по проходимости и бронепробиваемости последнюю модель

«Цесаревича». Кошкина этого, конечно, тут же переманил к себе «Русский Рено» — и, похоже, зря: он ведь так и забросил свои странные идеи, полностью уйдя в работу по улучшению трансмиссии «Святогоров». Если бы денег этому Кошкину тогда найти, чтобы рекламу машине сделать, чиновников подмазать... Вот и с путинскими танками не заладилось: всех подмял «Русский Кристи». Главное, «Кристи» этих у нас должно сейчас быть не менее двух тысяч штук (точнее, должно было быть столько еще в июне — поставил сам себя Деникин), а «Цесаревичей» с тысячью, да еще и «Святогоров» сотни четыре... И что же?!

«Поповичи», брошенные по причине поломок или подбитые, попадались партизанам довольно часто. А вот «Цесаревичей» они почти не видели, да и «Святогор» встретили всего один, пускай даже в окружении нескольких подбитых им немецких танков...

Постепенно Деникин привык к Жукову. Стального генерала даже перестало коробить, что бывший унтер в шутку называет его своим комиссаром. Прирожденному полководцу с природным даром командира и удивительным чутьем простиится многое. Конечно, хорошей академии Георгию действительно не хватало, так что иногда Деникин вмешивался, когда тот допускал грубые тактические просчеты, но делать это приходилось все реже — командир учился быстро. Посте-

пенно размер и успехи их подразделения стали так велики, что отрядом имени Троцкого немцы занялись всерьез...

Вечерело. Командир и его «комиссар» лежали рядом в вырытом наспех окопе. Впереди, на поле, темнели холмики тел солдат противника. Много холмиков. Пулеметчиком Жуков тоже был от Бога. Просто поразительно, как он совмещал в себе сразу столько воинских способностей.

— Все, отбой. Немец сегодня больше не полезет.— Георгий отвалился от пулемета. Деникин тут же принялся укладывать оставшиеся ленты в промасленный мешок. Людей в отряде — точнее в группе, уже пятый день прорывавшейся по болотам из устроенной немцами ловушки, — осталось семь человек. Большевиком из них был один Жуков. И он по-прежнему оставался для бойцов командиром.

— А ведь мы, вашбродь, про Польшу не договорили...— Георгий снова начал разговор «за политику», ловко имитируя манеру простого солдата, выходца из крестьян. Бойцы подобрались ближе, чтобы послушать ставший уже традиционным вечерний диспут.— Вот все-таки: почему тогда с немцем получилась не война, а...?! — Жуков, как всегда, назвал «стренную войну» популярным в народе выражением. По уставшим лицам бойцов коротко скользнула улыбка.

— А ты помнишь 1914-й? — сухо ответил вопросом на вопрос Деникин.— Я вот — помню. И 1904-й

с 1905-м тоже помню. Ты понимаешь, что бывает со страной, которая, неподготовленная, бросается в войну только для того, чтобы союзники не упрекнули в излишней медлительности?

— Ну и что бывает? Бросились бы, так ведь вместе с англичанами и французами: если не в 1938-м, то год спустя. Да от немцев бы через две недели ничего и не осталось!

— В 1938-м нас не пустили поляки. Что, надо было и шляхтичам тоже войну объявлять? А год спустя... В 1914-м тоже думали и что «через две недели», и что «вместе» — а оказалось четыре года и под конец все-таки врозь.

— Почему врозь? Войну же выиграли.

— Ну это смотря кто. Мы-то потеряли Финляндию, ту же Польшу и еще по мелочи. А вдобавок еще огромные долги...

— Ну так кто же вам виноват, вашбродь? Профукали Польшу...

— Да никто не виноват. Только вот ты про Польшу вспомнил, так в 1920-м я там с кем переговоры вел? С лордом Керзоном, который должен был бы, по союзническому долгу, помочь нам полякам хвосты накрутить. А он, наоборот, приехал с предложениями от Пилсудского — и на мой законный вопрос ответил, что у Англии постоянными бывают только интересы, но никак не союзники. Вот я ему эти слова и напомнил прошлым летом...

Деникин закрыл глаза, вспоминая, как играли желваки на красном лице Керзона. Еще одна жемчужина в коллекции хороших воспоминаний...

— То есть не пожелали вы лезть впереди англофранцузов?

— Да, не пожелали. И готовы не были,— генерал нехотя поднял веки.— Танковые заводы на Волге тогда еще только строились, пулеметов не хватало, фуражка...

— Ну Перемышль же взяли как-то. Почему потом остановились?

— Мы...

— Ти-хо...

Жуков припал к прицелу. Всем остальным указания не требовались: бойцы, мгновенно рассредоточившись по огневым точкам, изготовились к стрельбе. На полминуты все замерло в напряженном ожидании, потом командир расслабился, махнул рукой: отбой тревоги, показалось.

— Мы-то действительно остановились,— продолжил Деникин с полуслова, скорее для себя, чем для собеседника.— А французы — они не просто остановились, они сразу свернули кампанию и отошли за линию «Мажино»: воюйте, мол, с русскими, а мы тут подождем. Ну и англичане полякам в сентябре ничем, кроме обещаний, не помогли. Зато с подачи САСШ уже весь мир кричал, что Российская Империя — тюрьма народов, только-только из долгов вылезла, как снова Польшу захватила и на Финляндию уже зубы точит...

— Так, может, и надо было? На Финляндию-то? — Жуков любил вопросы с подковыркой.

Деникин снова смежил веки. На сей раз воспоминание было из числа худших: письмо фельд-

маршала Маннергейма, то самое, предсмертное, отправленное сразу после того, как немцы перешли финские рубежи. Прежде чем пустить себе пулю в висок, Карл Густав счел необходимым письменно извиниться перед «старым другом по оружию Антоном Ивановичем» за то, что минувшей зимой не согласился своей волей, вопреки распоряжению правительства, открыть границу для прохода русских дивизий.

Да, если бы финны не пропустили немцев сквозь свою территорию, Петербург бы наверняка удалось удержать...

— Наверно, надо,— устало согласился генерал.— Вот только не умеем мы, русские, против своих воевать. Даже когда они поляки или финны. Это вы, красные, навостриться успели...

— Ничего, вашбродь: и в Москве, и в ДВР вы нам показали, что тоже быстро учитесь, как бы не вперед нас. Но я все-таки о другом — о том, что поближе...— Георгий увел разговор со скользкой темы.

— А что — «поближе»? Мы свои обязательства по совместному плану действий тогда выполнили. Это союзнички ушли в кусты.

— Ну хорошо, допустим, выполнили. Но почему стояли в 1940-м, когда немец француза бил?

— Да не стояли мы,— Деникин так и не открывал глаз,— до Варшавы дошли.

— ...А вот дальше особо не спешили.

— Да зачем было спешить? Мы бы все успели в свое время, если бы англичане и французы снова на попятную не пошли. Мы же не собирались Берлин брать.

— Да ну? И почему же не собирались?

Коротко бахнул выстрел — откуда-то со стороны немцев, но дальний, видимо случайный. И снова все настороженно замерли. Нет, ничего: командир, как всегда, оказался прав — сегодня враг больше не полезет. А что стреляют, так на то и война.

Затишье. Но война.

Ветер пахнет гарью.

— ...Потому что по планам летних переговоров мы должны были освободить Болгарию, часть Румынии, всю Польшу и Чехословакию, но — не заходя на территории Австрии и Германии,— генерал произнес это, будто объясняя нечто самому себе и с самим же собой споря.— Причем Чехословакию потом должны были вернуть, а по Польше мы с англичанами тогда до конца так и не договорились... хотя в целом она скорее вся к нам отходила... Зоны оккупации, изволишь ли видеть... Поделили шкуру неубитого медведя... о-хот-нич-ки!

Деникин с явственным усилием заставил себя замолчать: как ни крути, получалось, что он сейчас выдавал случайному спутнику секретную информацию. Но так ли? Слuchaен ли спутник, да и есть ли сегодня особый смысл хранить секреты всей этой мышиной возни, казавшейся столь важной еще два года, даже год назад...

Чавк... Чавк...

Только грязь чавкает под тяжелыми сапогами, да изредка поскрипывают колеса пулеметного станка.

— Нет, но вот ответьте мне, вашбродь,— снова не выдерживает Георгий; да, собственно, что им и остается сейчас, между боями, как не эти разговоры,— Польшу же вы, лично вы, прямо скажем, из рук отпустили — как это иначе назвать... Ведь уже в Варшаве была конница! Я помню!..

Генерал тоже помнил. Помнил все: развалины сгоревшего Кракова, в котором нетронутым, казалось, сохранился только королевский замок... невообразимо чистый и опрятный смокинг лорда Керзона... и себя, усталого, пропахшего порохом (тогда все еще считалось *приличным*, даже почти обязательным приезжать к солдатам на передний край прямо под артподготовку)... Помнил жесткий приказ Колчака, помнил и секретную телеграмму великого князя Михаила, страшно боявшегося получить по наследству от брата титул «кровавый». Телеграмму, о которой лучше бы не вспоминать...

Тогда он действительно все взял на себя, закрывая собой регента, словно грудью амбразуру. Не он первый, не он последний. Вот и дозакрывались — что сейчас перед красным чуть ли не оправдываться приходится!

— Да, отпустил. Конница-то до Варшавы дошла — а обозы, а орудия? И... Ты помнишь, что ваши в тылу тогда вытворяли? Знаешь такого красного командира, Нестор Махно его звали, который похвалься, будто для развлечения с двух рук срубает на скаку по четыре головы сразу, причем только офицерские: нижними чинами, дескать, брезгует? Сам-то ты где был в 1920-м?

— Да там и был,— хмуро ответил Жуков.— Из Москвы тогда сбежал, да под Харьковом вновь забрили, хорошо хоть про Москву не прознали. Только мы сразу тогда объявили: «ни мира ни войны» — ну и...

— Разоружили вас казаки и по домам отпустили?

— Ага, «отпустили»! Батогов дали каждому: солдатам по двадцать пять, унтерам полсотни. А потом согнали на железку пути восстанавливать. Я и оттуда сбежал, через два дня всего... Но чтобы ваши так просто по домам отпускали — брехня это все.

— Вот. Ты, как я сейчас вижу, отличный командир,— но взял и сбежал. А меня упрекаешь, что Польшу сдали...

Георгий нашел бы, что ответить Деникину, однако не захотел лишний раз ранить старика. За время похода они не только свыклись друг с другом, но и прониклись уважением. Офицеров Жуков навидался достаточно, особенно за последние месяцы, но как привык к мысли о «чванливых золотопогонниках», так и не спешил с ней расставаться; а уж что царские генералы не способны ни на что, кроме парадов, он был уверен твердо. Теперь пришлось разувериться. Особенно Георгия поразила та сноровка, с которой его «комиссар» набивал пулеметные ленты.

Через полчаса Деникин нарушил затянувшееся молчание.

— Ты уж скажи мне, Георгий, раз разговор зашел: на что рассчитывали ваши красные в этой своей ДВР?

— Ну... Во-первых, это поддержка народом самого прогрессивного общественного строя. Во-вторых...

— Ты давай без агитации тут! — Деникин, сделав нарочито строгое лицо, чуть ли не прикрикнул на командира.— По делу говори. Сколько там было ваших? Под ружьем... ну, допустим, тысяч двадцать. Верно? А у нас тогда уже с беспорядками в армии покончили, с поляками замерились, чехов в Сибири приструнили, ханов всяких и гетманов почти повыбили. И имели мы тогда, чтобы не соврать, миллиона два штыков. Ну и зачем было своих губить?

— Товарищ Троцкий...

— Да погоди ты о своих покойниках! Зачем дрались, спрашиваю?

— Думали, удержим «линию Троцкого». Там же всего-то шесть верст между гор...

— А про пушки шестидюймовые вы там у себя в ДВР слышали? Про корабли Байкальской флотилии, про аэропланы? Про конницу Семенова в Монголии?

Георгий снова промолчал. Ну где было понять этому старому генералу, как могут сражаться пламенные борцы за рабочее дело. Борцы, которые никогда не отступают. Которые только погибают — не сойдя с места и забрав с собой на тот свет много, много врагов. Где ему понять, он же не был на *той стороне*... пять полос по три линии окопов, блиндажей и колючки... там, где он, Георгий, несколько раз контуженный (корабельные пушки били тяжелыми снарядами с желез-

нодорожных платформ), вновь и вновь укладывал пулеметным огнем цепи солдат в серых армейских шинелях. И отбились бы тогда, если бы вдруг вместо солдат не полезли одни офицеры. Эти пулеметам не кланялись. Когда раскаленный ствол отказался стрелять, Георгий забрался под трупы. Ему тогда снова повезло...

К рассвету они вышли к развалинам стоявшего у дороги завода. Остатки кирпичной трубы, некогда высокой, а теперь разрушенной практически до основания, сразу привлекли внимание Деникина.

— Вот это позиция! Хороша...

Георгий с сомнением осмотрел трубу:

— Танк ее, пожалуй, не возьмет — если, конечно, внутрь снаряд не залетит. Но отступать будет некуда.

— Да уж куда мне отступать: все равно вот-вот свалюсь. Ты только пулемет оставь, а сам уводи людей дальше.

— Да из вас, вашбродь, стрелок сейчас, простите, как из говна пуля. Нет уж, будем помирать вместе. Драпать мне тоже что-то уже совсем надоело. Как раз место нашлось красивое, птички поют, трупы не воняют... Не то что тогда, на Байкале...

Через двадцать минут пулеметная позиция была готова, а еще через пару часов, как по заказу, на шоссе появились немцы. Сначала мотоциклисты, потом танки — и только через час показались грузовики. Но Деникин все медлил, с

хищной улыбкой посматривая в бинокль. У Георгия занемели руки на пулемете. Он уже пожалел, что разрешил генералу командовать этим последним боем.

— Ну?! — спросил он в двадцатый раз.

— Да погоди ты! Не видишь, что ли: целая дивизия идет. Значит, будут и штабные машины.

— Ну и где же они, м-мать...

— Ага! Вот! Теперь давай патронов не жалей — вон по тем черным авто!

В следующие минуты думать было некогда. Георгий и вправду не жалел ни патронов, ни ствола, а генерал только успевал менять ленты.

— Ну все, командир, последняя...

— Молись, комиссар, вашбродь!

Именно в этот момент один из немецких танкистов наконец пристрелялся — и положил снаряд точно в середину остатков трубы...

Но наступающие уже были крепко научены осторожности. Поэтому вплотную к двум телам, засыпанным обломками кирпичей, они подобрались лишь четверть часа спустя.

— Ты смотри, еще один золотопогонник. И навшано на нем сколько... Дай-ка я срежу парочку. В Гамбурге за русский орден дают не менее двадцатки!

— Не думаю, что сегодня ты на таком ордене заработаешь более пяти марок. Предложение, знаешь ли, взросло...

Двое танкистов дружно рассмеялись — и продолжали зубоскальть, пока их не оборвал подо-

шедший офицер. Он с недовольным видом обыскал трупы, забрав только документы.

— Герр майор, что вас так беспокоит? — рискнул спросить его ординарец (они были знакомы еще по австрийскому походу и иногда могли позволить себе такую роскошь, как откровенность). — Всего лишь еще два русских. Один, похоже, и вправду из генералов, а второй — тот, в кожанке. — наверно, его шофер.

— Нет, Ганс, не все так просто. Во-первых, это, судя по всему, не просто генерал, а генерал генштаба. Что нас должно только радовать. Но второй, рядом с ним, — не адъютант и не шофер. Это красный командир из числа тех, кого наши умники называют «комиссарами», всех скопом. Причем именно он был за пулеметом.

— Ну, должно быть, генерал был совсем слепой, раз он этого не заметил. Да, наверно, так и есть: видите, какой он старый?

— Возможно, Ганс. Просто я подумал, что если царские генералы начнут воевать вместе с красными комиссарами — то этот «колосс на глиняных ногах» еще не скоро развалится...

— Да не успеют они, герр майор! Мы ведь уже их всех... — И Ганс улыбнулся широкой баварской улыбкой, радуясь, что смог разрешить проблему беспокойства своего любимого командира.

— Пожалуй, ты прав, Ганс, — голос майора, однако, все еще был невесел. — Теперь уже ничего не изменить. По машинам!

Вскоре колонна танков поползла дальше на восток...

Михаил Логинов

Метель свободы

I. В степи за Волгой

— Герр Келлер, отметьте шутку фортуны. Еще позавчера мы боялись встретить русских, а сегодня, пожалуй, и не отказались бы.

Майор 305-й пехотной дивизии Дитрих Келлер как всегда ответил не сразу. Казалось, он не хотел лишний раз открыть рот — берег от летящего в лицо снега.

— Вы уверены, что позавчера?

— Я, герр Келлер, — ответил майор 100-й горнострелковой дивизии Йозеф Вранке, — уже не уверен ни в чем. Чтобы быть уверенным, надо знать. А что мы знаем? Только то, что нас четверо, у нас два автомата, винтовка, четыре пистолета, семь гранат, двести семьдесят патронов и одна банка сардин. Еще известно, что мы по-прежне-

му на левом берегу Волги, хотя в такую метель я бы не удивился, если бы мы нечаянно перешли на западный берег. Но мы точно не знаем, сколько проехали, сколько прошли и, главное, в какую сторону. На восток, на юг, на север?

Низкорослый крепыш майор Вранке говорил не переставая. Еще недавно болтовня баварца утомляла, но сейчас она стала то ли подобием музыки из репродуктора, не дающей заснуть на унылой работе, то ли доброй приметой путешествия. Как замолкнет герр Вранке, так все и свалятся в снег. И не встанут.

— Быть может, мы вернемся в Сталинград, а может, выйдем к Саратову. Или дойдем до города с приятным названием — Оренбург. Герр Вернер, ответьте как знаток России,— много ли немцев живет в Оренбурге? Мы сможем найти их квартиры раньше, чем нас найдет НКВД?

— Я думаю, сейчас единственный немец в этом городе — его название,— ответил Вернер.

Немногословностью лейтенант 305-й пехотной дивизии Юлиус Вернер был равен четвертому участнику путешествия — унтеру Шмидту. На это была своя причина. Дело не в субординации — к середине января в сталинградском котле субординация обесценилась. И не в том, что оба майора — коротышка Вранке и долговязый Келлер — выпускники Гросс-Лихтерфельде, а Вернер, не случись большой войны, для которой всегда не хватает офицеров, вряд ли бы вообще надел мундир.

Юлиус Вернер был «мартовским павшим». Людей с такой биографией обычно не любят. Если терпят, то из-за особо ценных качеств.

— Папа, король склонился перед ними потому, что они погибли за Германию?

— Нет,— отвечал отец, пожилой переплетчик с солидным социал-демократическим стажем, включая тюремный,— это мартовские герои. Видишь, на другой картинке они сражаются на баррикаде с королевскими солдатами. Они пали, сражаясь за народ, и королю пришлось обвязать рукав черно-красно-желтой лентой и склонить голову перед ними.

Из всех картинок, виденных в детстве, Юлиусу запомнилась именно эта. Не большие батальные полотна. Не гравюры Менцеля, на которых Старый Фриц — Фридрих Великий, едет по улицам Берлина под восторженные крики толпы. А рисунок забытого художника о том, как струсивший правнук великого короля в марте 1848 года чтит память бойцов революции.

Юлиус почти не горевал, что школьный возраст сохранил его от фронта Мировой войны. Зато нацепил красный бант в ноябре 18-го и, узнав, что кайзер сбежал в Голландию, вопил от радости громче, чем бургеры в начале войны, узнав о падении Льежа и разгроме русских под Танненбергом.

Юлиус даже примкнул к спартаковцам, защищал баррикаду и чуть не стал «январским павшим», но отделался контузией.

Германская революция проиграла. Поэтому Юлиус изучал революцию в России. Чтобы понять ее, требовалось выучить русский язык. Найти учителей не составило труда: домой вернулись пленные Восточного фронта. Вдобавок Вернер читал словари, потом — русские книги. Найти работу после университета было непросто, и он иногда подрабатывал переводчиком — Веймарская республика и Советская Россия активно торговали.

Однажды у Юлиуса вышел спор с временным работодателем, членом «Стального шлема».

— Увлечься большевистским режимом способен лишь юнец, не знающий элементарных фактов, — говорил бывший офицер. — Что такое русская революция? Немного денег нашего генштаба и много еврейской энергии. Восточный славянин — вьючное животное, и ждать от него революции без внешнего толчка все равно, что верить, будто карусельная лошадка может взбрывнуть.

Вернер возразил — у русских в истории было много бунтов и крестьянских войн, может, даже больше, чем у немцев. К примеру, в те годы, когда крестьяне германских княжеств покорно терпели любые феодальные притеснения, русские мужики устроили «Pugahowschina» и захватили треть страны, пока бунт не подавили генералы, воевавшие еще против Фридриха Великого.

Собеседник спросил — не коммунист ли он? И Юлиус растерялся.

Ведь в коммунистическую партию он так и не вступил. Ему нравилась революция и справедливость. Но с каждым годом, прожитым в Веймарской республике, среди джаза и универсальных магазинов, среди безработицы и бесконечных reparаций за проигранную войну все труднее было принять лозунг: «Пролетарии не имеют отечества».

Не радовали Вернера и вести из Советской России. Там исчезли все партии, кроме одной, а также профсоюзы. Городам дали новые имена, отменили привычные дни недели. Горожанам запрещали торговать. Преследовали церковь, забыв слова Энгельса, что религия в новом обществе умрет сама. Крестьян насильно сгоняли в коммуны, не дожидаясь, пока они войдут туда добровольно. А германские коммунисты считали это примером!

«Почему ради справедливости и свободы надо отречься от своей нации? — думал Вернер.

Друзья посмеивались над Юлиусом, говорили, что с такими убеждениями ему пора вступать в НСДАП. Вернер отвечал, что сама идея консервативной революции ему нравится, но нацисты — наемные реакционеры на службе крупного капитала, громилы, а каждый второй — гангстер.

Все равно, когда по улицам шла колонна под красными флагами, била в пустые кастрюли и уныло бубнила «голод, голод», Юлиус отворачивался. Когда же над улицей под барабанный бой

плыли нацистские знамена, его губы шептали: «Германия, Германия».

И однажды, в дождливый день ранней весной 1933 года, он пошел за этой колонной — не может же быть неправ весь народ. Кулак сам сложился в приветствие. И его крик присоединился к всеобщему реву. А потом, на огромной площади, рядом со студентами-нацистами кидал в огромный костер книги, «разлагающие нацию».

Таких, как Юлиус Вернер, вступивших в НДСАП в марте 1933 года, оказалось немало. Кличку для них подсказала история: «мартовские павшие».

* * *

Операцию задумал Дитрих Келлер, когда Гумрак — последний аэродром сталинградского котла, разнесла советская артиллерия. К середине января на деблокаду уже не надеялись даже раненые в бреду. Кто-то ждал русской пули, кто-то — русского пленя. Майор Келлер нашел тех, кто верил в третий вариант. Ими оказались майор Вранке иunter Шмидт его полка, сохранившие и физическую силу, и небольшой запас продуктов, без которых отправляться в путь нельзя.

Что же задумал Келлер? Прорываться на запад, в сторону отступивших дивизий Манштейна, было бессмысленно: там русские всегда начеку. Но можно, переодевшись в советский белый камуфляж, перейти ночью Волгу на лыжах. Найти на восточном берегу грузовик. Отъехать подальше от линии фронта, пополниться бензином и едой,

повернуть на северо-запад и переехать Волгу там, где не ищут сталинградских беглецов.

Вранке идею одобрил. Но заметил — нужен четвертый, знающий русский язык. Келлер пригласил в побег лейтенанта Юлиуса Вернера, и тот согласился.

Поначалу шло неплохо. В облачную ночь перешли Волгу, миновав заградотряд. В двух километрах от восточного берега захватили грузовик с одиноким шофером. А так как порожняя машина со снарядными ящиками, идущая в тыл, подозрений не вызывает, полдня спокойно удалялись от затихающих раскатов.

Потом, выехав на очередной низкий пригородок, Келлер высмотрел в бинокль русский пост, остановивший предыдущий грузовик. Решили объехать проблему: благо ветер обмел склон и машина шла по снегу почти как по дороге.

Но объезд затянулся. Балка, еще одна балка. Следующий заполненный снегом овраг не заметили, и грузовик утонул в снегу по борт, без всякой надежды быть вытащенным. Надели лыжи, сохраненные в кузове, распределили груз — оружие, еду. И потащились туда, где, по предположениям майора Келлера, был север.

…Снег пошел часа через два. Потом началась метель. Не свирепый и скоротечный буран, а умеренная свистопляска острых снежинок. Только вот конца не было этой свистопляске. Даже когда ветер чуть стихал, небо не открывало ни солнца, ни луны, ни звезд. И прав был болтун Вранке —

уже скоро стало непонятно и куда идут, и сколько идут.

Вдобавок — неприятное происшествие. Келлер и Шмидт провалились в очередную заснеженную балку. Ноги уцелели, но майор сломал лыжу, а из плохо закрытого ранца Шмидта выпали почти все консервы. искали полтора часа, подобрали одну банку и продолжили путь.

Груза стало меньше, на душе — тяжелее. То ли метель, то ли снегопад, а скорее всего — все вместе, работали лучше любой дымовой завесы. Не было видно и за десять шагов. Свистящее белое месиво иногда белело — настало утро, потом темнело.

Наконец, на миг вернулась надежда. Торивший путь Келлер уткнулся в деревянный столб. Удалось разглядеть провода. Значит, они все же не кружили, а где-то было человеческое жилье и шанс до него дойти.

— Герр Келлер, я уверен в том, что фюрер не повторит ошибку генштаба. Мы вернемся к Сталинграду в середине весны и возьмем еще летом.

— Герр Бранке, я тоже уверен, что эта ошибка не повторится. Уже летом мы будем думать, как удержать Днепр, а не вернуться на Волгу.

— Меньше пессимизма, друг. Ведь мы отдали им Ростов, а потом взяли обратно и прошли еще сто пятьдесят километров на восток.

Они остановились у десятого столба — как считал Келлер, линия вела на север. Присели-прилегли отдохнуть, укрывшись от колючего ветра невысоким снежным валом и воротниками шинелей. Согревались лишь папиросами — в маленькой спиртовке закончилось горючее. От собственной безрадостной судьбы отвлекал спор о судьбе фатерланда.

— Герр Вранке,— после некоторой паузы, с раздражением сказал Келлер,— лояльность фюнеру не должна переходить в войну с фактами. Факты печальны. На наш один танк русские выпускают два — неужели вы это не поняли в прошлом ноябре, когда на наш батальон пришла одна красная броневая дивизия?

— Мы умеем их подбивать...

— Оставьте, герр Вранке. Наши лучшие истребители танков погибли в котле. Враг учится воевать, а мы теряем кадровые войска. К тому же мы не можем бомбить танковые заводы на Урале, а англичане бомбят весь Рейх. Вы знаете, что Кельн и Любек разрушены?

Герр Вранке буркнул: «Слышал». Унтер Шмидт вздохнул — он был из Любека.

— А я знаю — я был в отпуске в сентябре. И самое плохое, у врага полное превосходство на западном воздушном фронте. Когда западный фронт станет наземным, у них будет тотальное превосходство в небе. И если не произойдет чудо, останется гадать, кто первый подойдет к Берлину — русские или англичане. Не думаю, что фюрер запросит мир раньше этого.

— Вы оптимист,— бросил молчавший Вернер.— Думаю, нас могло бы спасти только чудо Петра III.

Вранке удивленно взглянул на него. Келлер понимающе кивнул.

— Русский царь, наследник царицы Елизаветы, прекративший войну с Фридрихом,— пояснил Вернер.— С доски сошла сама сильная фигура.

— В галантном веке было проще,— вздохнул Келлер.— Нынешний царь — идеология. Господа, еще светло. Продолжим путь.

Вранке промолчал, только скосил взгляд на ранец Шмидта, где среди обойм болталась банка сардин. Рыбешек поймали в Бискайском заливе, поджарили в оливковом масле, закрыли в жестянках. Пустили странствовать по европейской колее, потом по русской. Выгрузили на берегу Дона, сбросили на парашюте рядом с развалинами сталинградского элеватора. Теперь сардины не знали, где они: в Европе или в Азии?

Дитрих Келлер покачал головой — «побережем». Вернер и Шмидт согласно кивнули. Страшно идти, когда припасы съедены до конца.

Еще несколько секунд — и метель принялась заносить четыре впадины возле столба и три окурка — Вранке, по охотничьей привычке, ввинтил окурок в сугроб.

— Герр Келлер, вы видите провода?

— Нет.

Приходилось кричать. С наступлением сумерек снегопад усилился и перешел в снежную бурю. Ветер уже не выл, а ревел, трудно было разглядеть не провода, а друг друга. Нашлась веревка, и все четверо, ухватившись, брели спотыкающейся вереницей.

То и дело казалось, сбились с пути. Но в очередной раз впереди вырастал столб. Не просто впереди — на дистанции вытянутой руки.

Снова лечь рядом со столбом не хотелось. Все четверо понимали — тогда уже не встать. И кто сказал, что буран будет короче прежней метели?

А потом и сам буран показался штилем. Рев стал плотным, как ветер. Ветер — как стена. Стена толкала, несла вперед. Ни рта открыть, ни рукой пошевелить. Казалось, сама Земля кружилась быстрей, чем положено. Или не казалось.

Вернер понял — его несет на очередной столб. Избежать удара не проще, чем если бы вышвырнули с борта самолета.

Но ветер подул сильнее, хотя, казалось бы, куда еще? И столб, возникший перед лицом Юлиуса, не убил его, но растаял. Как льдинка, брошенная в чан с кипятком.

Рядом летел майор Вранке. Рот раскрыт, но вряд ли он слышал себя самого.

И вдруг ветер пропал. Будто выключили.

На такой скорости можно уцелеть, лишь упав в глубокий сугроб. С Юлиусом Вернером так и случилось. Рядом упал Вранке, потом еще кто-то...

— Герр Келлер, вы живы?

— В какой-то степени — да.

С Вернером было понятно, он поднялся раньше всех и глядел по сторонам. Унтер Шмидт тоже уцелел и, согнувшись, изучал содержимое ранца: не пропало ли что-нибудь еще?

А Вернер продолжал разглядывать окрестности. Потом произнес.

— Господа, вы заметили, что столбы исчезли?

Наблюдать было нетрудно. Ветер стих до легкого шуршания. Ночное небо еще не прояснилось, но в разрывах облаков мелькали звезды. Все равно столбы не просматривались.

— Куда же делся ориентир? — бормотал герр Вранке. — Майн Готт!

Все четверо беглецов из котла были оглушены невиданным полетом, завершившимся минуту назад. Иначе их острый солдатский слух разобрал бы звуки, которые еще недавно, в окопах, заставили бы их мгновенно схватить оружие.

А так все случилось разом. Грязнуло взрывное конское ржание, в почти полной тьме появился десяток верховых фигур, и они были уже рядом.

Майор Вранке встрепенулся едва ли не раньше всех. Он сорвал с плеч шмайссер, прицелился, но палец в толстой варежке не сразу нашел предохранитель. Когда же нашел, то ближайший кавалерист уже сделал выводы — без драки не обойдется.

Вранке не понял, что такое противник метнул в его сторону. Только шею, прикрытую шарфом, будто сжали пальцы великана. И пистолет-пулемет шмякнулся в снег, за ним повалился сам Вранке.

Задыхаясь, он все же разглядел происходящее с товарищами. Келлер снял с плеча винтовку, ближайший кавалерист пришпорил коня и наскоком сбил майора в сугроб. Шмидт, заметивший опасность, сунул руку в ранец, верно искал гранату. Другой всадник — Вранке разглядел его черную бороду — одним скоком добрался до него. Выставил длинную пику, желая сколоть. Но переменил решение и ударил древком — унтер свалился.

Юлиус Вернер просто поднял руки.

— Чего с ними вожжаться? Расспросить, зарезать да обобрать бараклишко.

— Тоже скажешь, расспросить. Они и по-своему сейчас мемекать не могут. Не то чтобы полудиски.

— Немчура это. Вот те крест, немчура.

— Тогда зарезать. Немцы — всегда православному народу первые согробители.

— Погоди. Пусть сперва расскажут, как они из своих пистолей стреляют.

— Не, для пистоля коротковато будет. Ружжо.

— Ружжо — то, с чего этот журавль в нас пульять хотел. И то, замок у него непонятный, и ки-

са странная прицеплена. То ли для равновеса, то ли пули в ней хранить.

— Эй, молодцы, сажай их в сани. Только пистоли отдельно клади. В Берде разберемся, резать али к звездам подтянуть.

— Это конные саперы с противотанковыми ружьями? — тихо спросил унтер Шмидт. Все три офицера были в сознании, поэтому вопрос относился к каждому из них.

— Нет, — так же шепотом ответил Келлер. Он лежал рядом с унтером и видел то, что и он: огромное ружье на боку всадника, едущего справа от саней. — Противотанковые ружья не выпускают с кремневым затвором. Думаю, от таких мушкетов отказались уже во времена Наполеоновских войн.

— Мне не стоило шутить, — прошептал Вранке, трогая горло. — Я не раз говорил, что такой вихрь может занести хоть на край света. Похоже, он занес нас на страницы романа Карла Мая или Майн Рида: нас взяли в плен конные варвары с копьями и арканами.

— Это другой роман, — отозвался Вернер. — Скорее — роман Джованьоли о Спартаке.

— Почему вы так думаете? — спросил Келлер.

— Потому что, когда нас сажали в сани, я успел перекинуться парой слов с этими ребятами. И чтобы им не пришло в голову зарезать нас без расспросов, признал законной власть царя Петра Федоровича.

— ...После этого воина превратилась в длительный кавалерийский рейд. Пугачев (это слово Вернер произнестише других) захватывал маленькие города, пополнял запасы пороха и свинца, вешал местную администрацию, а крестьяне в радиусе ста верст поступали точно так же со всеми пойманными феодалами. После этого приходили правительственные войска — и крестьянский царь скакал дальше. Осенью 1774 года он проиграл гонку, был окончательно разбит и выдан беспринципным окружением. Как и положено, эшафот в Москве был соружен не только для него, но и для менее сообразительных или более совестливых приверженцев.

— И каков был результат этой жакерии? — спросил герр Келлер.

— Крестьянам стало жить хуже. Екатерина правила чуть осмотрительней. В лексике российских интеллектуалов появился термин «пугачевщина».

— Но, как я понял, этот буран занес нас в более раннюю фазу восстания, когда Пугачев еще имел подобие регулярной армии.

— Герр Вранке, мы все обязаны забыть слово «Пугачев». Произносить его сейчас вслух не лучше, чем в компании офицеров СС назвать фюрера «импотентом». Он царь, по имени Петр Федорович. В остальном вы правы. Судя по подслушанным репликам, повстанцы

одержали первые победы, они осаждают города и рассылают отряды фуражиров. Недаром наши соседи — мерзлые свиные и бараньи туши.

— У нас все шансы добраться в пункт назначения в том же виде, — проворчал Вранке.

Чуть погодя — вспоминал книжные фразы — Вернер обратился к ближайшему казаку:

— Скажи-ка, дядя, как вашего атамана звать по имени, по отчеству?

— Степан Иваныч. А что?

— Пусть он сюда подъехать. Я должен говорить.

Казак ругнулся, но устремился вперед. Через пару минут подъехал атаман — верзила, в высокой шапке, поверх которой была треуголка.

— Скажи, Степан Иваныч, ты решил нас к царю-батушке везти?

— Ага.

— Тогда ты сам думай, нужны царю льдышки — или мы живые нужны? Тогда пусть нас согреют.

Атаман выругался, как и казак, но отдал приказание. Немного погодя в сани бросили какие-то овчины, верно конфискованные там же, где и припасы, а также мерзлый каравай. Подумав, атаман протянул большую баклажку. Водка оказалась резкой, но слабее привычной.

— Русские без комиссаров мне нравятся больше, — проговорил Вранке, передавая бутыль Келлеру.

Водка и оттаявший во рту хлеб клонили в сон. Два майора и унтер задремали. Сквозь сон они слышали, как Вернер пытается петь с казаками песни и даже учит их какой-то еще не написанной в те времена.

Проснулись от криков и факельного света. Отряд явно прибыл к месту назначения: всюду были избы, шатры, телеги. Среди прочего немцы обратили особое внимание на виселицу. Петля не пустовала.

Впрочем, подъехали не к ней, а к самой крупной избе.

— Господа, настала минута морального выбора, — сказал Келлер. — Мы, безусловно, будем признаны солдатами, а значит, единственная альтернатива петле — военная присяга царю мужиков с обязательством служить.

— Мы присягали фюреру, — ответил Вранке.

— Но можно ли изменить тому, кто еще не родился? — спросил Вернер.

— Если мы будем служить этим казакам, — сказал Шмидт, кажется впервые взявший слово в компании офицеров, — они научатся использовать автоматическое нарезное оружие и разгромят Германию.

— Этого нужно бояться в последнюю очередь, — усмехнулся Келлер. — Даже магазинная винтовка появилась благодаря целому комплексу технологических условий: стальному прокату, станкам... химии, которая дала капсюли...

Если представить, что в восемнадцатом веке пистолет-пулемет или хотя бы пистолет попадет в руки даже не степного варвара, а инженера-механика в столице,— он отстреляет имеющиеся пули, попытается воспроизвести оружие и, ничего не добившись, отправит его в коллекцию диковинок.

— Есть ли смысл спорить,— сказал Вернер,— ведь наше оружие уже у них в руках.

— Оружие, но не навык,— возразил Вранке.— А насчет изготовления...

Сани остановились, разговор прервался.

— Вылезайте, ребятушки,— распорядился атаман.— А ты, Юлий Петрович, смотри, присягни царю верой-правдой. Если тя повесят, я песню про персидскую княжну не запомню.

Офицеры вылезли из-под нагретых овчин и, ежась, направились к крыльцу.

Сперва их провели в большие, более-менее теплые сени, полные всякого народа, трезвого и пьяного. Кроме казаков, были башкиры, кто в халатах, кто-то в кольчугах. Сквозь сивушный туман раздались голоса:

— Что за пташки? Немчура?

— Ахвицеры? Попили небось солдатской кровушки.

— Пусть царю послужат. Петру Федоровичу и башкиры служат, и калмыки, и прочие татары. И немцы должны.

Из царской горницы вышел знакомый атаман Степан Иваныч.

— Ну, ребятушки, проходите. От порога поклониться царю не забудьте. Не дерзите, не побейте. Может, в сотники вас, может, на глаголице болтаться.

Однако до царского порога немцы не дошли. Дверь в избу распахнулась, ворвался заснеженный парень и заорал с порога:

— С Урала вести! Ванька Грязнов заводы взял. Златоуст, Кыштым, Каслин — все наше! Начальство повешено, фабричный народ теперь кто для нас пушки льет, кто в пехоту пошел. Скоро весь Урал скрутим!

Раздался общий заздравный рев.

— Подождем с немцами, — распорядился атаман. — Пусть сперва весть царю принесут.

Гонец скрылся в царской горнице. Оттуда тоже раздались радостные крики.

Юлиус Вернер стоял у стены, будто что-то вспоминая. Потом негромко запел:

Заводы, вставайте!
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте, шагайте!

— Ишь ты, немец, ладно придумал, — хохотнул стоящий рядом мужик с опаленной бородой, верно уральский рабочий. И сам подпел незнакомую песню.

— Герр Вернер, если в программе победителей предусмотрен банкет, то нам было бы не плохо в нем поучаствовать, — заметил майор Бранке.

— Господа, будьте осторожны с бааранией. Если набить жирным мясом пустой желудок, то природа позовет во двор во время царского приема.

Мудрость совета майора Келлера была подпорчена тем, чем он произнес ее с набитым ртом. На царский пир немцев не позвали, но нашли для них отдельный закуток, куда принесли таз, полный жареного мяса, и миску квашеной капусты. Одни куски подгорели, другие не пропеклись, но все равно были самым вкусным блюдом в жизни.

— Возвращаюсь к разговору,— майор Бранке покосился, но потом облизал пальцы и довытер о мундир.— Может быть, нам оговорить условия сотрудничества? Мы готовы делать все, кроме того, что вредит Германии, и не будем убивать немцев.

— Объяснить, что такое Германия, в восемнадцатом веке будет непросто — и не только музицкому царю,— возразил Келлер.— Сложно и с обязательством не убивать немцев. Его не принял бы ни один офицер Фридриха Великого — вспомните Лейтен, Колин и Лигнице. Давайте упростим вопрос. Что объективно выгодно Рейху — победа или поражение Пу... Петра Федоровича? Герр Вернер, вы здесь единственный консультант по русским революциям. Ответьте — и мы примем решение.

— Вообще-то,— тихо сказал Юлиус,— если бы мы хотели прекратить эту войну прямо сейчас, то это нетрудно. Я сохранил свой «валтер».

вы, наверное, тоже. Мы могли бы застрелить царя, пробиться к своим автоматам — и, если повезет, даже продолжить путешествие по степи. Но что бы это дало? Не нам, а будущему Рейху. Для Российской империи эта крестьянская война имела сугубо педагогический эффект, не больше. Зато если бы крестьянский царь победил... Хотя бы благодаря нам...

— Герр Вернер, это невозможно,— возразил Вранке.— Не забывайте, у нас только двести семьдесят патронов и семь гранат. Да, автоматическим огнем можно рассеять два или три каре, отбить кавалерийскую контратаку. Гранаты пригодятся для штурма стен средневековой фортификации. Но эта одна взятая крепость и одна выигранная битва. Для победы в войне недостаточно. Кстати, в 1870 году французская винтовка Шаспо была лучше нашего Дрейзе, но это не спасло лягушатников.

— Не забывайте, герр Вранке, нам предстоит гражданская война. А у нее другие правила и законы. У марксиста Франца Меринга есть пособие по тактике уличного боя. Один из рецептов таков: женщины целуют солдат, мужчины стреляют в офицеров. Задача — не разгромить врача, а перетянуть на свою сторону. Кстати, и в этой войне Пугачев примерно так же побеждал окраинные гарнизонные команды, пока не столкнулся с кадровой армией.

— И как вы намерены применить марксистские наработки на степных холмах? — недоверчиво спросил Вранке.

— Очень просто. Мы находимся со своим оружием в цепи застрельщиков. Заметьте, даже наши пистолеты-пулеметы стреляют гораздо дальше тогдашнего... *теперешнего* гладкоствольного оружия. А винтовка способна подавить несколько артиллерийских батарей — достаточно расстреливать хотя бы наводчиков. Но, наверно, даже до этого не дойдет. Достаточно убивать офицеров.

— Не совсем по-рыцарски, — пробормотал майор Келлер.

— Простите, а что, в августе четырнадцатого года на французском и русском фронте нашей пехоте приказывали в первую очередь выбивать рядовых? — живо возразил Вернер.

Келлер надулся, будто хотел сообщить, что именно его, Вернера, тогда на фронте не было. Но спорить с фактом не стал.

— Итак, мы с безопасного расстояния убиваем командующих боевого порядка, развернутого против нас. Потом убиваем всех, кто берет командование на себя. Инициативных офицеров всегда немного, особенно в русской армии. И когда в полках императрицы уже некому командовать, к солдатам подходят женщины с водкой, казачьи атаманы, может, даже мятежные попы. Они объясняют солдатам, что единственный законный царь — Петр III. Попы могут добавить что-нибудь про небесную кару, постигшую офицеров. Между тем наша цепочка приближается — и когда прискачет командующий, мы ликвидируем и его. На каком-то этапе оставшие-

ся офицеры просто спасаются бегством. Итог: на сражение потрачено тридцать—сорок патронов, а мы не просто победили неприятеля, но привели к присяге всю вражескую армию.

— К повторяющейся тактике противник привыкает,— с недоверчивым интересом заметил Келлер.

— А мы не позволим к ней привыкнуть! Если мы согласимся предоставить свои услуги Петру Федоровичу, а он их примет, то придется как можно скорее стать лучшими военными консультантами. Для этого возьмем Оренбург — с гранатами и пистолетами нетрудно захватить сектор вала и удержать до подхода штурмовой колонны. После этого мы обещаем царю новые победы, если он примет нашу тактику. Придется реорганизовать армию: создать регулярное интендантство и подобие военной полиции — мародерство может погубить наилучшую тактику. В интенданты можно взять немцев из менонитов — их поселки относительно недалеко.

— Не забывайте, солдаты останутся русскими,— заметил Вранке.

— Герр Вранке, неужели в вашем полку не было хиви? Если русских хорошо кормить и четко объяснять, что от них требуется, это очень дисциплинированные солдаты. К тому же, где гражданская война — там идеология. Создадим подобие института комиссаров. Пусть объясняют, что слуга Спасшегося Царя не должен обижать население любых классов и сословий.

— Ладно, идеология — ваше дело, — хмыкнул майор Вранке. — Предположим, в захваченном Оренбурге сформирована дисциплинированная и мобильная армия. Дальше?

— Еще до весны — рейд в центр России. Несколько полевых побед и, как полагается на гражданской войне, эффект домино. Сначала отдельные солдаты убегают из полков. Потом к нам переходят целые подразделения и гарнизоны. Города сдаются без осад, наместники провинций вступают в переговоры. Нельзя забывать: на раннем этапе восстания Петр Федорович еще не включил в свою программу тотальную ликвидацию дворянства, поэтому поле для маневра остается у обеих сторон. Настает момент, когда зачаточная буржуазия, духовенство и даже аристократия приходят к выводу, что договоренность лучше сопротивления. Царица Екатерина заключена в тюрьму или становится постоянной гостьей Фридриха Великого, а донской казак, — Вернер понизил голос, — садится на трон. А дальше — два варианта. Вы догадываетесь какие?

— Я не люблю политику, но постараюсь догадаться, — в голосе Келлера появился энтузиазм. — Подобно Троцкому новый царь распускает армию и вообще отменяет государство, чтобы удовлетворить своих приверженцев. Но настоящая анархия бывает лишь в брошюрах. Россия распадается на десятки, если не сотни казачье-разбойнических княжеств, которые воюют друг с другом и обирают подданных. Или вто-

рой вариант: новый царь правит по-прежнему — и против него затеяна новая революция. Результат тот же: десятки воюющих княжеств.

— А потом,— столь же восторженно перебил его Вранке,— спасителем России от анархии становится наш Фридрих. Ведь прусские войска нельзя разоружить по той же схеме, да мы и не будем это делать. Несколько полков наводят в России порядок, и мы получаем столько жизненного пространства, сколько необходимо нации. Этот вихрь принес нас спасти Третий рейх!

— Не рейх, а Германию,— уточнил майор Келлер.— В этом случае некоему талантливому, но увлекающемуся художнику придется прославлять свое имя только натюрмортами — восток станет нашим задолго до его рождения. Но что же от этого получим мы?

— Во-первых, доживем до утра. В худшем случае погибнем — но не сразу, как будет в случае отказа,— сказал Вернер.— Но, скорее всего, нам за наши заслуги удастся получить какое-нибудь Псковское герцогство или Ярославское княжество. А когда придет прусский король, мы попробуем сыграть в генерала Монка. Может, даже сохраним титулы, став королевскими вассалами.

Вранке вообразил себя герцогом, Келлер его слегка высмеивал. Вернер тоже пошутивал и тихо напевал «Заводы, вставайте...». Унтер Шмидт стал подсвистывать. Еще тише — но Келлер заметил это и удивленно посмотрел на него.

Дверь в царскую горницу распахнулась.

— Царь немцев требует,— гаркнул кто-то. А так как немцы задержались — обтирали пальцы, громко добавил: — Эй, шагай до царя, не журись. Кат уже пьян, до утра не повесим.

Чуть-чуть отряхнувшись и почти не пошатываясь, гости из сталинградского котла вошли к царю. Вранке подбадривал себя «Вахтой на Рейне», а Вернер напевал что-то из Эрнста Буша.

Дверь закрылась.

II. 127 лет спустя

«Правильно ли я сделал, взяв иллюстратором Адольфа? — подумал Александр.— Ведь Эльза рисует лишь немногим хуже. А если наша работа победит, мне придется ехать в Сибирь с Адольфом, а не с ней».

Впрочем, Эльза уже побывала в Сибири и даже на Камчатке, так что не очень обидится. А работа, задуманная Александром, была сложной. Ведь реферат, посвященный альтернативной истории, назывался: «Что было бы, если бы Екатерина победила своего спасшегося мужа?» Тема не менее интересная, чем высадка в Англии Великой армады, гибель в море экспедиции Колумба или захват турками Вены.

— Давай так. Буду тебе читать, кратко. А ты помечай, где будешь делать иллюстрации.

Адольф кивнул. Вообще-то он парень покладистый, только с причудами. Но терпимыми. Как го-

ворил батюшка Пауль в прошлогоднем горном путешествии, наши причуды — Господне напоминание, что Он сотворил нас разными. Лишь бы эта разность не была в постоянную обиду для других.

Так что Адольф Гитлер — не худший вариант.

«С моей стороны было бы непозволительным нахальством утверждать, будто я первым взялся за альтернативную историю Великого Возвращения. Согласно распространенной версии профессора Жоржа Дядидько, в случае поражения «царского бунта» в Европе не менее трех десятилетий сохранялись бы старые порядки: русские крестьяне страдали бы от барщины, французские от налогов, а английские фабричные — от четырнадцатичасового рабочего дня. Однако массовая безработица, вызванная внедрением паровых машин, вызвала бы восстание в Англии, казнь короля и начало революционных войн на континенте. Республика несомненно появилась бы в Нидерландах, в Ганновере и соседних немецких землях. Дядидько даже допускает возможность появления республики в такой неподходящей для этого стране, как Франция.

Контрреволюционный поход трех монархий — Берлинской, Венской и Петербургской — прекратил бы существование некоторых республик, в первую очередь французской. Насилия ре-

воляционных и контрреволюционных армий пробудили бы племенные чувства у многих европейских народов. Это привело бы к возникновению государств нового типа, в которых социальная и религиозная самоидентификация уступили бы место национальной. Как известно, в дальнейшем версия профессора Дядидько распадается на несколько взаимоисключающих гипотез. Так, он одновременно допускает и объединение Германии, и раздел ее на зоны русского и английского влияния.

Что касается меня, то я в своей версии исхожу из предположения, что очагом революции стала именно Франция. Исходные данные те же самые: в 1774 году армия Спасшегося Царя разбита войсками Екатерины II. Возможно, Петр III не успел перейти Волгу, возможно, не сумел убедить Россию в том, что хочет управлять страной в интересах всех существующих сословий, а не только казаков и крестьян.

В любом случае, царь и его войско погибли — и, как это ни странно звучит для нас, остались в истории варварским мятежом на границе Азии и Европы.

Континент жил прежней жизнью. Екатерина продолжала отрывать куски от Турции и вместе со Старым Фрицом делила остатки Польши. В европейских столицах строились дворцы, податные сословия изнывали от налогов, а в храмах им объясняли, что другие отношения между людьми невозможны. Во француз-

ских салонах мыслители вроде Вольтера продолжали издеваться над церковниками и превозносить Разум, даже не догадываясь, какую мину они готовят для цивилизации. Великий и печальный английский мудрец Уильям Блейк тогда же говорил о демоне «Уризен» — «Твой Разум», но, как часто бывает с мудрецами, остался не услышан.

И вот мина взорвалась. Парижский парламент объявил себя настоящим парламентом, созвал депутатов из других провинций. Войска перешли к восставшим горожанам, и во Франции родилась республика Разума. Подмастерье мясника отрубил голову королю, ее надели на пике и поставили в центре города, назвав «цветком свободы». Скоро такие гнусные цветы взошли на площадях многих городов Европы.

— Адольф, пометь. Нарисуй голову на пике. С короной.

Адольф согласился, но ворчливо заметил, что, судя по нечестным нравам той поры, из короны вынули бы камни еще до казни.

«Царство Разума немедленно превратилось в диктатуру, как и должно было случиться. Отменена не просто религия, но также традиционные имена людей, месяцев и времен года. Прежнего инквизиционного индекса запрещенных книг больше не существовало. Зато появился список книг, обязательных для прочтения за год, и тот, кто их не читал, попадал в особую «читальную камеру» городской тюрьмы. Прежние «варварские» казни упразднились, их замени-

ли огромным механическим молотом, разбивавшим головы приговоренных. Парижане называли его «национальной орехоколкой».

— Адольф, вот тут я его набросал. Не смейся, не то возьму твое сочинение и сам посмеюсь. В общем, нарисуешь эту гадость.

«Монархи испугались и в первые годы нового века во Францию вошли войска. Однако союзники действовали несогласованно, к тому же Царство Разума объявило тотальную мобилизацию и отбило нападение. Больше того, солдаты «разума и свободы» перешли границу и начали захватывать окрестные земли. Всюду отменялись прежние законы, аристократия и духовенство уничтожались, а самые униженные элементы привлекались к управлению.

Тогда монархи создали Священный Союз Порядка. Занятие наукой без лицензии, выдаваемой особой инстанцией, и даже учеба вне приходской школы были запрещены под страхом каторги.

— А я думаю, науку и образование запретили бы вообще,— заметил Адольф.

— Быть такого не может,— отмахнулся Александр.— Слушай дальше.

Тем временем генштаб «разумников» обратился к английским паровым машинам. На их основе были построены пароходы. Их опробовали на реках и озерах — а потом, в дни полного штиля, форсировали Ла-Манш.

— Адольф, здесь нарисуешь пароход. Как в музее. Только сделай его страшнее: пусть трубы будут выше, а колесо совсем огромным.

Английская регулярная армия и милиция графств были разбиты, рабочие мануфактур восстали в тылу — и Англия стала частью Царства Разума. Благодаря людским и фабричным ресурсам Британии «разумники» смогли отбить великий поход монархов 1815 года, в котором участвовал даже турецкий султан.

Война продолжалась, нравы ожесточались. Во Франции сажали в тюрьму за подарок ребенку в дни Рождества. В России мальчик был приговорен к каторге за то, что, играя в войну, попал в «плен» и крикнул друзьям: «Освободите меня!»

Александр замолчал. На душе от собственных фантазий стало так тоскливо, что захотелось вспомнить, как же все было на самом деле. Ведь не зная этого нельзя приниматься за альтернативную историю!

На самом деле он, конечно, знал: в реальной истории Европы все было так.

В середине лета 1774 года в порт Кенигсберга вошла небольшая эскадра из военных и торговых кораблей. На борту одного из них была императрица Екатерина, ее двор и некоторые аристократы, не принявшие милость победителей. Бегство оказалось столь поспешным, что императрица не успела захватить свои драгоценности.

Удивленный прусский король не мог принять причины столь быстрых успехов восставших.

Ведь еще зимой из Петербурга приходили донесения о том, что бунт в заволжских степях будет подавлен, едва туда придут несколько регулярных полков. В действительности же полки после коротких схваток в полном составе перешли на сторону «степного царя».

Еще не сошел снег, а на Петербург через Москву рванулась армия, состоящая из конницы и конной пехоты. Страшнее и внезапных атак, и мобильной артиллерии, и таинственных пуль, поражающих чуть ли не за версту, был знаменитый Оренбургский Манифест. Текст был написан на русском и немецком, он гарантировал всем, кто покорится царю, милость, а при некоторых условиях и сохранение статуса. Документ был прост, ясен, понятен — и на фоне череды побед необычайно убедителен. Императрица не успела опомниться, как поняла: ей хватит времени лишь добраться до пристани.

Европа выжидала, не зная, как говорить со странным царем, поселившимся в Кремле, — столицей опять стала Москва. Но скоро пошли такие дела, что медлить стало невозможно. За два года до этого восточные земли Речи Посполитой от Двины до Днепра отошли к России. Бароны и князья ощутили тогда лишь моральную обиду: они лишились права вешать подданных, прочие феодальные удовольствия остались во всей полноте.

Тут, однако, выяснилось, что, кроме Оренбургского Манифеста, существует еще и Оренбургский Уряд, тоже написанный новым канц-

лером России — Юлиусом Вернером. По своей серьезности даже сравнение его с бомбой казалось недостаточным. Согласно ему, каждому землевладельцу оставалась лишь десятая часть прежних земель, остальные делились между крестьянством. Оброк оставался, но в размере «половины десятины»: двадцатой доли доходов крестьянского хозяйства. Сохранялась и барщина: три дня в месяц. Но и эти права остались лишь у феодалов, готовых принять документ без оговорок и изъятия.

Оренбургский Уряд содержал и другие, не менее серьезные статьи: в частности, обязанность фабричных заводчиков перевести всех работных людей в статус дольщиков. Но эта бомба пока еще ждала своего часа.

Пользуясь тем, что русских войск на западе страны не осталось, отряды князей и баронов, не жалея палок и веревок, принялись объяснять холопам, что Оренбургский Уряд никак не относится ни к Задвинью, ни к Полесью. Поначалу все шло гладко, и даже робкий король Станислав, не признавший Спасшегося Царя, послал в помошь князьям небольшие военные силы.

Но тут выяснилось, что армия в России сохранилась. Ее костяк составили прежние линейные полки — солдаты, кроме недавних рекрутов, решили к соже не возвращаться. Интендантская часть серьезно улучшилась, кроме того, благодаря многочисленным выночным лошадям, одноколкам и даже верблюдам, армия стала настолько мобильной, что ни один противник так и не

сумел привыкнуть к ее скорости. От казачьих и башкирских сотен не могли скрыться даже лучшие мастера «наездов», поэтому скоро и князья, и их каты болтались на конфискованных у них же веревках. Немногочисленная регулярная польская армия была уничтожена столь же быстро и легко.

Больше того. Безупречная работа интендантства в сочетании с жесткой дисциплиной дала неожиданный результат. С учетом выгод Оренбургского Уряда для земледельцев и большинства горожан неизбежные мелкие военные обиды оказались терпимыми. Причем, как скоро выяснилось, по обе стороны Буга, а немного позже и по обе стороны Вислы. Войска русского царя получали и проводников, и шпионов, и припасы, и даже добровольцев: столько, что из них можно было выбирать лишь по-настоящему необходимых. Не прошло и двух месяцев, как король Станислав проследовал по пути Екатерины.

Старый Фриц (на тот момент уже действительно старый) недолго злорадствовал над польскими новостями. Оказалось, что в сравнении с Оренбургским Урядом даже его просвещенные законы не столь уж идеальны — по донесениям полицейских агентов, в трактирах говорили именно так. Отчасти видя легкую добычу на востоке, отчасти от неясной тревоги, а главное — внимая мольбам курляндских баронов, он послал корпус с приказом взять под контроль «территорию разбоя».

Корпус без особых проблем добрался до Двины, переправился, свернул к югу, оставил в Курляндии и Лифляндии несколько небольших отрядов для умиротворяющих полицейских функций. Однако обозы, непривычные к местным дорогам, отстали и были захвачены внезапным кавалерийским ударом. Войска, лишившиеся провианта, начали беспощадную фуражировку по окрестным селам, превратив глухую неприязнь в лютую ненависть. Отныне если среди местных и находились проводники, то они заводили пруссаков или в топь, или под картечную засаду. Как выяснилось, мобильностью русская артиллерия не уступает обозу, а многочисленность легко компенсирует малые калибры.

Остатки корпуса все же добрались до Варшавской цитадели, где и заперлись, опасаясь как казачьих пушек, так и окрестных крестьянских пик. Фридрих узнал об этом одновременно с вестью, что несколько гусар одного из курляндских отрядов прорвались в Либаву и уплыли на рыбачьей шхуне. Остальные отряды погибли полностью.

Король поторопился послать новый корпус, скорее уже армию. В ее двойную задачу входило пройти всю Польшу, добраться до Смоленска, создать угрозу Москве и вынудить русских оттянуться на собственную территорию. Одновременно другая армия вышла из Восточной Пруссии — ей предстояло усмирить остзейские территории, откуда при поддержке с моря двинуться на Пе-

тербург и взять его как порт-базу для дальнейших операций.

Стратегическое чутье изменило старому королю. Поход начался в августе.

Все было как в прошлый раз: почти беспрепятственное продвижение вначале. Правда, не особенно быстрое — хлопы в драку не лезли, но по чьему-то наущению, портили и без того ужасные польские дороги, сжигали мосты, разбирали мостки, а любые повозки исчезли по обе стороны движения армии на расстоянии в половину дневного конного перехода. Когда командующий отрядил дальние экспедиции — кончалось продовольствие и сено, появилась неприятельская конница: в безусловном численном превосходстве, да еще с легкой артиллерией. Три неудачных сражения — и из кавалерии остались одни кирасиры, не очень подходящие для фуражировок.

Одним словом, когда пруссаки перешли Буг, листва давно уже опала. Потом быстро и повсеместно выпал снег. После чего выяснилось, что у противника под рукой и сани, и зимняя одежда, и очень много мелких пушек. «Это парфянская война среди лесов, но у парфян артиллерия!» — записал в дневнике прусский фельдмаршал. Запись была сделана в Орше, превратившейся в крепость, где спасались остатки прусской армии.

Провалилась операция и на северном театре. Там противник только щипал обозы, но делал это так умело, что корпус еле-еле дошел до Риги и начал осаду города. Появился враг на море —

чухонские и латышские рыбаки не без успеха освоили профессию корсаров и начали перехватывать суда с грузом, идущие без сопровождения. Узнав, что Орша капитулировала, командующий северной армией начал отступление, выглядевшее успешным лишь на фоне судьбы южного отряда.

Старый Фриц осознал, что случилось, лишь ранней весной. Он собрал армию и повел ее сам. В войске были ветераны Лейтена и Росбаха, а также юнцы, желавшие так же прославить свои имена. Англия выдала заем, но денег оказалось недостаточно, чтобы ограничиться свободным наймом. Вербовщики прочесали трактиры и трущобы. Старый король забыл, что «в Берлине есть судьи», — лошадей и повозки забирали по смехотворной цене, без надежды на судебную апелляцию. Зато после торжественного майского смотра Фридрих сказал: «С такой армией я бы не проиграл Семилетнюю войну».

Ослепленный великолепием своих полков король не заметил грозные приметы. Большинство солдат прежних армий попали в плен. Немного спустя желающих отпустили домой — согласилась примерно половина. Кто-то смог добраться до родных сел и городов, кого-то перехватили гусарские отряды и вернули на службу.

Повсюду, в домах и в казармах, возвращенцы рассказывали удивительные вещи. Про страну, которой правит царь, равнодушный к роскоши и не терпящий ее среди знати. Про удивительно малые подати и повинности. Про то, что суд и

управление вершатся на малых и больших кругах, поэтому в России почти не осталось судейского и приказного сословия, которое разоряет народ больше самых злых разбойников. Что свободной земли в этой стране много и законы мягкие, а в вере главное — милость.

Это казалось сказкой. Но сказки рождают песни. И вот — то ли в крепостях, где держали бывших пленных, то ли в смирительных домах (там держали тех, кто их слушал) появилась песня: *Sonne aufgehen im Osten* — «Солнце всегда встает на востоке».

«Они сковали твои руки. Но твои глаза и твоя душа — свободны...»

Александр на миг забыл об истории. Он вспомнил прежние путешествия: по Альпам, Пиренеям, северной Швеции. Песни уочных костров. Сперва шутливые, но потом, когда тайная баклажка с вином обходила круг (учитель с понимающей улыбкой отводил глаза: сам был таким), пели и старинные песни той эпохи. Наивные, не уважающие законы стихосложения. Но от таких песен трепещет душа, как лёгкий, добрый озnob охватывает тебя, когда ты вошел с промозглой улицы в теплое жилище. Тихие, грозные слова, что можно переиначить-высмеять днем, но ночью, у костра сам не заметишь, как рука, поднявшаяся стряхнуть со щеки пепел, смахнула слезинку.

Narr und Sonne... Песня про дурака, жившего в стране слепых, внезапно осознавшего, что все зрячие, просто небо вечно затянуто тучами, схватившего клинок и бившегося с тьмой, пока не увидел солнечный луч. **Herrlich Liebe...** Песня про бродягу, который привел Любовь в город, захваченный Ложью, и погиб в минуту своей победы.

Простые, наивные старые слова... Но убьешь того, кто засмеется над такой песней у ночного костра.

— Александр, ты что?

— А... ничего. Пардон, сейчас продолжу. Я придумал название реферата: «Мир, в котором победила тьма»...

Серьезные потери королевская армия понесла еще до первой крупной схватки: от дезертирства ездовых, саперов и недавно завербованной артиллерийской obsługi. Польские хлопы, присягнувшие русскому царю, исполняли его указ: беглецов укрывать и не выдавать. Потом к дезертирству присоединились обидные перманентные уколы с флангов, выбивающие легкую кавалерию и срывающие фуражировку,— одним магазинным методом снабжать столь крупную армию было невозможно.

Наконец издерганные пруссаки подошли к укреплениям Смоленска. Фридрих поспешил форсировать Днепр, оставив перед городом осадный заслон с артиллерией — не столько ради бомбардировки, просто уже не хватало упряженных лошадей.

Королевская армия двинулась на восток, а ночью по Днепру к городу подошли сотни заранее приготовленных лодок и ввели в него целую армию. Наутро осадный корпус, растянутый вокруг городских укреплений, был атакован и снаружи, и совсем неожиданно из Смоленска. К закату к королю прорвался гусар с вестью, что отряд разбит, пушки взяты и путь в королевство — отрезан.

Король развернул свои полки, и произошла Смоленская битва, главная в истории Пруссии.

Как и полагается баталиям такой значимости, она обросла легендами, которые уже и не проверить. Например, о том, как на вторые сутки непрерывного боя — казачья армия не дала пруссакам ночного отдыха — лучшие королевские гвардейские полки все же вырвались штыковой атакой из огневого кольца и попытались пробиться к русскому обозу, к складу боеприпасов. Как навстречу быстро маршировавшему строю выскочил одинокий всадник, и никому не пришло в голову сбить шаг ради выстрела. Как всадник подскакал шагов на двадцать, выкрикнул непонятное слово: «Spartakusbund!» — и открыл огонь из странного оружия, напоминавшего кавалерийский карабин. Только стреляло оно

непрерывно, будто неведомая сила перезаряжала его несколько раз в секунду. Гренадеры, стоявшие в сомкнутых рядах, как заколдованные, смотрели на страшное оружие и падавших товарищей, пока в расстроенные шеренги не влетели на полном скаку сотни русских конников.

...Королю предлагали и повозку, и лошадь. Он отвечал, что однажды бежал от войск настоящей царицы и не собирается убегать от войск «карнавального царя». Больше того: может быть, в этот миг даже сам Фридрих вспомнил про Спартака — и убил подведенного коня.

Сначала вокруг короля оставалась тысяча солдат. Они растаяли под непрерывным огнем русских мелких пушек. Сперва до пятисот, потом до сотни. Когда после очередного картечного залпа король упал, последняя полусотня сдалась, а с ней и остатки всей армии.

Его преемник некоторое время мучился в раздумьях: продолжить войну или нет. Обстоятельства не оставили выбора. Пленные — через два месяца отпустили всех — возвращались в королевство. Одни из них говорили: заберем семьи и будем жить в русском царстве, а другие — сделаем дёма, как в России. В войска своей волей уже никто не шел, а когда вербовщики сгоняют под одну крышу много недовольных мужчин, да еще учат их воевать, бунты происходят сами собой. Один из отрядов бунтовщиков неподалеку от польской границы был поддержан русской конной тысячей, состоявшей из легкой казачьей артиллерии и присягнувшей царю мелкой шляхты.

И в одном из взятых приграничных немецких городков появился первый вольный круг на немецкой земле...

Так началась великая европейская война, или Великое Возвращение. Тыла в ней не было, точнее, тыл был на востоке, в селах и городах, признавших власть русского царя. К западу же шел непрерывный бой владык со своими подданными.

Короли посылали на восток не только военных шпионов. Туда приезжали и философы — попытаться понять, чем объясняется удивительная привлекательность нового государства. Некоторые так и оставались в России, иные возвращались.

Они выяснили, что загадочный бунт в далеких русских степях внезапно получил и организацию, и максимально простую идеологию. Это было привычное Просвещение, соединенное с уважением древних вольностей и прав и полным отрицанием просвещенческого атеизма. Задолго до победы повстанцев русская церковь свергла «аввилонское плenение Синода», избрала патриарха и примирилась с раскольниками. Слова блаженного Августина «В главном — истина, во второстепенном — разнообразие и во всем — любовь» стали повседневным руководством и церковным, и светским властям.

Так произошло Восстановление древних вольностей и веры.

Конечно, все было непросто. Еще недавно угнетенные мечтали о мести, а те, кто лишился

большинства феодальных прав и доходов, хотели реванша. Но простоватый и при этом хитрый, так и не сбивший бороду новый царь со своим странным канцлером, немцем, любившим русские песни,— они, не иначе как чудом, сумели выдержать среднюю линию. Не позволили своим соратникам поселиться во дворцах и стать новыми князьями, но и не позволили сжечь дворцы.

Царю понравилась мысль, внущенная тем же канцлером: «Если всем окрестным землям волю не дать, Россия одна вольность не удержит». Поэтому на улицах русских городов не высмеивали тех, кто гулял в лаптях, но и не убивали за немецкое платье. Уже год спустя будущий президент Академии наук Георг Ловиц без всякой опаски наблюдал за звездами и намечал линию Волго-Донского канала.

Поговаривали, будто у канцлера было трое друзей, тоже немцев. Один из них погиб на берегу Днепра, другой стал генерал-атаманом второго ранга, а после окончательной победы удалился в родовой замок. Третий поселился на хуторе вблизи города Царицына — никто так не понял, чем ему приглянулось это место.

...Старая Европа не хотела сдаваться. Создавались новые и новые союзы. Короли и князья, не скучаясь, тратили свои сокровищницы на наем войска, а когда волонтеров не находилось, забирали подданных силой. Едва ли не лучше всех зарабатывали вербовщики в войска и полицейские агенты — мастера подслушивать и выве-

дывать. Эшафоты уже не разбирались после казней, фабричные рабочие трудились в цепях.

Но все чаще и чаще на стенах тюрем, фабрик, смирительных домов кто-то углем или школьным мелом писал первые слова русского манифеста: «Вольные люди, я пришел вернуть отнятую у вас волю». А иногда просто рисовали символы свободы: крест с косой поперечиной и казачью саблю. И короли бежали из своих дворцов, пока было куда бежать, или присягали русскому царю...

...Шли десятилетия, а бесконечная война между Республикой Разума и Союзом Порядка продолжалась. То одна, то другая сторона достигала военных успехов, но потом терпела неудачи. Небольшие клочки земли и целые страны переходили от одной стороны к другой. Часто врагов ждали как освободителей, но через год ненавидели сильней, чем прежних хозяев. Постепенно все континенты тоже стали участниками войны, как поставщики ресурсов обеим сторонам.

В этом мире, полном ненависти и мести, тоже развивалась наука. Были изобретены паровые машины, проложены железные дороги. Со временем, хотя и значительно позже, чем в нашей действительности, появились летательные аппараты и электричество. Но летающие машины поднимались в небо лишь для того, что-

бы сбрасывать разрывные снаряды на города. По железным дорогам перевозили заключенных. А металлической проволокой под электрическим током окружали лагеря каторжников.

— Адольф, вот здесь нарисуешь людей за проволокой. Да, наверное, там были и высокие башни для надзирателей-стрелков. Нет, бойницы этой башне не нужны. Просто бревенчатая вышка.

Так и продолжалась вечная война между Радзумом и Порядком, пока не пришли кочевые орды и не воцарились на развалинах...

Александр замолчал. Конечно, он во многом не прав: его работа не столько реферат по альтернативной истории, сколько художественный рассказ. Такая форма, впрочем, допускает умолчания, тогда как в реферате надо ответить на множество вопросов. К примеру: чью сторону заняли Соединенные Штаты Северной Америки? Остались единой страной — или тоже разделились? Как восприняли английскую революцию в колониях, в первую очередь в Индии? Как развивалась наука на территории Порядка — чего-то добивалась сама или копировала трофеи противника?

Пока Адольф иллюстрирует, надо будет дописать несколько главок. Но заняться этим завтра, на рассвете. Он еще позавчера обещал Эльзе прокатить ее на электрическом самокате. Сам бы обиделся на ее месте.

До встречи с Эльзой оставалось полчаса, и Александр не спешил уходить из класса. Он подошел к огромному окну, как и полагается в школах. Под окном был парк. Полвека назад большой Австрийский Круг, изучив предложения медиков, постановил строить новые школы исключительно в садах и парках, а там, где их нет,— разбивать новые, чтобы городской шум и пыль не вредили детям. С тех пор появились электрические вентиляторы, но все равно задумано было здорово.

Александр облокотился на подоконник. Откуда-то донесся протяжный, манящий свист. Половина пятого, значит, это экспресс Лондон — Челябинск — самый быстрый маршрут континента. Еще вчера утром поезд вышел из тоннеля под Ла-Маншем, а завтра, на закате, из его окон будет виден Днепр. Еще сутки — и Волга. Дальше Казани Александр еще не бывал.

Если его реферат получит хорошую оценку на конкурсе, ему и Адольфу предстоит поехать на молодежный съезд. Тот, что проходит на озере Байкал. Там будет много друзей из разных краев Царства. С иными из них он уже состоит в давней переписке: и на русском, и на английском, и на французском.

И все же не меньше, чем о встречах, Александр мечтал о дороге. Он представлял, как будет подниматься на крышу-террасу вагона и глядеть на леса, города, малые и огромные реки континента. И на закате увидеть чарующие степи Заволжья или ночью почуять аромат их трав.

Край, где в давние времена Спасшийся Царь поднял бунт во имя Возвращения.

Порядок, разум, вольность и вера. Они прекрасно уживаются на едином пространстве Европы и Азии. Пространстве мира и жизни, а не войны.

— Ты что там увидел? — спросил подошедший Адольф?

— Жизненное пространство,— ответил Александр.— Ты когда-нибудь о нем думал?

— Нет. Его же не нарисуешь.

— А ты попробуй,— сказал Александр.

Федор Чешко

Вторая беда

Пыль. Горькая мешанина рыжей степной земли, гари и мертвчины. Она вязала губы, выедала глаза, тяжелой мутью застила небо — свирепое июльское солнце едва проглядывало сквозь нее, как гнойный пулевой свищ сквозь застиранный, черт-те который уже раз использованный бинт.

Сероватые страници блокнота казались спрессованными из все той же назойливой пыли. Карандаш то проскальзывал, то рвал насквозь по два-три листа... Чтобы добиться более-менее внятной записи, грифель приходилось обильно слюнить, но язык был сух, как проклятая степь вокруг. В который раз принимаясь мусолить-обсасывать карандаш, Воронов тоскливо думал, что химические ядовито-синие пятна на губах окончательно придают ему, щуплому да

нескладному очкарику, вид этакого заученного кабинетного интеллигента, лишь по вздорной случайности напялившего военную форму. А с другой стороны, разве же это неправда? Может ли выискаться причина вздорней, чем война?

Ну вот, слава богу, доцарапалось: «1300. Неприятель продолжает беспокоящий обстрел силами предположительно двух артбатарей». Час назад была аналогичная запись. И два часа назад. И три. Зачем вообще нужен этот дурацкий протокол? Чтоб хоть чем-то себя занять? Или для порядка? «Война требует порядка, как ничто иное», — любил повторять Ивар Калдиньш, командир ударной интернациональной дивизии имени Пролетарского Гнева. Он тоже носил очки... нет, даже хуже того — пенсне совершенно провизорского вида. Но уж товарища-то Калдиньша — широкоплечего, увесисто-основательного — никто бы не посмел назвать интеллигентом даже мысленно. Никто. И уж тем более — тогдашний сопляк Митька Воронов, глядевший на комдива снизу вверх не только в прямом смысле, но и в переносном.

Да, записи — это, наверное, проснулась давнишняя наука товарища Калдиньша. Ведь нет науки прочнее, чем опыт Гражданской, как сказал легендарный герой легендарной войны. Сказал командированному в действующую армию известному (даже, пожалуй, знаменитому) писателю Дмитрию Воронову. Почти год назад, в расположении штаба Резервного фронта. Тучноватый, но крепкий еще маршал по-молодецки

крутил «солнце» на турнике, а потом, обтираясь мокрым рушником да расчесывая свои знаменитые усищи, доверительно «делился мыслями». Сколько недель еще продлится война, как бы он хотел лично командовать контрударом на Львов — Варшаву — Берлин («по секрету скажу: думаю, уже скоро, дело десятка-другого дней»)... Вокруг заваривалась какая-то суeta, подбежавший адъютант несколько раз порывался о чем-то доложить, но маршал отмахивался: «Что еще у тебя за срочности?! Кончай панику разводить! Белых гадов били и этих побьем!»

Да, меньше года назад... Тогда еще можно было поверить и в недели, и в контрудар европейских масштабов, который уже вот-вот-вот...

И позже, зимой, когда немцев отшвырнули от Столицы, легко верилось, будто все худшее уже позади...

Но теперь и здесь легче поверить немецкой листовке, в которой Большая излучина Дона именуется петлей на шее СССР.

...А противник уже который час продолжает беспокоящий огонь.

Беспокоящий...

Тот, кто выдумал это название, видел названное только в бинокль. По ту сторону.

Каждые полминуты с размеженностью метронама увесистый спокойный удар — то ближе, то дальше — дергает землю, будто примериваясь разом стряхнуть с нее весь человеческий мусор. Каждые полминуты очередной бугорок, бруствер или что-то еще сколь-нибудь примет-

ное на шкуре степи всплескивается к небу и опадает обратно клочьями дерна, а то и мокрого дымящегося тряпья. Каждые полминуты нарастающий свист по-садистски неспешно вбуравливается в мозг, в сердце, в душу, и давным-давно уже забыто железное правило «слышимый — не твой», и уже нет ни воли, ни сил, ни стыда плющиться о дно траншеи или хоть голову пригибать. Осталось лишь вялое, полубравадное, полуискреннее желание, чтоб следующий расслышать не удалось.

Это — беспокоящий? Смешно. Вот только не до смеха. Хотя бы потому, что лишь Бог знает, не один ли ты остался в извивистой полуобваленной траншее. Может, все уже убиты или просто ушли, бросили тебя на забаву степи-людоедке, зною, врагу и смерти? Казалось бы, чего проще: встать, проверить... Страшно. Нет, не допроситься-таки конца — страшно убедиться, что одиночество тебе не мерещится.

Возможно, будь у писателя Воронова хоть какой-то боевой опыт, кроме давнишних полутора лет писарства в штабе интердивизии с неуклюже-цветистым именованием, немецкий беспокоящий огонь впрямь бы его лишь беспокоил. Но опыта у писателя не было. Хуже того: самого писателя не должно было теперь быть в этой степи и в этой траншее.

Писатель вчера приехал в очередную командировку на фронт. В Москве посчитали, что форма с майорскими петлицами облегчит выдающемуся, но сугубо штатскому литератору сбор

материала для серии очерков (а повезет, так и книги). Но вышло иначе.

Благополучно добравшись до штаба армии, Воронов представился начальнику политотдела. Тот был занят, но в документы вороновские все-таки заглянул, высмотрел там для себя главное («политработникам всех уровней оказывать всемерное...») и вздохнул: «Вы курите? Тогда покурите на воздухе минут десять, а там я найду для вас помощника потолковей».

Воронов покурил. И еще покурил. И еще. Из интеллигентской стеснительности он долго не решался напомнить о себе. И в двухэтажном здании десятилетки, которое занимал штаб, и вокруг вспухала нервная шумливая сутолока. Даже штафирке было ясно: происходит что-то очень неприятное и очень серьезное. Все сильнее хотелось уехать, и не замедлило услужливо подыскаться самооправдание — дескать, разве можно приставать к занятым людям? Но уехать в трудный момент, даже не попрощавшись... сбежать... Позор. Если б хоть не проклятая известность! Пойдут разговоры... Нет, что простительно какому-нибудь мелкому журналистику, никак не годится для члена Союза советских писателей, произведения которого хвалили Горький, Шолохов, Алексей Толстой... Надо вернуться. Просто зайти в политотдел, сказать: вижу, мол, что теперь не до меня, заеду как-нибудь позже.

С таким вот намерением Воронов и отправился обратно в штаб, но на крыльце буквально нос к носу столкнулся с командующим. Тот сбежал по

ступенькам, через плечо внушая что-то едва поспевающему следом пропыленному полковнику. Едва не сбив с ног незнакомого майора, командующий полоснул его бешеным взглядом и мгновенно оценил чистоту обмундирования, неуверенность и еще невесть какие, одному ему ведомые приметы.

— Почему болтаетесь?! Вы кто, от кого?!

Он не был книгоочеем, этот командующий армией, которая стремительно таяла, зубами и ногтями цепляясь за каждую пядь рудой придонской земли. И растерянное «Дмитрий Воронов... Только что приехал...» могло натолкнуть его лишь на одну мысль.

— Вот тебе и комбат с неба свалился! — радостно сообщил он полковнику.

Конечно, все еще можно было исправить. Тем более что командующий чуть ли не прямо с крыльца прыгнул в мятую «эмку» и укатил, выкрикнув напоследок:

— Держаться, майор! Слышишь? Хоть сутки продержись, иначе — под трибунал! Удачи!

Можно было все объяснить полковнику, а не стал бы слушать — броситься к начальнику политотдела... Но... Глядя в багровые от многосугубочного бессонья полковничьи глаза, Воронов крест-накрест перечеркнул возможность спасения двумя мыслями: «Когда решается судьба Родины, печься о своей шкуре?!» и «Вдруг я действительно хоть чем-то смогу помочь?»

А полковник тяжело плюхнулся на ступеньку и, горбясь, ежесекундно отшатываясь от пробе-

гающих, царапал красным карандашом в мятоей школьной тетради: сего числа... майору такому-то... вступить в должность...

— Все! — Отдувшись с видимым облегчением, он выдral тетрадный лист, сунул его Воронову, встал.— Действуй. Батальон, считай, свежий, два дня как пополнялся... А Ручейную сдавать нельзя, слышишь? Не трусь. Завтра сменим. Обязательно. Или подкрепление... Давай за мной, у меня тут полуторка.

И фронтовые впечатления, бывшие целью писательской командировки, хлынули, как из рога изобилия.

Тряска в расхлябанном кузове — визгливые щепастые борта немилосердно лупили по бокам и спине, а по ногам еще злее долбили прыгучие тяжеленные ящики... Дважды полуторка неожиданно останавливалась. В первый такой раз Воронова едва не перешвырнуло через кабину, фурражка слетела, закатилась между ящиками, и он полез было ее выцарапывать... Мигом позже полковник за шиворот вытащил нового своего комбата из кузова, крича что-то неслышное в валящемся с неба реве моторов.

Слава богу, одинокий полупустой грузовик не казался немецким летчикам достойной мишенью — у них хватало целей понаваристее (да здравствует фашистская жадность).

Полуторка допетляла до лабиринта чадящих развалин, именуемых «станица Ручейная». Снова вскрик тормозов и резкая остановка: это едва ли не под капот выскочил грязный, оборванный

политрук с иссииза-белыми, похожими на бельма глазами. Выскочил и затеял на удивление бравый доклад: противник силами до полка прорвал оборону и в настоящее время с левого фланга...

— Чего делает противник, я сам разберусь! — надсаженным фальцетом завопил полковник, мешковато вываливаясь из кабины. — Чего Ты, шкура, тут делаешь, если фрицы у тебя что-то прорвали?! Расстреляю гаденьша! Обратно, бегом!..

«Бегом» было лишним: политрука сдуло еще на «шкура».

— За мной, майор! — На ходу вытаскивая из кобуры наган, полковник бросился вдоль бывшей улицы, туда, где грязную кисею дыма рвали свирепые автоматные взрыки и отчаянный деревянный треск винтовочных выстрелов.

Воронов догнал полковника за станицей, на вспоротом траншееи гребне длинного крутого холма. Отстал писатель не из страха, а потому, что, выпрыгивая из кузова, зацепился за что-то ремнем полевой сумки и, лишь пробежав уже с десяток шагов, осознал: драгоценность осталась болтаться на борте грузовика, а шофер уже норовит сдать подальше от занавешенной гарью пальбы. Пришлось кидаться обратно. А когда голодный до фронтовых впечатлений литератор вынырнул, наконец, из чадной поволоки, все уже окончилось.

Конечно, дело решил не полковник. Дело решила сгустившаяся из дымно-знойного марева восьмерка Илов. Бронированные авиамашины трижды прошлись вдоль холма, меся в кровавую

кашу все, что оказывалось под ними,— к чести летчиков, немцам досталось куда злей, чем своим.

Потом Воронов вступал в должность.

Возможно, батальон здесь и теперь мог считаться свежим и, наверное, действительно пополнялся два дня назад. Но и один день — срок по военным меркам немалый.

В изломе захваченной было немцами и вновь отбитой траншеи переминались знакомый уже политрук, два лейтенанта и сутулый юнец-старшина. Это полковник собрал весь наличный командный состав. Собрал и принял устало распекать за то, что нет списков, что текущей (он так и сказал) численности батальона никто не знает; а потом — добиряя крепости в голосе и в формулировках — за то, что «Ручейная» не досталась немцам только случайно. «На летунов больше не надейтесь. Их мало, а степь широка. И зарубите себе: вокруг плоско, как стол. А у немца механизированные части. Драпанете — догонят. И еще... Поймите сами и остальным вдолбите накрепко: фрицы сейчас злы, рвутся к Сталинграду, не щадя себя. Вас, если что, тем более не пощадят. Им теперь с пленными возиться нет ни желания, ни возможности. Поняли?»

Поняли. Все, в том числе и Воронов, в сторону которого полковник ни разу даже не скосился. Впрочем, полковник и на остальных не смотрел. Упрямо глядя то под ноги, то куда-то поверх голов, он сообщил о новом командире; почти отвернувшись, сунул Воронову вялую пятерню и...

Нет, прощание затянулось. Не выпускав руки свежеиспеченного комбата, полковник оттащил его за траншейный выгиб и там вполголоса, очень быстро и очень внятно разъяснил ситуацию:

— У тебя за спиной артезианская скважина. В сухой степи это важней золотого рудника. Вода нужна людям и очень нужна моторам. Немецким. Чем дольше ты продержишься, тем меньше будут потери. Наши. Не здесь — вообще. Понял? — Он впервые заглянул в лицо Воронову (тот кивнул). — Тогда дальше. Соседи. Они у тебя в прямой видимости. Справа — вон та гряда. Слева — где тополя, видишь? Фрицы теперь разобрались, следующий раз наверняка ударят между тобой и которым-то соседом. Отсекай огнем. Оставшиеся минометы и пулеметы — на фланги. Наладь связь, взаимодействие: попрут в стык — кройте кинжалным... ну с двух сторон, из всего, что есть. В контратаки не дергайтесь: на открытом размажут, у них, мать их, превосходство в разы.

Полковник замялся, свободной рукой теранул небритую свою щеку, сказал по-новому, чуть ли не жалобно:

— Лебедя схороните достойно... Насколько сможете, конечно.

Укололся об испуганный взгляд Воронова, заспешил разъяснять:

— Фамилия такая — Лебедь. Старший политрук. После гибели прежнего комбата взял на себя... Бестолково командовал, рвался вперед других, где надо и не надо. Вот и нарвался... Ладно, счастливо!

Полковник сильно тряхнул и отпустил, наконец, вороновскую руку, вылез из траншеи, отправился в тыл, к своей полуторке. Воронов безотрывно следил, как он уходит — неспешно, вразвалочку... так бы по людному бульвару домой после трудной смены.

С немецкой стороны визгнула пуля, другая. Полковник будто и не заметил. Лишь когда его уже, наверное, скрыл от немцев гребень холма, обернулся на ходу, крикнул, чтоб комбату нашли пистолет. Только тут Воронов заметил: весь командный состав смотрит полковнику вслед так, будто бы это остаток их жизни вот-вот затеряется в сочащихся дымом развалинах. Осознание, что бывшие уже в боях командиры чувствуют то же, что и он, неожиданно придало писателю уверенности. Вздорной, предательской, вроде пьяной отваги — Воронов это сам понимал. Но хоть такая — всё же лучше, чем никакой.

Никому персонально не адресованный приказ об оружии буквально кинулся выполнять политрук. Он отдал комбату свой ТТ, да еще с кобурой и портупеей: «Я себе лучше винтовку возьму, а вам в бой ввязываться нельзя, ваше дело — всё видеть и принимать решения». Очень не понравилась Воронову эта многословная торопливость, и еще меньше понравились одинаковые кривые ухмылки лейтенантов да старшины. Вдобавок писатель, наконец, догадался, отчего глаза у политрука словно фаянсовые. В них гнил страх. Застойный, многодневный. Неизлечимый.

Новый комбат сделал почти всё, о чём говорил полковник. Простоял над душой связиста, пока тому не сумелось-таки докричаться в телефонную трубку до соседа справа; трижды повторил в облупленный звукоприемник про «кройте кинжалным» и «не дергайтесь — размажут», а потом вроде бы сумел расслышать сквозь всхрапы да треск помех: «Крапива, я репейник, вас понял». Ко второму соседу, с которым связи не было, отправил посыльного и убедил себя, что тот доберется до жидких от зноя призраков тополей, а добравшись, сумеет точно передать порученное. Приказал раздвинуть на фланги наличные огневые средства — и искренне удивился, когда его приказ начали выполнять. Удивился потому, что к этому времени успел уже выяснить всё, о чём не рассказал полковник.

«Свежий» батальон по численности недотягивал до двух рот. Траншея на гребне холма — первая, она же единственная линия обороны — батальону была великовата: равномерно распределенные по ней стрелки оказывались чересчур далеко друг от друга (один из лейтенантов шепотом посоветовал группировать бойцов по двое-трое). А главное, Воронов понял, КЕМ в последний раз пополнялся батальон.

Правда, опыт общения с «элементами» у Воронова был — подарок веры в довольно сомнительную истину, будто нельзя писать о том, чего не испытал на собственной шкуре. Трудясь над своим «Каналом в честную жизнь», он почти три

месяца не просто так жил на знаменитом строительстве.

Когда столичный гость объяснял вохровскому начальству, кем и с кем хочет поработать, начальство на него таращилось, как на клинического идиота. Однако же гость предъявил такие верительные грамоты, что никто не рискнул сказать «нет». Но... ведь вот только случись с гостем хоть ничтожная неприятность, те же поставщики верительных грамот обвинят в «как допустили?!» отнюдь не себя. Так что касательно дальнейшего, Воронов не питал ни малейших иллюзий. Еще до его появления за проволокой туда откуда-то мощно плеснуло слухами о писателе, который «сам себя посадил, чтоб дознаться всю как есть правду о нашей собачьей жизни». А уж если этого блаженного писателя с первых же секунд взял под особое покровительство Дед Башка (при одном упоминании сего имени блатные вставали) — уж какие тут с писателем могут быть неприятности?!

Так что и в этой области опыт вороновский был не ахти каким. И все же...

По предвечерью к ним добралась полевая кухня. Событие это, похоже, не случалось уже довольно давно, и вот если бы немцам вздумалось ударить именно в тот момент... К счастью, немцам не вздумалось — то ли разведка их подвела, то ли сочли происходящее каким-то хитрым русским подвохом.

Все тот же политрук принес комбату алюминиевый котелок, на треть заполненный чем-то

средним между кашей и супом. Вероятно, из-за лагерных воспоминаний Воронову было подумалось, что не следует есть на глазах у подчиненных. Но был он так измотан всем этим диким вывихом судьбы... и к тому же не ел с утра, а теплое варево так остро пахло тушенкой... В общем, комбат уселся на истоптанную, пересыпанную стрелянными гильзами землю прямо в траншевом расширении, которое предшественник обустроил под штаб. Рядом скреб ложкой о днище такого же котелка телефонист; где-то поблизости, даже не слишком озабочиваясь понижать голоса, ботали по музыке: «на досрочку смурняков вирь»...

Воронов быстро дохлебал свой паек, выпутился из ремня полевой сумки и, сдвинув фуражку на нос, привалился к стенке траншеи. Пока можно, вздремнуть бы минут хоть с пару десятков...

Нет, не получилось.

Комбат уже впрямь стал придревмывать, когда его вдруг как-то пинком пробило осознание, о чем именно говорят те, уверенные, будто здесь никто для них опасный не может понимать деловой говорок.

«Подыхать сумасшедших нет...»

— А что делать? — хныкал некто, чей голос умудрялся быть одновременно и визгливым, и сиплым.— Подорвать? В момент заметут — и к стенке. Знаешь, как они с дезертирами?

— В плен надо. Перебежать надо.— Этот голос казался каким-то вообще бесплотным.

— Не слыхал, что ли, полканы? — всхлипывал сипло-визгливый. — Гансы — не красноперые, даже до стенки не доведут!

— С умом надо. Начальничка с собой надо притащить. Вроде того... политрука этого. Или нового, майора, — тоже, видать, партейный.

А голос-то кажется бесплотным оттого, что напрочь лишен малейших примет. Не понять даже, баритон, бас или нечто вообще третье, ускользнувшее от внимания оперных классификаторов. Воронов поймал себя на том, что с помощью этих ларингологических размышлений бессовестно резинит время. Потому что на подслушанное не отреагировать (и сейчас же!) нельзя, но вот КАК реагировать? Лагерных в батальоне теперь едва ли не половина; если хоть одного из них арестовать — бог ведь знает, чем такая попытка вывернется! Они, судя из разговора, на что только уже не готовы! А если арестованный еще и окажется, как у них такие зовутся, «в уважении», «грубым»...

Ему вспомнилось утверждение одного фронтовика, будто из уголовных получаются отличные солдаты — если только взять с ними верный тон. Но какой он, верный?

А разговор вроде бы прервался?! Проклятие, сейчас уйдут, и черта с два их найдешь да уличишь!

Еще толком не зная, что и как станет делать, Воронов оперся ладонями оземь, собираясь вскочить... да так и замер, моментально забыв обо всем. Кроме одного: сумки под рукой не оказалось.

Сумка была с виду невзрачная, потертая едва ли не до дыр, даже не кожаная (кирза да брезент). Всего и примечательного, что пухлая, набитая почти чрезмерно. Бог знает какие сокровища могли вообразиться в ней вчерашним зэкам, но для Воронова содержимое попросту не имело цены.

«Сокровище» — так и назывался пока роман, над которым Дмитрий Воронов работал уже шестой год. Не по заказу Союза — для себя. Работал, не без изрядного риска выдирая объедки времени из прожорливых пастья каждого невных своих обязанностей (иногда те силились ему в виде огромной стаи огромных гиен). Запасных копий не было: часто и кардинально правя написанное, он очень боялся, что перепутаются разные варианты. И эту вот единственную рабочую рукопись Дмитрий Воронов всегда таскал с собой, даже во фронтовые командировки. «Если убьют, все равно никому другому бы не доверил закончить». А простая мысль, что сам он может уцелеть, а рукопись — нет, отчего-то никогда раньше не приходила в голову. Тем безысходней показалось случившееся; тем оскорбительней, невыносимей было видение, как мало что шестилетний каторжный труд — изрядную долю жизни его и души — пускают на раскур ботающие по фене подонки. Те самые, что хотят за остальную его судьбу купить себе фашистское снисхождение.

Щуплый интеллигентный очкарик мгновенно сам стал подонком, готовым не просто убивать, а пытать и замучивать.

Дальнейшее помнилось каким-то сумасшедшим калейдоскопом. Испуганные, вполлица распахнутые глаза отброшенного с дороги свя-
зиста... Двое неопределенного возраста мужи-
ков — мешковатых, обтреханных... сидят на
корточках нос к носу, действительно курят,
сосут-пережевывают чадящие самокрутки...
И сразу, прямо перед лицом — серая от пыли
да ужаса щетинистая ряха, нос, смятый в
свинский пятак стволом пистолета, и — чуть
ли не первое запомнившееся ощущение —
боль в пятерне, готовой саму себя раздавить о
стиснутую в ней рукоять... И боль в надсажен-
ном горле... И вдруг — обессиливающая волна
омерзения. К этому, с рожей, забрызганной
писательскими слюнями. К себе самому. Ко
всему.

Воронов откачнулся от едва не застреленного им человека (тот бескостно стек по траншейной стенке); принялся заталкивать ТТ в кобуру. Пистолет артачился, как живой: то цеплялся за жесткий кобурный клапан, то норовил выскользнуть из одревенелой руки... И точно так же никак не давалось вспомнить, какие именно слова только что выхаркивались в рожу полуубморо-
ченого уголовника. Но, как бы то ни было, это и ока-
зался тот самый «верный тон» — и слова, и остал-
ьное. Потому что на уровне вороновских коленей вдруг прорезалось сквозь стоны да всхлю-
пывание:

— Найдется, падла буду — найдется! И за остал-
ьное не нервничайте, гражданин начальн...

майор... фрицев зубами рвать станем! Меня послушают, век свободки не видеть!

Когда Воронов доковылял на трясущихся ногах туда, откуда пару минут назад вылетел одним прыжком, сумка его обнаружилась спокойно лежащей на прежнем месте. То ли ее успели подбросить, то ли пропажа лишь примерещилась в недосне — иди знай.

Позже, когда облепленное наглеющими звездами небо сделалось уже куда светлее земли, боевое охранение доложило о каком-то копошении в долинке между холмом и грядой, которую занимал сосед справа. Оттуда, с гряды, хлопнуло несколько выстрелов. Копошение затихло было, но минут через десять возобновилось. Воронов, один из лейтенантов и старшина (как выяснилось — минометчик) долго всматривались из флангового окопа в обманно-прозрачные сумерки — чем дольше всматривались, тем назойливей мерещились им шевелящиеся смутные тени. Комбат не очень уверенно сказал, что по долинке нужно открыть огонь. Тон его был совершенно не приказным, и лейтенант мгновенно этим воспользовался, предложил сперва выслать пару бойцов в разведку (соседи, мол, больше не стреляют — может, неспроста?). Воронов кивнул, и минометчик откровенно обрадовался: ему явно казалось разновидностью сумасшествия швырять отнюдь не изобильные боеприпасы наугад в темноту.

Вернулась запыхавшаяся разведка: «Саперы. Наши. Минируют». И почти тут же в тылу ба-

тальона послышались лязг, конское ржание, топот... И галдеж — чуть ли не радостнее того, которым встречали кухню.

О причинах шума догадался даже Воронов. Ну почти догадался: решил, будто подошла кавалерийская часть, но сообразил, что для удержания позиции конница бесполезна. Так что — наступление?

Увы, нет. Но причина для радости все единой была: полковник, обещавший «или подкрепление» завтра, перевыполнил свое обещание.

Противотанковая батарея на конной тяге. Неполная. Четыре «сорокапятки». По две на фланг — так, едва успев представиться Воронову, предложил командовавший артиллеристами старший лейтенант. Вопреки званию он казался совсем еще юнцом и потому, наверное, носил усы (для солидности).

Потом... Едва пушкари успели занять позиции... Нет, они еще не успели. В долинке грохнуло, потом еще и еще...

Немцы действительно ударили встык. А когда их авангард напоролся на мины, атака не захлебнулась — лишь расхлынулась по склонам долины.

Когда это, ожидаемое, началось, Воронов на миг-другой буквально выпал из жизни. Страх — подлое чувство, даже если причина его не подла. Ужас перед тем, что он, Дмитрий Воронов, согласившийся... теперь уже искренне верилось, будто его протест бы все изменил... и вот он, согласившись на ответственность за судьбу ба-

тальона и еще бог весть за чьи судьбы и жизни, в первый же серьезный миг совершенно не знает, что должен делать... По сравнению с этим оказался хил-невзрачен даже страх смерти, которого Воронов раньше боялся сильней всего.

Себя он, конечно, со стороны не видел, не осознавал, что закляк, лежа животом на бруствере, вполроста своего выставившись под пули. Спасибо, кто-то из бойцов сдернул ошалевшего комбата за ногу обратно в траншею, и тут же брустверный скат с мерзким чмоканьем хлестнул по вороновским глазам земляными фонтанчиками. Это сработало, как пощечина истеричке. «С внутренней стороны... Прорвались по флангу, заходят в тыл...»

И тут выяснилось: батальон ни на миг не остался без командира. То, что в лихорадочной сумятице, от которой лишь шаг до паники, почти невозможно расслышать разницу между «комбат» и «комбатр»... да, это, конечно, могло сыграть. Но главное — смертная опасность дарит людей способностью почти мгновенно определять, кто и знает что делать, и способен превращать «что» в «как».

Никогда в жизни Дмитрий Воронов не испытывал такого стыда и одновременно такого безмерного облегчения. А спокойная увесистость подобранной обесхозневшей трехлинейки заразила спокойствием и его.

С легкой руки Гайдара в писательской среде давно и прочно поселилась увлеченность охотой. Воронов исключением не был, слыл умель-

цем ночной стрельбы и всегда предпочитал винтовку дробовику — а как же, ведь, если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов... Вот и пригодилось.

Ему всегда везло на людей. И теперь — тоже.

Когда атаку все-таки отбили, его нашел комбат. Ночь выдалась светлой — старший лейтенант сумел разглядеть темные кляксы на майорской гимнастерке, и не только на ней (был, был такой миг, сгоряча не показавшийся страшным, когда для Воронова почти все небо закрыл распяленный в прыжке человеческий силуэт, и он, Воронов, отпрянул, вжался спиной в стенку траншеи, инстинктивно выставив для защиты винтовку и даже не вспомнив о примкнутом к ней штыке). Да, старший лейтенант многое сумел разглядеть. И многое понять. Пришагнув почти вплотную, он спросил украдливым шепотком: «Вы ведь не строевик?» Воронов заспешил так же украдливо рассказывать, кто он и как здесь очутился. Но старлейт не дослушал.

— Для командира мало не быть трусом, — выдохнул он и, отступив, прорявкал (не для Воронова — для остальных): — Слушаюсь, товарищ майор! Какие еще будут ваши приказания?

Утром немцы навалились на соседа справа, потом — снова на них. И снова атаку удалось отбить. Но на том и окончилось вороновское везение.

Бурью, облезлую кошму предполья густо пятнали бесформенные серо-зеленые кочки; струйчатое знойное марево силилось доковеркать горелые туши восьми немецких танков (самый

ближний — метрах всего-навсего в десяти от траншеи)... А в штабном окопе лежали накрытые плащ-палатками два лейтенанта и старшина-минометчик. И еще — командир уже не существующей батареи. Воронов не знал точно, скольким бойцам удалось пережить нынешнее смертеобильное утро, он знал одно: выжившими командовать некому. Даже хуже, чем некому. Из комсостава уцелели только сам так называемый майор и дожидающийся страхом политрук.

А немцы вот уже четвертый час ведут по расположению батальона артиллерийский огонь с издевательским названием. «Беспокоящий»... «Деморализующий». Убивающий душу.

Записать бы все ЭТО, пока не притупилось, не начало забываться... Трепыхнулась было такая мысль, да тут же и сгинула. Глупо. Если суждено пережить — пережитое не забудется никогда. А если не суждено... Кто, кроме тебя, будет спасать твои записи в этом аду? Твоя смерть — и записям твоим смерть. А если нет... Лет через пятьдесят — сто какой-нибудь учёный муж сочинит статейку, что-либо вроде «О непригодности образно-эмоционального способа восприятия для реалистичного отображения экстраординарных событий». А в доказательство положит последние заметки известного своей образностью-эмоциональностью писателя Воронова, который, оказавшись в гуще боевых событий, по просту тронулся. Сам такого не переживший вряд ли способен поверить, каково на самом деле это переживать.

Кто-то из бывальных фронтовиков рассказывал Воронову, что место настоящего командира в бою там, где всего тяжелей и всего ответственней. Полковник казался настоящим командиром, так вот бы ему снова здесь объявиться! Ведь, например, там, где сосед слева, где тополя,— там вроде бы тихо... Только черный, незыблемый от безветрия столб дыма вычертился оттуда, растворяясь вершиной где-то возле самого солнца. Но на гряде справа, как и здесь, тоже взбрызгиваются-опадают разрывы. Мелкие, совсем нестрашные издали. Но вроде гуще, чаще они, чем вокруг. Так что бог его знает, где сейчас как. Тот же фронтовик добавил, будто бы любой командир — от сержанта до генерала — всегда уверен: его участок самый тяжелый-ответственный. Да и полковник... что, собственно, Воронов знал о нем? Полком он командует, или дивизией, или не командует, а начальствует штабом, или... И вообще, может, он сейчас тоже где-нибудь накрыт плащ-палаткой.

Переживания и бессонная ночь брали свое. Как ни тяжко было на душе, глаза Воронова пекло не только от этого, и не только от пыли да гари. Стоило лишь разрешить им смежиться, и... Да еще и убаюкивающая монотонность обстрела... Открытие, что размеренность взрывов... иными словами, размеренность нависания смерти может, оказывается, убаюкивать, чуть не заставило-таки взяться за блокнот-карандаш. Но предыдущие записи давались так трудно... Ничего, не забудется. Позже. Потом. Так и задремал, стоя, привалясь боком к земляной стенке.

Продремать удалось недолго.

— Братва, кто видал начальника? Да не, не фраерка — комбат нужен!

Воронов еле успел встряхнуться, поправить съехавшую на ухо фуражку, когда из-за выгиба траншеи выскочил боец. Мятый, расхристанный, пилотка поперек головы, вроде наполеоновой шляпы... Небритая физиономия бойца сверкала таким хищным восторгом, что... в общем, комбат лишь после всего перечисленного удосужился, наконец, заметить немалую тяжесть, которую боец с натугой швырнул ему под ноги. Впрочем, нет: прежде Воронов заметил пару-тройку любопытных — они активно напирали в спину прибывшему, а тот, раскорячясь поперек траншеи, отчаянно старался их удержать.

А под ногами Воронова барахтался человек.

Сперва писатель-коммунист озабочился тем, чтобы высвободить свои сапоги из конвульсивных, неподдельно рабских объятий. Получилось довольно грубо — незнакомец отлетел под ноги к приволокшему его бойцу, затравленно стрельнул глазами снизу вверх, шарахнулся обратно... В конце концов, он застыл. На корточках. Бегающий мутный взгляд, голова при каждом (хоть дальнем, хоть ближнем) взрыве противостоятельно вдергивается в плечи...

— С тылу, гад, крался, — сообщил боец. — Я его пропустил, а потом...

Он принялся детально, очень гордясь собой, рассказывать про «потом». Воронов не слушал.

Воронов проводил спешную ревизию своих знаний о том, как следует допрашивать пленных.

— Ihren Namen, Rang, Regiments-Nummer?

Уже договаривая, он мысленно взмолился, чтобы среди болтающихся вблизи не оказалось знающих немецкий. Потому что спрашивать про номер полка было как минимум нелогично. Да уж, последние сутки здорово притормозили писательское умение думать, умение наблюдать и все прочие писательские умения.

Перепачканное пылью и копотью лицо пленного казалось тем не менее до женоподобия холеным. Щеки да подбородок были так тщательно выбриты, что... черт, а может, у него впрямь на морде ничего не растет? Гермафродит как-то... Гнусное впечатление усугубляли длинные волосы, стянутые в пучок на затылке. И одежда из потертой синей дерюжки: узехонькие, в обтяжку, брючата, курточка — до пояса, тоже в обтяжку, с какими-то латунными бляшками-пупырышками, со множеством карманов, карманчиков. А на ногах — тапочки. Вот именно тапочки. Белые.

— Й-а... й-а... — вдруг судорожно заикал нелепый человечишко.

Бойцы так и грохнули хохотом, и пленный снова втянул голову в плечи. Но не замолчал:

— Й-а... Я н-не... н-не-нем-мец...

«Я немец?» Или «я не немец?» Поди разгадай... Впрочем, на немца (на НОРМАЛЬНОГО немца) похож он действительно не был. Хоть идиотская куртейка и топорщилась узкими матерчатыми

погончиками, а нагрудный карман украшало вытканное серебром изображение орла, но и погончики не такие, как у фрицевской солдатни, и орел не германский. Но и знаком отчего-то он, орел этот. Воронов силился вспомнить, где и когда видывал именно такого орла, но в голову настойливо лезло другое: вскоре после начала гитлеровской травли коммунистов лектор из Наркоминдела рассказывал в Доме писателей, что среди фашистских штурмовиков полно гомосексуалистов.

А у пленного вдруг полегчало с речью:

— Я не немец. Я св...св...свой. Мне нуж... —
Он судорожно сглотнул.— Мне очень нужен писатель Воронов. Дмитрий Воронов. Андреевич. Очень!

Вновь ударил разрыв — совсем близко, даже привычные уже бойцы поприседали, а нелепый человечишко скучожился в плотный, мелко дрожащий ком. Один писатель Дмитрий Андреевич Воронов будто закаменел, с тупой безотрывностью глядя, как на обтянутую каштановым волосьям макушку стекает с бруствера шуршливый земляной ручеек.

Прежде вокруг было страшно. Теперь сделалось странно. Дико. Как-то совершенно по-умалишенному сделалось. Господи!

— Ну, допустим, я Воронов.

Человечишко осторожно приразвернулся (как еж на ладони), выглянул с недоверием. В бутылочных тусклых глазах сквозь страх медленно проплавилось недоверие:

— Ну да! Да нет... Не похожи... на фотках другой... иначе...

Что ж, фотографии Воронова действительно частенько мелькали в газетах. А «не похож»... И это запросто: перед самой вот этой командировкой знакомый медик уговорил сбрить к чертям усы и бородку («помните, батенька, куда направляетесь, не подготавливайте излишние плацдармы для вшей»).

Чувствуя, что впрямь лишится остатков ума, если хоть что-то из происходящего сию же минуту не начнет разъясняться, Воронов выцарапал из нагрудного кармана и ткнул пленному под нос членский билет Союза. Поимщик и остальные тоже сунулись глазеть, едва не затоптав пленного. Кто-то выдохнул: «Вот это да!» — кто-то забормотал, глядя почти с обожанием: «Так это вы?! А я по вам в школе неуд схлопотал. Обалдеть!..» Потом еще кто-то шикнул, и все уважительно отодвинулись.

Впрочем, нет, не все.

Пленный снова метнулся в ноги, прилип, забормотал совсем уже какую-то чушь. Переход (или перевод?) скоро закроется, он на автомате; лох (ведь это, кажется, куст?!) лучше бы по-нормальному учился в семестре или уж вылетел, чем вот так; а ублюд-препод (кто?!) говорит: всего-то сбегать, снять с трупа — и назад... говорит, все известно точно, по секундам... успеешь, пока он и все они — уже, а те — еще... а потом говорит: пиши... я, такой-то, самовольно, на свой риск, без ведома и участия... а лох написал... а если теперь

лоху кранты, ублюд типа чистенький... И весь этот бред вдруг прорезался надрывно-истошным воплем: «Отдайте! Вам она все равно уже не... а мне... Я больше сюда не смогу, я же не знал, как это взаправду стремно! Ну, пожалуйста!!!»

Он принял карабкаться на Воронова, как на дерево, больно хватаясь, подтягиваясь,— похоже было, что ноги его не держат, или он не надеется на то, что станут держать. И писатель-комбат вдруг каким-то наитием сообразил: этому ненормальному безумно, смертельно нужна сумка. Рукопись — какая еще вороновская «она» может кого-то интересовать? А еще ему нужно вместе с рукописью попасть куда-то, пока не закрылся то ли переход, то ли перевод. Возможно, там, куда нужно попасть, растет лох. И... Да что же это за напасть проклятая, господи!!!

Он попытался высвободиться из судорожной болезненной хватки. Первая попытка не удалась, но вторая не понадобилась: уродца оторвали от комбата бойцы. В четыре руки отрывали-отшвыривали, кто-то комбата за плечи придерживал (чтоб, значит, тоже не отшвырнулся). А сам уродец ляпнулся на живот, упрятав лицо в ладони (кажется, в процессе отрываания ему успели заехать по зубам). И тут на заднем кармане дерюжных штанов обнаружилась кожаная нашивка с четкой, хорошо различимой надписью, при виде которой Воронов моментально вспомнил национальную принадлежность не зря казавшегося знакомым орла.

Та-ак...

Значит, USA... Союзнички наконец-то решились на фронт? Кое-что объясняет. У них там, на гнилом Западе, чего только не... Русский знает? Эмигрантский отпрыск или специально готовили его... к чему?! В незаконченном «Сокровище» нет ни военных тайн, ни контрреволюции... Лучше б солдат прислали, чем... И что же за бред он болтал? Или, может, действительно просто бред? Попал под обстрел и спятил от страха — говорят, такое бывает...

Снова близкий разрыв хлестнул земляным дождем по головам и плечам. Немцы заметили скопление, пытаются бить прицельно?

— Всё! — Вопреки давящей сердце тоскливой муты, Воронов постарался наддать в голос железа.— Всё, по местам. Этого охранять. Вот ты — сам раздобыл, сам и стереги эту... драгоценность. И чтоб он целехоньким остался, ясно?

— Который час? — вдруг продавилось сквозь ладони «драгоценности».

Воронов хмыкнул, но на вопрос ответил.

— Семьдесят минут,— почти отрешенно донеслось из-под ладоней.— Из них минут десять — пятнадцать добираться до перехода.— Американец приподнял, наконец, голову, спросил с жалкой детской надеждой: — А может, все еще так слепится, как препод сказал? Может, меня только выплюнуло чуть-чуть раньше времени?

Воронов резко развернулся и зашагал прочь по траншее. Ему казалось: останься он еще немного тут, рядом с этим ненормальным, и ко-

личество сумасшедших на здешнем холме удвоится.

Последующее, наверное, со стороны выглядело вполне достойно: командир обходит расположение вверенной части — хочет оценить ситуацию и выработать мудрый, всеспасительный план.

Черта с два.

Если что-то такое и мерцало в уме у комбатаписателя, то мерцание это моментально загасила одна-единственная внезапная мысль. Не мысль даже — воспоминание, разбуженное алчным урчанием в животе. Фраза из собственного когдатошнего рассказа (вложенная, правда, в уста циника-золотопогонника): «Мужественное осознание долга всегда прячется от солдата на дне котелка с мясным варевом. Не вычерпает — не почерпнет». А теперь Воронов испугался, что вот как начнут бойцы спрашивать: «Товарищ майор, когда же кормить-то будут?!»

Слава богу, хоть этот страх оказался напрасным. Никто подобных вопросов комбату не задавал; наоборот, двое-трое (вероятно, почитатели таланта или ограбившие в школе неуд) пытались угощать. Воронов благодарил и отнекивался. Возможно, слова «мародерство» да «брезгливость» вскоре и для него потеряют смысл. Но пока он еще не дозрел считать едой такую вот, например, шоколадку — надгрызенную, провонявшую потом кого-то из тех, кто грязными буграми пучится там, за бруствером.

...Ближе к концу траншеи он набрел на пока-
завшегося странноватым бойца. Тот, крючясь
на корточках в стрелковой ячейке, быстро-бы-
стро гребся обеими руками в ее истоптанном-
истолченном дне. Не то почувствовав, не то рас-
слышав чье-то присутствие, боец всполошенно
обернулся. Испуганный взгляд снизу вверх так
живо напомнил давешнего пленного, что Воро-
нов гадливо скривился даже прежде, чем сообра-
зил, отчего странный боец узнался с таким за-
позданием.

А политрук торопливо вскочил и принялся
объяснять, что собственная его гимнастерка вко-
нец испачкалась-изодралась («ну вы ж видели,
один рукав совсем уже... и второй... почти...»), а
он, как командир и политработник, должен со-
блюдать внешний... являть пример... Скорогово-
ворка его делалась все тише, невнятней; глаза —
все жалобней...

Воронов молчал, только нарочито вниматель-
но рассматривал петлицы без знаков различия,
круглую дырочку в гимнастерочном полотне
(аккурат под левой ключицей), сохлую ржавую
кляксу вокруг этой дырочки... А когда бормота-
ние политрука вовсе зачахло, сказал — вяло, бес-
цветно:

— Отставить являть пример. Через пять ми-
нут быть одетым соответственно званию и иметь
при себе документы,— он глянул на борозды,
оставленные в мягкой земле торопливыми паль-
цами, уточнил:

— СВОИ документы. И воинские, и партийные.

Уже шагнув было прочь, Воронов приостановился, добавил:

— Полковник вчера велел достойно захоронить павшего смертью храбрых старшего политрука Лебедя. Я, грешным делом, запамятовал... Так вот, приказываю вам исполнить распоряжение полковника. А затем явиться ко мне и доложить, отчего я поручил это именно вам.

Воронов решил дойти до конца траншеи — проверить боевое охранение.

Шел медленно, автоматически пригибаясь, когда грохало да посвистывало, глядел под ноги, старательно перешагивал через неубранные тела... А в голове крутились-ворочались унылые жернова: «Бесполезно. Его уже ничем не проймешь, хоть будь ты какой-раскакой инженер душ человеческих. Всего милосердней бы его... это... по законам военного времени. Кажется, как комбат имею право, даже обязан. Да, милосердней бы... Но вот спрашивается: отчего я должен быть к нему милосерден? Господи, скорей бы все это кончилось. Как угодно, чем угодно — лишь бы скорей!»

Ему вдруг подумалось, что, может, начальник политотдела, несмотря на резко потяжелевшее положение армии, все-таки хватился высокого гостя, ищет. Почему еще не нашел? Ну так командующий небось мечтается по фронту, и не обязан он помнить, кого куда назначил комбатом. Полковник? А что — полковник? Вряд ли он частый гость в политотделе... Да и вообще...

С минуту Воронов, как вилкой в каше, ковырялся в таких раздумьях, выискивая разные возможности-вероятности. А потом отрешенно махнул рукой на результаты ковыряний. Никто его не ищет. Начальнику политотдела всего проще было вообразить, будто столичный гость ориентировался в обстановке и удрал втихаря. Так что ничего этот самый столичный гость не выгадал своей интеллигентской глупостью: думают о нем именно то, чего он боялся.

Перед ходом сообщения, ведшим в левофланговый окоп, Воронов остановился. Ход был короток, но его сильно обвалило близкими разрывами. Стоит ли соваться почти по открытому? Бойцы охранения и так не спят — из окопа доносится медлительный — от нечего делать — разговор... А интересный, кстати, он, разговор-то...

Воронов устало присел на кучу осыпавшейся с бруствера земли. Подслушивать, конечно, дурно. Однако писателю дозволяется даже чужие письма читать. Писателю многое простительно — особенно если он почти уже наверняка ни с кем не сумеет поделиться услышанным.

— ...такое было: «Мы из Кронштадта», — говорил на удивление бодренький-усмешливый тенорок. — Смотрели? Да, почти правдивое кино. Только, как говорят наши лагерные коллеги, в натуре... в натуре все было слегка наоборот. Не мы, а нас. И не на Балтике, а в крымском раю. И не десятерых. Оч-чень не десятерых, уверяю вас. Тысячи-с! А в остальном все точно. Камень

на шею — и штыками с обрыва. В морскую, так сказать, лазурь.

Говорил невидимый, но явно пожилой боец отрывисто, часто вздыхал глубоко да медленно. После каждого такого вздоха в ход сообщения тянуло горелой махрой, и Воронов, сперва боявшийся выдать себя, тоже закурил украдчиво.

А тенорок продолжал:

— Причем, врать не буду, без злобы. Чуть ли не извинялись. Ты, мол, белятина, не взыщи, но как же с вами иначе-то? Ведь, мол, эвон вас сколько — ежели расстреливать, то сердце не вынесет столько добра — патронов — переводить!

— Н-да? И как же вы спаслись от таких — гм! — зверств? — сипло поинтересовался второй собеседник.

— Комиссар знакомый попался. Ординарцем при мне пробыл с четырнадцатого по шестнадцатый... нет, вру: почитай по самый Февраль. Отпросил.

— И вы...

— Да-с, смалодушничал. Со всеми вместе бы, конечно, честнее. Не от «честность» — от «честь». Но так, знаете ли, жить захотелось... просто дышать...

— Ну и дышали бы счетоводом, пользу бы приносили. Что ж вас потом-то поволокло в промпартию, в шпионаж? — Сиплый не то рассмеялся неприятно, не то закашлялся.— Сами же и доказали: правильно всех ваших тогда... Как волка ни корми... И холуя бы вашего с вами вместе... и тех, кто понапускал холуев в комиссары... и...

Мучительный припадок кашля. Несколько хлопков, маловнятное бормотание — полупротест, полублагодарность.

И снова — немолодой тенорок:

— Щедро считаете! Этак недолго остаться в пустом государстве. Не забоялись бы? Особливо по ночам, в темноте-с? Что же до промпартии, шпионажа и прочих вредительств... Неужто вы полагаете, будто все это на самом деле, да еще и с этаким размахом?! Не-ет, здесь ВАША партия наколбасила, право слово! Полнарода врагов народа, вторая половина — под подозрением, и это у вас называется народная власть?!

— А вы на всю партию голосишко не вздымайте! — Еще один приступ захлебистого кашля.— Партия в себе разберется и погань с себя стряхнет.

— Бог на помощь,— буркнул тенор.— Только опять не перепутайте, кого стряхивать. Кстати, а вы-то, твердый ленинец, за какие художества загремели-с?

Сиплый вдруг рассмеялся по-настоящему:

— Не поверите, но вот именно за художество. Представьте: идет партактив, инструктор обкома делает доклад о пакте с Германией — как мудро, какие открываются блестящие перспективы... Я, кстати, в президиуме. А на столе несколько свеженьких — краской пахнут — номеров «Правды». С фотографией: Риббентроп правой пожимает Молотову руку, а левую свою держит за спиной. Я к этой левой в рассеянности возьми и пририсуй кукиш. Ну, доклад еще не окончился,

как за мной уж приехали. В общем, семь лет — за антинемецкие настроения. А как фашисты вторую руку из-за спины выпростали... это я в переносном... короче говоря, прямо с двадцать второго я ну заявления строчить: прошу, мол, оказать незаслуженное доверие, дать мне шанс смыть кровью мои антинемецкие настроения. Наконец вызывает меня начальник... — и опять приступ кашля (короткий, но очень злой).— Начальник... ох... лагеря. Я, говорит, тебе сочувствую, жалею даже, но помочь не могу. Тебя, говорит, нельзя на фронт, потому что у тебя статья политическая.

Тишина. Вязкая глубоченная хлябь. Даже разрывы... ах, нет — к сожалению, не прекратились. И даже не сделались реже. Просто молчанка разрезинилась уж очень надолго. Воронов и докурить успел, и поприкидывать, не объявиться ли там, в окопчике, не сказать ли им, тем, что-нибудь... и даже успел разобраться, что, в общем-то, сказать ему нечего; и даже успел решиться уйти. Как вдруг в окопчике выговорили подсевшим, как-то надтреснувшимся тенорком:

— Смешное рассказали. А куда смешней, что дела у НЕГО, видать, пошли вовсе скверные. Уж коль дозволил таким резервам, как мы с вами... По всем статьям — агония.

— Ничего, совладаем,— решительно отрубил си-плий.— Совладаем. Сперва — с немцами, а там и...

Опять тишина.

И опять тенорок сказал:

— Бог на помошь.

Совсем без выражения сказал. И, кажется, совсем без веры.

Воронов встал и побрел обратно. Так же, как шел сюда. Автоматически переставляя ноги. Машинально кланяясь взрывам, пулевым свистам, смахивающим на уничтожительное поцЫркивание сквозь зубы. Именно эта машинальность чуть было не вынудила-таки взяться за карандаш. Достойной немедленной записи показалась смутно забрезжившая... Нет, не мысль. Пока еще только удивление. До чего же, однако, легко дается умение вести себя... какое бы слово-то... а, вот: сообразно. И даже не возмутительно, не обидно, даже вообще никак, что вот цЫркает, будто в глаза плюется, а ты озабочен только держаться так, чтобы риск к минимуму... Озабочен? Если бы! Оно как-то само собой — вот что, если задуматься, всего неприятней...

Глупость. Типичная интеллигентская глупость. Что же — гордо подставить лоб под пулю и сдохнуть — без смысла, зато с чувством собственного достоинства? А здесь ты оказался — тоже «сообразно»? Или это как раз все равно, что из гордости не убрать лоб с пуевой дороги? Гордость... Без смысла и пользы... А «фрицев зубами рвать станем» — это, например, не польза здесь от тебя?!

Он так и не успел взять на изготовку карандаш и блокнот.

Расхотелось.

А чуть позже Воронову стало вообще не до са-мокопаний.

— Русские солдаты... к вам обращается... германское командование...

Ревливый, оттененный жестяным дребезжанием голос. Обстрел не прекратился, но говорящий выверенно и четко врубал слова между взрывами:

— ...единственный случай... выбрать свою судьбу... вам предоставлен...

Воронов втиснулся в ближайшую стрелковую ячейку (там уже были трое бойцов, а вслед за комбатом ввалились еще); приподнялся, опираясь о чьи-то плечи. Краем глаза приметил: вдоль всей траншеи так же безрассудно повыставлялись над бруствером головы в касках, в пилотках... Толку с того выглядывания — хрен. Трупы, воронки, битое железо — вблизи; пылевые столбы, взблески, смутное множественное движение — далеко, почти у горизонта... вот и все, что удалось рассмотреть. Покойный ныне комбат черными словами крыл тех, кто обустраивал здешнюю позицию. Траншею вырыли по самому гребню холма, без учета, что западный склон выпирает этаким округлым взлобком. Вот и получилась вдоль подножия изрядная мертвая зона. В ней немцы спокойно накапливались для атак, из нее же сейчас лязгали-дребезжали их щедрые посулы:

— ...тем, кто сдастся в плен... жизнь, хорошее обхождение... тем, кто отдаст... комиссара или офицера... живого или мертвого... денежное награждение... тем, кого большевики... держали в тюрьме... дадим паек... уважаемую работу...

Кто-то по-знакомому бесцветно орет невдалеке:
— Братва, не ведись! Свистят, курвы! Таких,
как мы, они прямиком в земельный отдел!

А мертвый жестяной голос по-провизорски скрупулезно довешивает мертвые жестяные слова:

— Теперь вы имеете.... очень мало времени...
думать.

Всё. Замолчал. И метрономное буханье взрывов показалось гробовой тишиной.

После пакта было много рассуждений, что у немцев развитая авиация, передовая химия... Почему всегда забывалась psychology? Ведь каковы мастера! Не взяли нахрапом — пошли выматывать души «психическим» обстрелом; теперь, наверняка уже зная, кто засел в здешней траншее, организовали для командиров-комиссаров повод... э, нет — причину бояться своих бойцов... А вот что все сии ухищрения — из пушки по воробьям, что здесь уже ни огневых средств, ни путных командиров, да и бойцов-то осталось... Недоработала фрицевская разведка. Значит, и у них не все уж так уж...

Ладно. Кто-то здесь давеча самоедствовал на тему о пользе? Сейчас-то дело не в управлении огнем, не в обходах с охватами, сейчас дело как раз по специальности!

То ли осознанно, то ли по наитию выдержав потребную паузу, Воронов без спешки, разлаписто (старателю привлекая к себе внимание) выбрался из ячейки в траншее. Тщательно выверяя расстояние двумя сложенными пальцами, как это проделывал товарищ Калдиныш, сориен-

тировал козырек фуражки параллельно бровям. Удостоверясь, что на него смотрят, демонстративно вынул из нагрудного кармана партбилет, дунул между страницами, спрятал обратно, аккуратно застегнув пуговицу. А потом сказал — вроде бы и негромко, но слышало наверняка полбатальона:

— Дураки немцы, а?

Не таких слов ждали теперь от комбата. На обращенных к нему лицах стронулось прступать что угодно, кроме согласия. Удивление, разочарование, презрение (отнюдь не к врагу)... Зато взварившийся гомон дал Воронову повод возвысить голос — так, чтоб (упаси господи!) не смахивало на агитационную речь:

— Что, не немцы дураки, а вы?! — Теперь его должен был слышать весь так называемый батальон. — Не поняли, что сейчас было?! Вот должен бы соврать, но уж черт с вами, скажу: до их «воззвания» я думал, наше дело — хана. Спасибо немецкому командованию, обнадежили, — он старался напустить в голос как можно больше сарказма. — Эти глупцы сдуру показали, что боятся. Да, нас мало, у нас нет пушек и минометов...

— И пулемет один остался, — заспешил встать кто-то, — и патронов с гулькин...

— А они — боятся! — рявкнул Воронов. — Понимаете?! Боятся, что не смогут управиться быстро! Подкрепления на подходе! И они это знают!

Он перевел дух. В образовавшуюся паузу никто не втиснулся.

— Ну а если кто-то вообразил, будто господа немцы проявили гуманность... — Воронов криво ухмыльнулся, голос его сделался ледяным.— Я не буду грозить расстрелом. Я, мягкотелый интеллигент, ненавижу стрелять в своих.

На «мягкотелого» откликнулись смешками.

А Воронов продолжал:

— Я просто не буду мешать тем, кто купился, свинтить туда... к гуманистам. Потому что не помешать — означает шлепнуть так же верно, как самому давануть спусковой крючок. Только — уж извиняйте! — сам с вами не пойду. Так что хрен вам вместо фрицевского вознаграждения.

Заржали уже совсем по-хорошему. Кто-то выдохнул: «А майор-то, даром что очка — грубой в доску!»

Воронов вытащил платок, утер взмокревшие щеки. Он вдруг с ужасом понял, что не знает, как закруглить разговор, не сбив впечатления. Оттого просто каким-то ангелом со небеси показался взмыленный боец, тяжело задышавший в самое ухо:

— Товарищ майор, вас просят к пленному! Что? Не знаю. Просят скорее, что-то там важное...

— Ладно! — Воронов опять произвел калдиньшскую манипуляцию с фуражкой.— По местам. И больше не скопляйтесь, а то парой снарядов весь личный состав... Нам еще час, от силы два, продержаться до помощи. Смотреть в оба, беречь патроны!

Он еще что-то говорил так же громко и браво, пробираясь траншеей, кого-то похлопывал по спине, кому-то сдвигал пилотку на нос... Что он станет им говорить через два часа, если помочь не объявится? Об этом ему не думалось. Два часа нужно еще прожить. А пока он сам верил собственным доводам. И не только тем, озвученным. Ведь полковник обещал... Ведь полковник объяснял про скважину — разве могут бросить на произвол такой важный пункт? Доводы иного сорта Воронов категорически запретил себе допускать на ум.

Пленный был все в той же стрелковой ячейке, сидел скучожась, на комбата глянул мутно, не видяще. Воронов довольно долго рассматривал вздутую скулу, заплывающий глаз, полувывернутые-полуободранные карманы... Что было делать? Ругать назначенного в охрану за мародерство? Или себя за то, что не додумался распорядиться обыскать странного человека?

Нет, ничего он не успел ни сказать, ни сделать. Первый же взгляд на охранника, и... Тот не походил больше на гордого своей добычливостью хищника, а был теперь сосредоточен и явно нешуточно напуган. Перехватив взгляд комбата, протянул ему на раскрытой ладони какой-то квадратик.

Бумажка, закатанная в прозрачную корку — вроде целлулоида, но жестче. Удостоверение? Фотография пленного — черт, цветных не бывает даже на совнаркомовских корочках... Ага, студенческий билет. Ростовский госуниверситет.

Истфак. Все это Воронов примечал отстраненно, самым краем сознания. Цепеняще, будто удавий взгляд на кролика, подействовало на него видение печати, пришлепнувшей цветной фотопортретик. Круглой синей печати с растопыренным двуглавым орлом.

— Цифирь гляньте,— тихо посоветовал охранник.

Несколько мгновений Воронов пытался сообразить, о чем речь. Потом додумался-таки всмотреться в дату рядом с ректорской размашистой подписью. Ушибся взглядом о первую цифру года и едва сумел побороть детское желание зажмуриться. Две тысячи... и какая, к чертям, разница, что там дальше?

Глубокий вдох, мысленно досчитать до десяти... Кто-то из великих советовал еще и трижды удариться головой об стену. Но стены поблизости нет.

Что же все это значит? Мистификация? Смысл, смысл, смысл-то в чем?!

— Который час?

Пленный. Не то сумел взять себя в руки, не то, как говорится, мужество отчаяния обуяло.

Воронов ответил. И тут пленный заговорил внятно, быстро, по-деловому:

— Через восемнадцать минут вас тут всех побивают. Ваша сумка и документы попадут в штаб пехотного полка. Немецкого. Оттуда, еще через несколько штабов,— в Берлин. В «Цайтунг» промелькнет статья о том, как большевистские фанатики загубили выдающегося писате-

ля. Недавно... ну для меня, моего времени... несколько листков вашей рукописи нашли в Мюнхенском музее. В историческом, в запасниках. Остальное потеряется навсегда. Если вы сейчас отадите мне рукопись и отпустите меня, я обещаю, я чем захотите поклянусь: всё будет издано тютелька в... ну, без малейшей правки. Я могу, у меня папик... простите... отец со связями.

Вот про отца он соврал, это чувствовалось. А остальное? Если вранье ощущалось, значит, остальное — правда?

Пока писатель с высшим филологическим образованием мямлил, одинаково боясь верить и не поверить, мелкий урка с лагерным стажем анализировал ситуацию.

— Слыши, майор! — Он подергал Воронова за рукав.— Не отдавай! Хай тебя вместе с бумажками к себе уведет. Тебя, слыши? И еще... — Его глаза сделались жалкими, умоляющими, как у голодной шавки.

— Нельзя,— быстро сказал пленный.— Здешних с собой брать категорически... Меня посадят!

Урка ощерился:

— А ты мозгой пораскинь, женива, чё лучшее: тута задубарить или там посидеть?

Кажется, пленный мало что понял из этой фразы. Но тон и выражение лица говорившего и без всяких слов были достаточно красноречивы.

— Я согласен,— сказал пленный.

— Сколько человек вы можете... гм... перевести?

Воронов спросил это, лишь чтоб немного потянуть время; торопливый ответ «больше двух

никак, ну верьте — никак!» он пропустил мимо ушей, спросил снова:

— Кому и зачем понадобилась у вас моя рукопись?

— Препод, проректор,— торопливо и зло заборомтал пленный, взглядывая почему-то куда угодно, кроме лица собеседника.— Славы хочет. Накропал статейку по тем страничкам из Мюнхена. Типа, сюжетная реконструкция. Если докажет совпадение с оригиналом — что-то там ему присудят или грант какой-то дадут... Да пошел он!

— Вот это — правильно,— сказал Воронов.

Он медленно перевел взгляд с физиономии выплюнутого будущим студента на рожу урки (у того в глазах шавочность очень забавно переплавлялась в натужную безысходную оторопь). Усмехнулся. Снова принял изучающе рассматривать изуродованное кровоподтеками, растянувшее женоподобность лицо. Спросил:

— А если оригинал с реконструкцией не совпадет?

Студент — по глазам было видно — отлично понимал: времени совсем уже нет, и нужно немедленно рассказать что-нибудь очень-очень-очень убедительное. Вот только что?! И без того тусклый его взгляд выщел таким отчаянием, что вороновская усмешка сделалась почти сочувственной:

— Да все понятно. Если слегка — подправят... естественно, не реконструкцию. Если же не совпадет очень, оригинал просто-напросто не найдется. Иначе бы не потребовалось присыпать за ним такого... и так...

Он ладонью растер пот по лбу и щекам, вздохнул:

— И про «издать» ты мне не рассказывай, мальчик. Я пишу это для себя, для таких, как сам. Судя по тебе, у вас мое писание мало кого растревожит. Так что не отдам я рукопись ни в экспонаты, ни в аттракционы. И себя не отдам. И в нелегалы к вам не пойду. Это вот он... — кивок на жадно слушающего урку, — он бы там у вас забоговал, если о вашем времени можно судить по тебе. Но вот оттого-то...

Он хотел объяснить — не студенту, охраннику — что именно «вот оттого-то» неведомый переход-перевод наверняка защищен от гостей из прошлого, и что с такими наверняка же не церемонятся: это ведь не преступление — убить покойника.

Хотел.

Но не успел. Очередной взрыв — опасно недальний — будто бы втряхнул ему в голову достаточно простую догадку:

— Постой-ка... Если ты сейчас заберешь сумку — какая реконструкция? Листки в музее ведь не найдутся, ты же их все утащишь! Что, это зачем-то и нужно? Чтоб не нашлись?

Студент не ответил. Словами. Но слова, в общем-то, и не требовались.

От дальнейших вороновских вопросов студента спас урка. Он тоже понимал, что времени нет. А еще он наверняка успел уже прикинуть в меру своего разумения степень опасности (для себя) пребывания «здесь» и «там». И подбор убедитель-

ногого аргумента дался ему куда быстрей, чем студенту.

Штык к его винтовке примкнут не был, стрелять он то ли остерегся, чтоб не привлечь внимания других бойцов, то ли все-таки пожалел бла-женного дурачка-интеллигента. Так, иначе ли, но удар винтовочным стволом под грудь отшвырнул Воронова на траншейную стенку, перешлиб дыхание, почти обездвижил. В следую-щий миг урка навалился на своего комбата, пытаясь содрать с него сумку.

А еще долей мига позже...

Воронов почему-то ничего не услышал, и увидел он только, как глаза напавшего дурака вдруг немыслимо распахнулись, как вспыхнула в них и тут же захлебнулась слезами горькая жалобность. Навалившееся тело обмякло, отя-желело... И лишь тут, сумев, наконец, вновь за-дышать, Воронов рассмотрел невесомо, по-снежному облетающие с неба клочья степного рыжего дерна.

Студент, сидевший на дне траншеи, остался целехонек, его только землей присыпало. А Воронова незадачливый уркаган прикрыл и от зе-мли, и от осколков. Сказочное везение — вы-живть за десяток минут до смерти.

Вывернувшись из-под трупа, комбат оправил перехлестнутый через плечо ремень сумки. Нагнулся за слетевшей фуражкой. Едва успел под-хватить до того чудом каким-то не свалившимися очки. Выпрямился. Буркнул:

— Дуй к своему переходу. Может, успеешь.

Воронов уже выбирался из ячейки, когда позади сказали негромко и очень зло:

— Стоять!

Ну встал. Оглянулся.

Студент, оказывается, успел вскочить, подхватить брошенную уркой винтовку. Держал ее крепко, правильно, и затвор передернул достаточно сноровисто — видно, все-таки хоть как-то, да готовился к своему вояжу.

— Сумку сюда! — рявкнул этот новый, мгновенно возмужавший студент.

«Страх и отчаяние творят чудеса с капризными балованными детьми,— отстраненно подумал Воронов.— Хотя... Что я, собственно, о нем знаю?»

Вслух он, конечно, этого не сказал. Вслух он сказал устало:

— Стреляй. Бойцы услышат, увидят — ты и секунды не проживешь. Беги лучше, пока не поздно... вояка.

— Зря вы... «вояка»... Я, между прочим, служил. А мог и на войну — я не виноват, что на Курилах так всё быстро... А вы... — Казалось, студент вот-вот заплачет.— Почему вы не хотите со мной?! Сомневаетесь, что умрете? Я не вру, честно!

— Верю, — сказал Воронов.— Не погань мне последние минуты.

Что-то дрогнуло в тусклых зеленых стеклянках глаз.

А потом и не только в них.

Др-р-р-рммм...

Показалось, будто мучительной судорогой продрало дымную степь, и пыльное раскаленное небо, и, наверное, весь остальной мир.

И — тишина. Гробовая. Мертвая. Воронов вдруг осознал, что обстрел прекратился: снаряд, обрубивший житейскую дорогу незадачливого уркагана, кажется, был последним.

Др-р-р-рммм...

С этой же частотой степь прежде корежило разрывами. А теперь — чем? И что за еще один звук исподволь вдергивается в тишину? Ровная размеренная пульсация пока еще на самой грани слышимого... Как будто холм здешний — грудь придонской земли, и в груди этой оживает сердце, взбудораженное людскими смертями.

Др-р-р-рммм...

Воронов торопливо полез на бруствер. И закляк.

Над взлобком холма с наглой самоуверенной неспешностью все выше, все четче вспухали какие-то тесаные глыбы... зубчатые... обляпанные белым и синим... с серо-зелеными подножиями, дергающимися в такт мерной пульсации почвы... вспухали, росли, утюжа курящийся пылью склон... Господи!

Психический обстрел кончился. Началась психическая атака.

Каппелевцы из «Чапаева», кайзеровские немцы из «Пархоменко»... На экране те киновыдумки гляделись внушительно. Но это... Может быть, дело в том, что это — не на экране?

То ли творящееся обострило чувства не до предела даже — до беспределья, то ли так близко уже надвинулись ротные марширующие шпалеры — как бы ни было, Воронов достаточно хорошо различал: вид атакующих ничего общего не имеет с германским военным педантизмом. У одних мундирные куртки нараспашку, другие вообще без них (на белых и синих майках расползаются огромные потные кляксы), кто в пилотке, кто с непокрытой головой, автоматы у кого на шее, у кого на плече... Да, не кино. Ни лоска, ни парадности. Но тяжелый шаг ровен и слитен, как на плацу, и каждый из двух... нет, атакующих строев четыре, они как под нивелир выровнены, они прут с танковой неудержимостью, и сочетание механической одинаковости движений с почти бесстыжей расхристанностью вгрызается в нервы не милосердней, чем ржавые пилы редких барабанных взрыков (др-р-р-рммм...).

Из траншеи стегнуло несколько выстрелов — оказавшиеся все-таки не каменными туши шпалер с бесчувственностью трясины мгновенно затянули распаренной ражей плотью щербины в первых шеренгах.

Дергаными, истерическими очередями зашелся последний оставшийся в батальоне «максим». Сверлящий налетающий свист, взрыв, другой... молчит пулемет.

Др-р-р-рммм...

Где-то на левом фланге пронзительный — не милосердней снарядного свиста — крик:

— Не стрелять! Ближе подпускайте, орёлики!
Это бы тебе кричать такое, комбат! Опамятуй!
Да, для командира мало не быть трусом — так
совладай же хоть с малым!!!

А полувиаг с левого фланга не унимается:
— Замереть, пока они нас собой от своей ар-
тиллерии не прикроют! Гранаты к бою!

Через тыловой скат траншеи перевалилась
пыльно-зеленая фигурка, шустро-шустро пополз-
ла прочь... следом — еще одна... и еще...

Воронов, что называется, печенкой почув-
ствовал: через какой-нибудь миг хлынут все.
Теперь, наверное, чтоб не назад, их можно
только...

— А ну, орёлики, русские мы или кто?!

Всё тот же старческий тенорок, то и дело сры-
вающийся на взвизги. На левом фланге в рост
замаячила плотная приземистая фигура.

— В атаку, орлы! За мной, соколы! За мной, в
божью вас хлёбаную распродушу мать!

Он кричал что-то еще такое же бодро-пронзи-
тельное, этот недотопленный в Черном море, не-
домордованный в лагерях золотопогонник —
кричал уже на бегу, не труясь даже оглянуться,
проверить, поднялся ли кто-нибудь следом.

Поднялся. Там же, на левом фланге. Сутулый,
будто надломленный, орущий сипло, со всперхи-
ванием: «Коммунисты, вперед!»

«Две беды у России: дороги и дураки». Кто бы
там по правде ни сказал эту нелепость — Карам-
зин, Гоголь или вообще Николай Первый — это
действительно нелепость. Глупость. Вздор. Ду-

Федор Чешко

раки из века в век не беда, а спасение этой страны. И если вдуматься, то разве же только этой?

Дмитрию Андреевичу Воронову очень хотелось записать внезапно сизошедшее открытие — слишком мало шансов было запомнить его даже на секунды оставшейся жизни. Но уж какие тут записи! Перекарабкиваясь через бруствер, вскачивая, судорожно выщарапывая из кобуры пистолет, он думал уже только об одном: не отстать бы. Если не от тех двоих дураков, взваливших на себя обесхозневшее командирское ярмо, так хоть от студента, проскочившего вперед с винтовкой наперевес.

Владимир Свержин

Создавая истину

История — наука о фактах.
Созданная истина

Все началось с того, что Алёшка Чернягин бросил в немецкую полевую кухню дохлую крысу. Впрочем, для Алёшки ничего особо не началось. Он с ребятами вот уже два года, с тех пор как немцы вошли в их село, как мог, воевал с фашистскими гадами. Носил, хоть и вырос уже давно из пионеров, в зашитом кармашке свой алый галстук — частицу красного знамени, и готовился вместе с приятелями дать бой. У него даже винтовка имелась. И две гранаты. Винтовку он подобрал за окoliцей и спрятал под стропила. Одна беда: в обойме патронов оставалось лишь три штуки. Но и три штуки для начала сойдёт. А вот гранаты он стянул у толстого немца. Тот придревмал на солнышке, Алешка изловчил-

ся и вытянул две железных чушки на длинных деревянных ручках, смахивающие на пестик, которым прежде мать толкла принесенные с гор орехи и яичную скорлупу для кур. Так что можно было и гранату бросить, но это сколько грохота, а толку — чуть.

То ли дело... — Алешка удовлетворённо потёр руки, представляя себе, как вспучит животы у танкистов, прикативших сегодня в их село на своих чёртовых железных гробах. Крыса-то знатная была. Три дня назад возвращающийся с нашей стороны «юнкерс»-лапотник, чтобы не садиться с полной загрузкой, отбомбился за околицей. Вот её, крысу то есть, и гробануло. Пару дней на солнышке пролежала. Насилу у мух отбил. Пока Маруська Смык повару глазки строила, Алёшка сзади подкрался, да хлобысь! И готово. Приятного аппетита, герры-офицеры. Чего добыче-то пропадать?

А Маруська — да, девка хоть куда. У неё за нынешнюю весну под сарафаном такие яблочки налились, что и не яблочки уже, а дыньки. С тоскою подумав о скрытых выцветшим сарафаном округlostях, Алешка поглядел через забор. По улице мимо кухни шагал подтянутый офицер с железным крестом на груди. Заметив его, повар вытянулся, нелепо вскидывая руку в приветствии. Тот лениво ответил, что-то спросил. Пользуясь заминкой, Маруська юркнула в калитку и побежала стремглав прятаться за сарай. Оттуда, если что, и к речке можно. Бережок, правда, крутой, но зато кустов тьма-тьмущая — поди сыщи.

Божья коровка переползла с качающейся травинки на широкую ручищу. Майор Певчих улыбнулся, чувствуя, как щекочут палец её крошечные лапки.

— Божья коровка, полети на небко,— прошептал майор, вспоминая те дни, когда ловил часиков и таких вот божьих коровок возле кузни своего отца.

— Товарищ командир! — раздался поблизости оклик вестового.

Примостившийся среди кустов отцветшей сирени офицер дунул на букашку, отправляя её в полёт.

— Чего тебе, Григорьев?

— Товарищ майор! — Вестовой заговорил почти шёпотом, памятую о суровом предупреждении с предвоенного плаката: «Враг подслушивает!» — Вас к командиру дивизии.

— Что там еще стряслось? — Василий Матвеевич Певчих встал с земли и отряхнул форму.

— Не знаю,— ефрейтор Григорьев пожал плечами.— Но только, говорят, командующий армией приехал.

— Ишь ты,— командир гаубичного дивизиона приложил два пальца к брови, проверяя, на должной ли высоте располагается козырёк фуражки.

— Может, награждать будут,— предположил ефрейтор.

— Может, и будут,— вспоминая недавние бои, согласился Певчих.— Но только это вряд ли. Пока ещё представления наши по штабам нагуляются. Ладно, идём. Чего гадать — сейчас узнаем.

При виде командира дивизиона часовой на крыльце приложил руку к пилотке и посторонился.

— Товарищ командующий армией,— с порога начал майор.— Командир семьсот двадцать пятого отдельного...

— Да тише ты,— махнул на него генерал-лейтенант Решетилов, отвлекаясь от разложенной на столе карты,— экий голосина. Одно слово — Певчих. Сибиряк, что ли?

— Так точно. Сибиряк.

— Край суровый.— Генерал запустил пятерню с платком под фуражку.— Я в тех местах перед войной без малого четыре года... провел. Так что, считай, земляки. Иди-ка сюда, Василий Матвеич.

Майор подошёл к столу.

— Мне тебя комдив рекомендовал как лучшего гаубичника. Сказал: офицер с опытом, умный. За горизонт белке в глаз бьешь! На Халхин-Голе воевал, два ордена имеешь.

— Есть такое дело,— чуть смущаясь, подтвердил командир дивизиона.

— Ну так вот, уважаемый Василь Матвеич. Есть для тебя задание. Сразу говорю — дело не простое и во как ответственное,— генерал чиркнул себя ребром ладони по горлу.— Значит, так, смотри.

Он взял карандаш:

— Вот здесь мы схватили немцев... Ну... Сообщаешь за что,— командующий армией подхватил лежащие на столе орехи и сжал их в кулаке до треска.— В общем, котёл тут намечается.

Хороший, качественный, добротный котел. Ну фрицы, собаки бешеные, в нём вариться не желают. И потому рвутся сюда,— карандаш ткнулся в кружок с надписью «Сычевка».— Здесь генерал фон Майнцдорф собрал основные силы и ломится, как бык на корову. Но я-то Майнцдорфа давно знаю, еще с довоенных лет. Он хоть, гад, и напористый, но не без соображения. Просто так ломиться не будет. А что это значит?

— Ну...— замялся Певчих,— может, пожалуй, в одном месте надавить, а как мы туда все резервы перекинем, так он хитрым макаром в бочину нам и зарядит.

— Правильно соображаешь, Василь Матвеич,— кивнул генерал-лейтенант.— Наверняка Майнцдорф пожелает ударить нам во фланг. И если прорвется, то положение у нас будет аховое. Сам понимаешь, армия уже четвертый месяц из боев не вылезит. Новое пополнение необстрелянное, с техникой — швах.— Командующий развел руками.— Из Москвы говорят, скоро будет. Эшелоны направлены... А Майнцдорф уже здесь, и ждать не станет.

Майор Певчих встал навытяжку, ожидая приказа.

— Значит, так, Василь Матвеич, слушай внимательно. Вот тут,— генерал провел на карте линию,— у излучины реки, в гряде крутых холмов, имеется горловина. По обе стороны от нее — возвышенности. Как сообщает разведка, по тридцать два — тридцать пять градусов угол склона. Танки не пройдут. А немецкая пехота, сам зна-

ешь, без танков в атаку ходить не любит. Значит, сунутся они именно сюда, в это проклятое дефиле.

Если проскочат — будет всем нам кака с ма-ком. Части у нас там — обнять и зарыдать: только-только сформированные. Многие бойцы — вчерашние школьники, даже из винтовок толком стрелять не умеют. О прочем совсем молчу. Противотанковой артиллерии почти нет. ПТР — и то одно на роту. Так что, майор, в эту чертову горловину надо вбить пробку, да такую, чтоб ни одна сволочь ее оттуда не выбила.

Это задача твоего дивизиона. Для того мы его обратно, с тыловых перин да в самое полымя, к линии фронта, и перебросили. Уж прости, Василь Матвеич, нет сейчас времени для передыху.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Вопросы есть?

— Есть, товарищ командующий.

— Задавай.

— Товарищ командующий, у меня от дивизиона семь стволов осталось. А снарядов и вовсе по десятку на ствол.

— Со снарядами — поможем. Полковнику Красёву, вашему дивизионному начальнику арт-дивольства, уже соответствующие указания даны. А с орудиями, майор, и рад бы помочь, да нынче каждый ствол на особом счету. Вот новые прибудут — клянусь, тебе первому отгрузим. Ты пойми, немцев, главное, из нор вытащить да у этой самой узкости сгуртовать. А там мы их уже штурмовиками в оборот возьмем. Но часов до де-

сяти или, может, до полудня, кровь из носу, надо продержаться. Еще вопросы?

Певчих развел широченные плечи:

— Никак нет. Разрешите идти?

— Давай, брат, ступай. Удачи тебе.

С детских лет Конрад Маркс чувствовал себя рыцарем. Наслушавшись бабушкиных историй о славных предках, он пробирался на кухню, хватал крышку от самой большой кастрюли и бегал за забором, рубя деревянной саблей лопухи, представлявшиеся ему щитами турецких янычар.

Отца, управляющего банком, он несколько стеснялся и побаивался. Тот вечно ходил с поджатыми губами, точно не замечая домочадцев, а уж тем более подчиненных. Зато мать, красавица полька, Гражина Домиловска, была для него просто ангелом во плоти, а уж храбрые шляхтичи, всегда готовые взяться за оружие, чтобы постоять за честь и даму, юному Конраду представлялись куда более интересными, нежели унылые бургеры Марксы, добавлявшие пфенниг к пфеннигу последние лет триста.

Сейчас гауптман Маркс думал несколько иначе. Конечно же, он продолжал любить свою мать. Но польская кровь начисто закрывала перед ним двери многих весьма привлекательных кабинетов. Двадцать шесть уничтоженных советских танков и тридцать одна единица иной бронетехники принесли ему железный крест. Он уже был представлен ко второму. Но о вступлении в СС

Конрад не мог и помышлять. А ведь СС — прямой путь наверх.

Гауптман поравнялся с полевой кухней, щедро расточавшей по всем окрестным дворам аромат варящейся каши. Упитанный краснолицый повар подманивал к себе грудастую девчонку, размахивая перед её носом плиткой шоколада. Та глупо хихикала, не решаясь принять угощение. Увидев идущего по улице офицера, девчонка бросилась во двор, а повар вытянулся и уставился на незнакомого танкиста преданным взглядом.

— Где штаб дивизии? — едва ответив на приветствие, спросил Конрад, привычно сжимая губы в брезгливой гримасе. Дослушав сбивчивые объяснения повара, он чуть кивнул, оставляя его в состоянии благоговейного испуга.

Услышав звонкий щелчок каблуков, командир дивизии оторвался от карты и устало поглядел на вошедшего офицера, застывшего с поднятой в приветственном жесте рукой.

— А, гауптман, проходите.

— Командир сводного танкового...

— Оставьте, я знаю. Проходите. В штабе корпуса вам, должно быть, сказали, что задание чрезвычайно ответственное.

— Так точно. Но предупредили, что задачу вы поставите на месте.

Генерал промолчал, снова углубившись в изучение карты и лежащих там же фотоснимков. Пауза затягивалась. Наконец командир дивизии вновь поднял глаза.

— Боевая обстановка вам известна?

— Да, герр генерал.

— Это хорошо. Но обрисую ее все же в нескольких словах: если до завтрашнего полудня мы здесь не прорвемся или если не произойдёт какого-нибудь чуда, к вечеру нам придётся капитулировать. Боеприпасы на исходе. Ждать помощи неоткуда. Так что либо мы сомнем их фланг и отбросим примерно вот сюда,— генерал указал карандашом на прочерченный пунктиром красный рубеж, либо... — Он тяжело вздохнул и похлопал по кобуре: — Как говорят русские: «Либо герр, либо не герр»!

— Либо пан, либо пропал,— машинально поправил гауптман.

— О?! Вы владеете языком врага? Похвально.

— Моя бабушка была родом из Российской империи,— уклончиво пояснил Конрад,— я понимаю, но говорю слабо.

— Хорошо,— генерал утер пот со лба и вновь обратился к карте, расстеленной на выскобленном столе.— Подойдите ближе, слушайте и старайтесь ничего не пропустить. Наш прорыв возможен только здесь.— Он указал на узкое дефиле в холмистой гряде лесистого предгорья.— Как сообщает разведка, вплоть до сегодняшнего утра русские не ждали удара в этом квадрате, надеясь, что рельеф местности надежно защищает их фланг. Дислоцированный здесь полк красных укомплектован на три четверти новобранцами. Большая часть артиллерии, в том числе вся тяжелая артиллерия, переброшена

ны отсюда к месту нашего главного удара. Однако, по сегодняшним данным аэрофотосъемки, русские что-то заподозрили и начали спешно перебрасывать сюда гаубичную артиллерию.

Вот. Посмотрите фотографии. Здесь чётко видно, что на острове, образованном руслом и старицей реки, на мысу, прикрытом высотой сорок четыре, сейчас оборудуется позиция для гаубичного дивизиона. Вероятно, за этим шагом последуют и другие. А потому времени у нас крайне мало.— Генерал взял циркуль, установил его на отмеченной позиции и провел дугу.— Как видите, отсюда русские гаубицы без труда накроют огнем нашу лазейку и превратят её в адское пекло.

Конрад представил себе 122-миллиметровые гаубицы, без устали посылающие увесистые туши снарядов в проход между каменистых холмов, и поежился.

— Так точно, господин генерал.

— Посмотрите, гауптман. Здесь, выше по течению, сапёры оборудовали спуск. Честно скажу, не ахти какой, но, в отличие от наших Т-IV, ваши Т-VI пройдут.

— В батальоне их всего четыре штуки,— напомнил Маркс.

— Больше и не потребуется,— заверил генерал.— Глубина брода в самом глубоком месте около двух метров. Но, правда, течение быстрое. Однако для «Тигра» течение — не проблема.

Главное, что дно каменистое и сможет выдержать танки.— Командующий дивизией внимательно поглядел на танкиста.— По утверждению наших конструкторов, Т-VI способен преодолевать водные преграды глубиной до трех метров?

— В инструкции так написано. Однако испытать лично пока не пришлось.

— Что ж, будем молить Бога, чтобы уж два-то метра они преодолели. Значит, так. Слушайте. Вот здесь,— командующий дивизией указал карандашом на синюю жилку реки, вьющейся по каменистому руслу,— вы переправляйтесь на противоположный берег и следуйте вот сюда.— Карандаш продолжил движение и упёрся в поросший лесом холм.— Высота сорок четыре. Угол возвышения склона: тридцать два градуса — для ваших танков это не предел. Переправляться будете ночью, вернее под утро. Оборудуйте себе основную и резервные позиции, а на рассвете мы начнём отвлекающее наступление, чтобы прикрыть вашу атаку.

Пока они будут заняты обстрелом горловины, ваша задача накрыть дивизион из танковых орудий и, сами видите, расстрелять его почти в упор. Как только мы получаем от вас сигнал, начинается основное наступление. Вот так-то, герр гауптман. Есть вопросы?

— Есть, герр генерал. Здесь обозначена позиция русских. Нам придётся идти через неё. А это шум...

Генерал загадочно улыбнулся:

— Не беспокойтесь. Шума не будет. Этим уже занимаются. Главное, вы безукоризненно выполните свою задачу. Я в вас уверен, гауптман.

Конрад снова щелкнул каблуками, заученно вытягивая руку в приветствии.

— Поужинайте, проверьте машины, отдохните. Я дам команду, когда придёт время.

Командирская «эмка» затормозила у берега. В том месте, где ещё совсем недавно стоял деревянный мост, дымились обгоревшие устои и густо плавала вверх брюхом оглушённая рыба.

— Вот это номер,— вылезая из машины, присвистнул майор Певчих.

— О, глядите! Наши хлопочут,— отозвался ефрейтор Григорьев.— Вон Редькин, Хайрутдинов, Ивашко. А вон и Медуза,— вестовой указал на стоявшего поодаль лейтенанта, о чём-то ожиивлённо переговаривавшегося с местным дедком. В подступавших сумерках его фигура была уже еле различима, но характерная манера двигаться не оставляла сомнений.

— Какой он тебе Медуза,— нахмурился майор.— Лейтенант Гершельзон. Или, если совсем по свойски,— Иван Осипович.

Он вспомнил первое знакомство с политруком дивизиона. Ещё год тому назад, когда тот прибыл в часть после ускоренных офицерских курсов.

— Чудно,— поднимая тогда глаза от сопроводительных документов, сказал он.— Гершельзон

Иван Иосифович... Имя вроде нашенское. А фамилия с отчеством — не русские.

— Я — еврей,— вытянувшись по стойке «смирино», доложил молодой офицер.— А имя, между прочим, тоже еврейское — Иоханан.

Певчих только отмахнулся:

— Будет тебе врать. А скажи-ка, мил-человек. У тебя тут написано, что ты боксом занимался. Это что ж, правда? Или так, для красного словца?

— Так точно. Чистая правда. Занял четвертое место в открытом чемпионате Москвы.

Командир дивизиона скептически поглядел на худощавую фигуру младшего лейтенанта:

— Ой, политрук! Что-то я тебе не верю. Ну ты ж еврей?

— Еврей.

— Ну и где ж такое видано, чтоб еврей — и вдруг боксер. Они все больше со скрипичкой или там врачами.

— Это нелепое заблуждение! — Вспыхнул молодой офицер.— Между прочим, в прошлом веке был даже такой чемпион Англии — Даниэль Мендоза. Он первым начал использовать удар, который теперь называется апперкот. А тогда в честь Мендозы его именовали «еврейский крюк».

— Мендоза,— хмыкнул Певчих, разминая свои тяжеленные кулаки.— Ну хорошо, когда Мендоза. А давай-ка, политрук, выйдем на двор да схлестнемся. Или слабо?

Молодой офицер замялся:

— Так ведь это штрафбат...

— Да пустое. Если что — говори: я приказал.

Певчих выглянула в окно крестьянской хаты, в которой тогда располагался штаб дивизиона:

— Эй, Григорьев! Ко мне бегом марш.

Расторопный солдатик через мгновение появился на пороге комнаты.

— Вот. Будешь свидетелем, что я приказал нашему Мендозе, в смысле младшему лейтенанту Гершельзону, для поднятия боевого духа сразиться со мной на кулачках.

— Есть! — выпалил солдат.

— Ну что? Идём? Или будешь сейчас рассказывать, что перчаток нет? Или что весим мы с тобою по-разному?

— Приказы не обсуждаются,— пожал плечами Гершельзон.

...Бой длился недолго. Увернувшись от первых двух тяжеленных ударов, политрук вдруг как-то незаметным коротким движением сбил правую руку командира и мощно атаковал боковым в челюсть. Певчих едва успел мотнуть головой и подставить левое плечо. И в тот же миг точно фугаска взорвалась в голове. Он почувствовал, как снизу в подбородок врезается жесткий, точно чугунный, кулак младшего лейтенанта. Искры брызнули из глаз, и вдруг будто кто-то погасил свет. Пришел в себя Певчих от струи холодной воды из ведра.

— Силён, Мендоза,— на всякий случай проверяя, на месте ли челюсть, констатировал майор.— Уважаю. Иди. Становись на довольствие.

Непонятную заморскую фамилию Мендоза Григорьев тут же переделал в близкое ему, уроженцу Сочи, прозвище Медуза.

— Точно, медуза,— утверждал он.— Так вроде и мягкий: не кричит, не матерится. А как ужалит, так мало не покажется.

Между тем один из бойцов, разбиравших обломки моста, поспешил доложить политруку о прибытии начальства. Тот, оставив деда, побежал к берегу. Под свисающими с берега ветвями ивы был спрятан чёлн-однодревка. Лейтенант быстро вспрыгнул в него, оттолкнулся от берега и спустя несколько минут стоял перед командиром:

— Товарищ майор...

— Не время для докладов, Иван Осипович. Рассказывайте попросту, что произошло.

— Вскоре после того, как вы уехали в штаб дивизии, прилетел «юнкерс». Низко шёл, должно быть фотографировал. Ну а заодно и пару бомб скинул. И надо же, угодил прямо в мост.

— Ишь ты, снайпер,— покачал головой Певчих.— И вот, казалось бы, с самолёта эдак попасть — все равно, что с разбегу горошиной в карандаш на земле. Ах нет, падлюка, умудрился все ж! Ну да ладно. Причитанием время вспять не обратишь и переправу не наведешь. Завтра к вечеру сюда подкрепление обещали перебросить. Вот они пусть о мосте и хлопочут.

— Товарищ майор, нас завтра к вечеру никак не устраивает.

— Да что произошло-то? — глядя на посуро-вевшее лицо политрука, задал вопрос Василь Матвеевич.

— Пока вас не было, от Карасёва две машины со снарядами прибыли...

— Так они и должны были прибыть.

— Только вот снаряды там для противотанко-вой семидесятишестимиллиметровки!

— Да ты что! — побледнел майор.— И куда ж мы их, в беса его бабушку, заряжать-то будем?

Он сжал кулаки и выдал по адресу службы артиллеристского снабжения такую характеристику, что не во всяком штрафбате нашлось бы для них место.

— Василий Матвеич, я со штабом дивизии уже связался. Они пообещали выслать наших снаря-дов. Но теперь вот это.

— Осипович, надо восстановить переправу во что бы то ни стало.

— Уже налаживаем, товарищ майор. Только вот беда: ближайшие подходящие деревья вон на тех холмах. По прямой до них километра полтора. На плечах не натаскаешься.

— Не натаскаешься.— Майор нахмурился.— Деревенских мобилизуйте. Возьмите у них под-воды, лошадей.

— Подводы есть, а лошадей всех немцы уве-ли.— Политрук искоса поглядел на командир-скую «эмку».— Все равно на тот берег её не пере-бросить... Так, может, ее запрячь?

— Толково говоришь. Бери. Еще какие-то просьбы?

— Просьб нет. Но вот такое дельце. Тут к нам товарищ пришёл. Он вроде как новый председатель колхоза здешнего. Говорит, на станции эшелон формируется. Так одна из платформ как раз с бревнами. Хорошие, одно к одному.

— Так ты что же, предлагаешь реквизировать?

— Ну вся-то платформа нам, положим, ни к чему. А брёвен эдак тридцать... Председатель говорит, они там длинные. Так что временный настил соорудить как раз хватит. Все быстрее, чем деревья валить, потом ветви обрубать.

— Дельная мысль, Осипович. Действуй.

— А если вдруг не захотят отдавать?

— То есть как не захотят? Ты что ж, для своей бани лес берёшь?! Тебе для стратегических нужд! Если что, на командующего армией ссылайся. Мол, Решетилов велел любой ценой! Расписку им оставь: так, мол, и так.— Он подтянул ремень портупеи.— Давай бери машину и действуй!

— Есть,— политрук бросился к автомобилю.

— Григорьев! — прикрикнул командир дивизиона.— А ну бегом в лодку. У нас есть чем заняться.

Когда Алёшка услышал тихий стук в ставень, было уже за полночь.

— Кого там несет? — пробурчала мать.

Алешка прислушался. Три стука, потом ещё один, потом снова три.

— Ты спи, маманя, это меня.

— Вот же не спится окаянным,— мать повернулась на другой бок,— ни днем ни ночью покою нет.— Слушая материнское ворчание, мальчишка натянул штаны и босиком выбежал на крыльцо.

— Эй, кто тут? — громким шепотом проговорил он.

— Сюда иди,— раздался из темноты голос Маруськи.

— Что стряслось-то? — Мальчишка перебрался к подруге под укрытие бузинных кустов.

— Я сейчас такое видела! — затараторила девчонка.— Мы уже спать положились. Вдруг Полкан как залает! Я вышла его унять — гляжу, наши идут. Много. Человек тридцать.

— Да ты что!

— Ну да! Впереди командир. С орденом. Я было собралась выскочить, упредить, что в селе немцы. Потому как наши-то шли безо всякой опаски. Вдруг слышу: «Хальт!» Ну, думаю — все. Пропали. Тут их командир что-то сказал. Я не все разобрала по-немецки, но по выговору слышно, наш. Часовые засуетились, кто-то в ихний штаб побежал. А те стоят, курят, между собою переговариваются, как ни в чем не бывало. Я сижу под забором, ни жива ни мертвa и в щельку подглядываю. Тут примчался немец-офицер. И командир, тот, что вроде русский, ему так по-немецки бойко давай что-то докладывать. Потом из сапога нож вытащил и так с гордостью: «Alles sind gestorben!» Ну, то есть «Все мертвы». И нож

этот показывает. А офицер, как нож увидел, сразу: «Гут, гут, камрат». И снова в штаб побежал. Я решила, дай посмотрю... Ну и огородами...

— Да будет тебе про огороды. Что дальше-то было?

— Из штаба другой офицер выбежал — и к танкам. Ну тем самым, что вчера днём прибыли, что за оклицей под ивами стояли. А после танки завелись и туда вон поехали,— Маруська ткнула пальцем в сторону реки.— Верно, к Гиблому броду.

— Ишь ты, лихо лиходейское,— повторил Алёшка любимую присказку матери.— Марусь, а ведь это не наши были. Вроде как полицаи, только еще похлеще того. А танки как есть к Гиблому броду пошли. Я сам видел, там немцы спуск расчищали.

— Нешто танки по такой воде переправятся? — усомнилась девушка.

— А кто их знает, может, и переправятся. Не топить же их туда повели. Марусь, я вот что думаю. Надо на ту сторону плыть, наших упредить. Ведь они ж того, не знают, что эти полицаи кого-то порезали и что танки на них пошли. И будет как в «Чапаеве»: наши вскинутся, а фрицы тут как тут. Сможешь? — Он с надеждой поглядел на подругу.— А я тебя здесь, с берега прикрою. Если заметят, выстрелю, на себя отвлеку. Я ж ворошиловский стрелок, авось не промажу. Опять же гранаты.— Он вздохнул.— Сам бы поплыл, но ты ж своими глазами видела. А ну как спрашивать начнут...

— Да ты не переживай, Алёшенька,— Маруська осторожно приблизилась и чмокнула мальчишку в щеку.— Я смогу.

Лейтенант Гершельзон вышагивал мимо состава:

— Где начальник поезда?

Попавшийся на пути офицера часовой указал на одну из ближайших теплушек.

— Отдыхает.

Лейтенант с тремя бойцами заспешил вдоль платформы.

На удары кулаком в дверь вагона никто не отреагировал. Пришлось колотить прикладом автомата, лишь тогда в проём отодвинувшейся двери высунулось заспанное лицо человека, одетого в железнодорожную тужурку.

— Мне нужен начальник поезда,— крикнул ему лейтенант.

— Ну я начальник.

— У вас в составе находится платформа с бревнами. Я должен изъять у вас тридцать штук для наведения переправы.

Железнодорожник мотнул головой, отгоняя сон, и протёр глаза.

— Ты что, приятель, спятил? Какие тебе брёвна?

— Крепкие,— отрезал Гершельзон.— Чтобы как минимум груженую полуторку выдержали.

— Парень, ты белены объелся! — Начальник поезда уже окончательно пришёл в себя и, застес-

гивая китель, спрыгнул на платформу.— Это не просто бревна, как ты выразился. Это аризонский кипарис! И заказ на него из самого Кремля. Разумеешь, в чем суть вопроса?

— Суть вопроса в том, что вы сейчас отгрузите нам тридцать бревен, а я вам напишу расписку.

— Да ты сдурел, лейтенант! Я сейчас охрану крикну!

В черных, как лендлизовский шоколад, глазах лейтенанта Гершельзона блеснул недобрый огонь. Одной рукой он схватил железнодорожника за грудки, а вторая выхватила из кобуры пистолет и уперла ствол в живот начальника поезда.

— А ты крикни. Давай командуй начать отгрузку. И не дай тебе бог вякнуть лишнее.

— Под трибунал пойдёшь,— почти шёпотом прохрипел его собеседник.

— Это ещё когда будет, дожить сперва надо. Давай командуй... приятель.

Ужин лег в желудок Конрада Маркса тяжелым камнем. И все вроде бы хорошо, но отчего-то вместо чувства удовлетворённой сытости появилась вялость во всём теле. Должно быть, от усталости. Он прилёг вздремнуть до команды, но сон не шёл. Гауптман ворочался с боку на бок, в голову ему лезли слышанные в детстве рассказы бабушки о домовых, которые, ежели не люб им человек, будь-то гость или хозяин, вспрыгивают

ночью прямо на грудь и давят так, что иные поутру не просыпаются. Бабушка говорила, что в таких случаях домовые часто оборачиваются черными котами. Котов рядом не было, но гауптману и впрямь казалось, будто невидимый домовой навалился на его живот.

Ну вот, наконец, прозвучала долгожданная команда, и «Тигры», рокоча моторами, направились к переправе. У брода танкистов встречали притаившиеся на берегу сапёры, чтобы уточнить направление движения машин и в случае необходимости оказать помощь на переправе.

— Что слышно на той стороне? — поинтересовался Конрад у командовавшего инженерным взводом усача-фельдфебеля. Тот указал большим пальцем в землю:

— Все тихо.

«Тигр» снова взревел двигателем и, грохоча зубчатыми гусеницами, вошел в стремнину. За первым танком последовал второй. Потом третий. Четвертый остановился у кромки воды. Конрад высунулся из башни, стараясь установить причину внезапной остановки.

Ночь была безлунной, и гауптман скорее догадался, чем увидел, как резко открылся люк башни, и командир танка опрометью выскочил из него.

«Неужели что-то с боезапасом?» — встревожился командир батальона, представляя, какой фейерверк украсит ночь, если вдруг начнут детонировать снаряды в укладке. Вся секретность

их миссии псу под хвост! Но было тихо, и гауптман скомандовал продолжать движение. «Очевидно, что-то вышло из строя, потом догонят», — подумал он, на всякий случай оставляя люк открытым. Глубина позволяла, а если что, под водой открывать куда сложнее.

«Тигры» форсировали реку и выехали на каменистый пляж. Вдали, судя по карте, примерно в километре от места высадки, располагалась высота сорок четыре — его исходный рубеж для утреннего боя. Танки двинулись вперед, спеша пересечь открытое место и укрыться в подлеске.

Неподалёку от кромки воды путь им преградил неглубокий стрелковый окоп. По виду позиция казалась брошенной: ни огонька, ни всхрапа. Лишь на бруствере, как показалось Конраду, мешком лежало человеческое тело. Гауптман отстегнул висевшую на груди жестянную коробочку электрического фонарика и, когда «Тигр» поравнялся с окопом, нажал на включатель. Скрытый маскировочным колпаком луч света быстро скользнул по брустверу и выхватил из тьмы дно окопа. Первое, что разглядел танкист, были остекленевшие мертвые глаза, пронзительно-голубые, как у него самого. Мальчишка лет семнадцати, едва ли больше, лежал на земле, вцепившись в карабин, словно в спасительную соломинку, и с ужасом глядел в никуда. По горлу его темной чертой засохшей крови виднелся след прореза. Офицер поежился от неприятной картины, посветил чуть дальше. То там, то здесь взгляд натыкался на трупы. Многие солдаты

держали оружие в руках, но, похоже, никто не успел им воспользоваться.

«Этим уже занимаются...»

Конрад припомнил, как сорок минут назад, выскакивая по тревоге из штаба дивизии, вдруг столкнулся с неизвестным в советской военной форме. Тот курил у крыльца и, вертя между пальцев финский нож, о чем-то тихо разговаривал с дежурным адъютантом. Увидев вышедшего офицера, он, точно отгоняя комара, вскинул руку в приветствии и сплюнул папиросу. Гауптману запомнился его взгляд, холодный и насмешливый,— раб, пусть даже и принятый на службу, не смеет так смотреть на Хозяина!

Им внезапно овладело брезгливое негодование: то же самое, должно быть, чувствовали его воинственные предки, гордые шляхтичи, глядя на головорезов-наемников, с деловитой неспешностью добивающих раненых на поле боя. Но, так или иначе, работа сделана, и сделана безукоризненно. А жалость к врагу не пристала солдатам великого рейха!

Гауптман спустился в башню и захлопнул люк.

Танки медленно начали подниматься вверх по холму, подминая под гусеницы крутой склон. Сто метров. Еще сто... и тут внезапно Конрад почувствовал, как у него засосало под ложечкой, а потом вдруг словно выдернули кольцо из гранаты, словно кто-то схватил внутренности и закрутил их в узел, да так, что глаза полезли на лоб. Он сконфуженно оглянулся на механика-води-

теля. Даже в полумраке, царившем в танке, было видно, как побледнело у того лицо.

— Проклятие,— только и сумел прошептать командир батальона.— Стоп!

Он вдруг понял, что задержало на берегу четвертый «Тигр». Но сейчас ему было не до него. Расстегивая на ходу штаны, Конрад Маркс бросился к ближайшим кустам.

Ефрейтор Григорьев распахнул дверь землянки:

— Товарищ майор,— давя смех, доложил вестовой.— Медуза приехал.

— Отставить «Медуза».

— Простите! Лейтенант Гершельзон.

— А лыбишься чего?

— Да вы сами поглядите. Он там такой экипаж изобрел!

Певчих застегнул портупею и направился к месту переправы. Работа там кипела, несмотря на безлунную ночь. Лодка-однодревка сновала туда-сюда, всякий раз перевозя по три снаряда с пришедших к берегу грузовиков. Рядом суетились солдаты и деды из ближайшей деревни, старательно укрепляя толстые опоры для нового моста. Стоило лодке подойти к этому берегу, к ней сразу же бросались заряжающие, подхватывали двадцатикилограммовую тушу снаряда и, стараясь, не дай бог, не споткнуться, несли его к боевым позициям своих гаубиц.

Рядом с полуторками стоял диковинный экипаж, так восхитивший Григорьева. «Эмка» была в прямом смысле этого слова впряжен в две скрепленные цугом подводы, груженные бревнами. Сквозь открытые задние дверцы были продеты вожжи, которыми этот диковинный прицеп был прикреплен к автомобилю.

— Ну ты могёшь! — присвистнул Певчик.

— Товарищ майор, я обратно. У меня там еще двадцать четыре бревна. Просто «эмка» больше не тянет. Рассказать, как мы их откатывали, — это же животы надорвать. Ну и начальник поезда еще тот фрукт попался.

— А обратно бревна не загрузит?

— Нет. Я всех деревенских баб мобилизовал. Они там с вилами охраняют.

— Ну, силен. Ну, Осипович! Ишь ты, бабы с вилами! Чистый махновец! Ладно, давай, брат, дуй за остальными. Только ж ты смотри! У этого прицепа тормозов нет.

— Ой, товарищ майор, и не говорите. Оно по ровной дороге еще ничего, а как под горку... — Лейтенант махнул рукой. — В общем, спасибо водителю, обошлось! «Эмке» вон тыл маленько помяли.

Политрук дождался, когда последнее бревно упадет на землю и, козырнув, бросился к диковинному экипажу.

Майор покачал головой и почти с нежностью поглядел вслед боевому товарищу:

— Герой!

Он направился в землянку вздремнуть, но поспать толком не удалось: вновь заскочил Григорьев:

— Товарищ майор, там корректировщики с берегового НП на связи.

— Что, немцы?

— Никак нет. Говорят, девчонка переплыла с той стороны.

— Этакую стремнину? Это ж не наша старица...

— Так точно! Требует встречи с советским командиром, говорит, что у неё важные сведения.

— Ну так давайте её сюда.

Спустя двадцать минут девушка в гимнастерке не по размеру, стуча зубами от холода, стояла перед майором.

— А ну-ка, чаю заварите быстро! — скомандовал Певчих. — И водки! РастираТЬ... А то ведь застудится девчонка.

Стараясь встать по стойке «смирно», «русалка» принялась рассказывать о фашистах в советской форме, об их «Alles sind gestorben», о танках, не так давно ушедших к Гиблому броду. Каких-то необычных танках, не таких как прежние. О том, что в последние дни к селу по ночам стягиваются новые и новые отряды немцев, а днем прячутся в лесу.

— Ай да умница! — качал головой командир дивизиона. — Да твоим сведениям цепы нет! Я тебя к медали представлю! — Певчих крикнул своего вестового. — Григорьев, чай где?

— Сейчас будет, товарищ майор! На земляничных листьях.

— Хорошо. Дуй мухой к связистам, пусть вызывают штаб дивизии!

Ефрейтор повернулся к выходу из землянки.

— И вот ещё. Там Медуза... тьфу ты, лейтенант Гершельзон вернулся?

— Так точно. Все брёвна доставил, сейчас наши с тутошними дедами над ними колдуют. Не знали, как первую половину от берега до устоев положить. Так лейтенант что придумал: сделали что-то навроде подъёмного моста на берегу, развернули, он один край «эмкой» поднял, а потом всем скопом налегли да на устой и опустили. Скоро вторую часть до нашего берега доведут.

— Сколько лодкой снарядов переправили?

— Сто тридцать две штуки.

— Да наших было семь десятков... Маловато. Это на пять минут серьезного боя. Ладно, вызовешь связистов, и давай пулей к Ивану Осиповичу. Там уже и без него управятся. А он пусть сюда бежит. Усек?

— Усек! — Григорьев вылетел из землянки.

Командир дивизиона опять поглядел на прогодшую девочку.

— Потерпи, милая. Сейчас отогреешься.

Горизонт уже начинал сереть.

— Давайте, давайте! — шепотом торопил бойцов наспех сформированной команды лейтенант Гершельзон.

Рядом бежал ефрейтор Григорьев, за ним дивизионный повар, водители автотягачей — одним

словом, все, кто не участвовал сейчас напрямую в отражении ожидаемой с минуты на минуту атаки немцев.

У каждого из солдат в голове звучали четкие слова командира. «Там, на холме в леску, расположились четыре фрицевских танка неизвестной конструкции. Как только фашисты полезут в горловину и мы откроем по ним огонь, эти притаившиеся гады расстреляют нас, как в тире. А потому ваша задача — не допустить атаки с фланга, захватить высоту сорок четыре, гранатами и огнем уничтожить боевую технику врага и десант, прибывший на ее броне».

Сейчас красноармейцы бежали пригнувшись, стараясь оставаться незаметными в высоких луговых травах. Вот, наконец, подножие заветной высоты.

— Растинуться цепью, — тихо скомандовал политрук. — Оружие к бою. Из виду друг друга не терять. При обнаружении живой силы противника открывайте огонь на поражение. По танкам — гранатами. Целить под башню или в баки. Приказ ясен?

— Так точно, — прошелестело в ответ.

— Тогда вперед! — Лейтенант вскинул ППШ и начал карабкаться вверх по склону. За год его войны Ивану еще не приходилось лицом к лицу сталкиваться с фашистами. Он слышал, как колотится где-то высоко, почти в горле, неожиданно гулкое сердце. «Вперед, вперед!» — командовал он себе, шаря глазами по сторонам и водя стволом автомата вслед за взглядом. Позади ба-

совито зарокотали гаубицы. В ответ им ударили орудия с немецкой стороны.

«Ну вот, началось! — понял он.— А снарядовто все еще лишь на пять минут боя!»

«Скорее, скорее»,— он сделал ещё несколько шагов, проломился сквозь кусты орешника и замер как вкопанный, не веря своим глазам. Перед ним, угрожающе глядя пушечным стволом в сторону позиций дивизиона, стоял танк, покрытый зелено-бурыми пятнами камуфляжной раскраски с ветвями, закрепленными на бортах. Чуть вдали стоял ещё один, дальше скрёй угадывался, чем виднелся третий железный монстр. Люки танков были открыты настежь, все три бронированных чудовища казались безжизненными, экипажей не было видно. Лейтенант уставился на ближайшую громадину, пытаясь сообразить, что происходит. И тут до слуха его из ближайших кустов доносится стон.

— А ну стой! — зачем-то крикнул Гершельзон, поворачиваясь на звук. Из-за куста вскочил немец в офицерской форме с совершенно измождённым лицом. Танкист не торопился поднять руки, наоборот, шарил где-то внизу.

«Пистолет вынимает!» — догадался Иван и нажал на спусковой крючок. Не тут-то было! Автомат молчал.

«Заклинило»,— с ужасом подумал лейтенант, метнулся к немцу и, прежде чем тот успел что-либо предпринять, ударил левым боковым в челюсть, да с такой силой, как никогда не бил на

ринге. Аж кулак заныл! Фашист нелепо дёрнулся и, взмахнув руками, рухнул на землю.

— Ко мне! Окружай! — закричал политрук, приходя в себя от первого шока.

Со всех сторон послышалось дружное «Ура!» и невнятные звуки короткой рукопашной схватки.

— Товарищ лейтенант! — подскочил к нему Григорьев.— А что же вы не стреляли?

— Автомат заклинило.

— Так вы ж его, того... с предохранителя не сняли,— ухмыльнулся вестовой.

— Ну и ладно,— чуть обиженно ответил Гершельзон, закидывая за спину оружие.— И так управился. Вон, отдыхает, красавец!

Они заглянули за куст, где в глубоком нокауте валялся немец. Представшая их взору картина была до того нелепа, что не расхохотаться просто не было сил. Матёрый гитлеровец с железным крестом на груди лежал со спущенными штанами. Рядом с очень внятным объяснением того, почему его не было в танке.

— Ты гляди! — держась за живот, хохотал ефрейтор.— Немчина-то на дерымо изошел.

— До чего народ предусмотрительный! — вторил ему политрук, указывая на грязные обрывки карты.— Ишь! И бумаги с собой прихватил.

Он вдруг перестал смеяться.

— Григорьев, ты гаубицы слышишь?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— А ведь пять минут прошло.

— Прошло... Ну слава богу! Значит, успели!

Солнце ласково освещало зеленые, облупившиеся стволы гаубиц, еще горячие после утреннего боя. Сейчас от дивизиона осталось лишь три исправных орудия, но главная задача была выполнена: немцы не прорвались. Майор Певчих сидел на пустом зарядном ящике посреди зарослей сирени и с интересом разглядывал пленного офицера. Лицо немца было зеленоватым, взгляд страдальческим. Казалось, даже плен донимал его меньше, чем боль в животе.

— Иван Осипович,— повернулся к политруку командир дивизиона.— Наш-то санинструктор его смотрел?

— Так точно. Дал ему отвар из дубовой коры.

— Ну а сейчас-то он говорить может?

— Да вроде может.

Лейтенант Гершельзон, закончивший перед войной третий курс факультета иностранных языков, переадресовал вопрос пленному. Тот утвердительно кивнул.

— Уточни у него имя, звание, номер части.

— Гауптман Конрад Маркс,— отчеканил танкист — Командир сводного батальона...

— Чё он там про Маркса лопочет?

— Говорит, что его зовут Конрад Маркс.

— Родственник что ли?

— Василь Матвеич, как же он может быть родственником? Маркс — еврей, а фашисты, сами знаете как...

— Вот ты, Иван, хороший парень, как есть герой. Но все ж таки думай, что говоришь. Какой же Маркс еврей. Он — наш.

— В каком смысле?

— Ну то есть немецкий, конечно. Но наш, proletariй.— Майор Певчих вытянул из кармана расшитый кисет, задумчиво разглядывая немца, свернул самокрутку и чиркнул зажигалкой, сделанной из винтовочной гильзы.— Спроси у него, он родственник или не родственник?

Гауптман Маркс числил родными немецкий и польский языки. За время учебы недурственно овладел французским и отчасти английским. Но его любимая бабушка, уроженка Варшавы, время от времени говорила с ним по-русски. Так что он сносно понимал этот язык.

— О, да! — заулыбался Конрад, услышав вопрос лейтенанта явно еврейской наружности.— Карл Маркс! Да-да!

— Вот видишь,— покачал головой Певчих.— А ты говоришь. Знаешь что, Осипович, давай-ка звони в политотдел дивизии, пусть забирают этого с...ного красавца к себе. Не хватало нам еще рожича самого Карла Маркса в расход пустить. Пусть они там голову ломают, что с ним делать.

Дежурный по штабу округа постучал в дверь кабинета:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться!

— Обращайтесь!

— Вам звонок из Москвы. Переключить?

— Из Москвы? Переключи, конечно.

Спустя несколько секунд телефон зазвонил прямо на столе у командующего артиллерией округа.

— Генерал-майор Певчих слушает.

— Василь Матвеич! Григорьев у аппарата.

— А! Это ты? Ну здравствуй-здравствуй! Рад тебя слышать. По работе или так?

— Или так, конечно,— начал бывший вестовой.— Но, сами понимаете, и по работе немного.

— Ага. Стало быть, в «Воениздате» мои старикивские писания тебе отдали?

— Ну, Василь Матвеич, кому же, как не мне. Я всё-таки ответственный редактор. А с чего это вы так: «старикивские писания»? Хорошие мемуары. И слог живой, не суконный. И фактаж широко рассматривается, и название мощное — «Огонь под огнем».

— Григорьев, что-то ты чересчур нахваливаешь. А ну говори быстро, что не так?

Бывший вестовой тоскливо вздохнул.

— Командир, ну если вот так вот честно, есть несколько замечаний. Не подумайте плохого. Не от меня. Сверху.

— Ладно. Не юли, как гимназистка на сеновале.

— Помните операцию «Кульnev», тот бой у горловины? Ну после которого весь корпус Майнцдорфа капитулировал.

— Дурацкий вопрос, Григорьев! Помню, раз о том написал.

— Ну вот об этом. Есть пара замечаний.

— Ты ж сам знаешь, что там всё правда.

— Ну кому как не мне! Но, во-первых, вы упоминаете, что по милости полковника Карасёва в дивизион были доставлены снаряды не того калибра, что поставило операцию на грань срыва.

— Что ж там не так?

— Василь Матвеич, дорогой! Всё так. Да вот в чём загвоздка. Вы там у себя в Забайкальском военном округе не в курсе наших московских пасьянсов, но по старому знакомству шепну: на этой неделе генерал армии Карасёв будет назначен заместителем начальника тыла нашей, как поётся в песне, «несокрушимой и легендарной». Неудобно получится. Тем более, как я слышал, к празднику вам собираются очередную звездочку дать. К чему на ровном месте наживать себе такого врага?

— Так уж и на ровном? — раздражённо буркнул Певчих. — Да ладно. Откорректируй там как-нибудь поаккуратней. Мол, кто-то не подсуетился, ети его мать.

— Спасибо, Василь Матвеич. Со вторым вопросом сложнее. — Григорьев сделал паузу. — Это насчёт Медузы.

— Что такое? — Генерал-майор от волнения встал их-за стола. — Ну? Давай не томи. Я по голосу твоему слышу, что ты о нём что-то узнал.

— Василь Матвеич! По правде говоря, всегда знал, — голос редактора звучал глухо и виновато.

— Григорьев, ну не скотина ты после этого?! Я его обыскался, по всему Союзу, по всем военкоматам письма разослал! Тишина мертвая! А ты все эти годы знал и молчал?

— Командир! Его нет в Советском Союзе.

— То есть как это?

— Да вот так. Вы ж тогда, ну когда дивизион на переформирование отвели, полк получили. А мы с Иваном Осиповичем рука об руку до Одера дошли.

— Ну?

— А что «ну»? Девятого мая война закончилась, а, как сейчас помню, одиннадцатого августа капитана Гершельзона арестовали.

— Как это «арестовали»?

— Приехали с автоматчиками и арестовали за самоуправство и разграбление социалистической собственности. Помните те бревна, из которых мост построили? Они по очень высокому заказу в Москву шли. А Иван Осипович начальнику состава расписку оставил. Вот по ней его и взяли.

— Вот так-так! — доставая из пачки с горной вершиной и всадником папиросу, сдавленным голосом проговорил Певчих. — А ведь его тогда орденом Боевого Красного Знамени за это дело наградили. Что же выходит? Одной рукой наградили, а другой посадили?

— Так и выходит.

— Так что, сгинул наш Медуза где-то в лагере?

— Да нет. Не сгинул... Василий Матвеевич, у вас как со связью?

— Григорьев, ты соображаешь, куда и кому звонишь?! Закрытая связь, не дрожи коленкой.

— Я не дрожу. Просто голову на плечах имею. И, прямо сказать, сроднился я с ней как-то. Так вот, товарищ генерал, тут всё хитрее получилось.

Значит, в сорок пятом Ивана Осиповича посадили, а в сорок восьмом возникло государство Израиль. Может, вам неизвестно, сейчас об этом говорить не принято, но мы тогда очень это государство поддерживали. Думали сделать из него наш форпост на Ближнем Востоке.

— Да ну?!

— Уж поверьте мне. И одним из дружественных шагов, которые делались в этом направлении, была посылка в Израиль целого парохода с советскими офицерами еврейского происхождения. А таких, сами знаете, имелось немало, и дрались они отчаянно. В плен-то им попадать никак нельзя было.

— Верно говоришь...

— Вот тогда и вспомнили про нашего Медузу.

— Так, стало быть, он там?

— Там, Василь Матвеич. Мы недавно по своим каналам зарубежные газеты получили с фотографиями делегации армии обороны Израиля в Вашингтоне. Смотрю и глазам не верю — в первом ряду бригадный генерал Йоханан Гершельзон! Вот такие вот пироги. А поскольку Израиль теперь, так уж вышло, — наш враг, то в 50-м году на самом верху было принято секретное постановление: всех офицеров, туда отправленных, из коммунистической партии исключить и считать изменниками Родины. А хвалить в книгах военного издательства изменника Родины...

Тут генерал-майор Певчих выругался, да так увесисто, что дежурный по штабу приоткрыл

дверь поинтересоваться, не время ли объявлять по округу боевую тревогу.

— Вот что, Григорьев,— наконец беря себя в руки, заговорил начальник артиллерии.— Ты, конечно, падлюка, что все эти годы молчал. Ну да хрен с тобой. Значит, так, слушай мою команду. Мемуары без этого эпизода я печатать не буду. Так что шли их обратно.

— Не могу, Василий Матвеевич. Книга уже в плане стоит. А план, сами знаете, у нас закон. Да и подумайте, как оно получится, если в Главном политуправлении узнают, что вы отказываетесь печатать свою книгу из-за какого-то изменника Родины.

— Григорьев, ты-то соображаешь, о чём говоришь?! Какой он тебе изменник Родины? Черти бы вас всех там побрали, вояки паркетные! Не можете вернуть книгу — хрен вам в дышило, печатайте как хотите. Но чтоб я ее в глаза не видел. Усек? Сволочи!

Он с силой опустил трубку на рычаг.

Аристократично тонкими пальцами Конрад Маркс погладил блестящий гравированный нагрудник максимилиановского доспеха. Драгоценный подарок сослуживцев в день пятидесятилетия. На постаменте красного дерева красовалась серебряная табличка: «Личный танк для лучшего танкиста ГДР, доблестного генерала Конрада Маркса». Воистину, этот доспех — первый гер-

манский танк. И стоит он разве только на самую малость дешевле!

Конрад в который раз улыбнулся, читая дарственную надпись. Каминные часы малиновым перезвоном пробили три часа дня.

«Время садиться за мемуары,— отметил про себя генерал и неспешно пошёл к столу.— Забавная все-таки штука жизнь — подумалось ему.— Лучший танкист ГДР! Можно ли было помыслить об этом четверть века тому назад? Если бы не известный однофамилец...»

В его памяти живо встали образы далёкого прошлого: голубоглазый солдат с перерезанным горлом в неглубоком окопе у реки, позорная история пленения, допрос, затем очередные допросы в дивизионном, потом армейском политотделе и, в конце концов, предложение вступить в военную антифашистскую организацию под руководством генерал-фельдмаршала Паулюса. Подумать только! Всего несколькими днями раньше он мечтал о войсках СС, и вдруг на тебе: офицерский барак в районе Красной Горки, довольно сносное питание и обмундирование — борец с гитлеризмом. Уж во всяком случае куда лучше, чем сибирские лагеря! Потом, когда война закончилась, ему, храброму и умелому офицеру-антифашисту, была открыта широкая дорога в новую армию новой Германии. Конечно, он воспользовался этой возможностью сполна.

Конрад сел за стол, аккуратно разложил перед собой заметки, чистые листы, достал паркеров-

скую ручку с золотым пером и углубился в работу. Конечно, описания боёв могли бы иметь и другую тональность. Но сейчас, когда Советский Союз был не просто союзником, а Большим Братом, стоило не забывать указывать на мужество и героизм красноармейцев. Тогда можно было ожидать переиздания и в Советском Союзе, а это немалые деньги. Генерал Маркс писал спокойно, взвешенно, подбирая каждое слово, где только возможно приводя статистические данные и документы, пока рука его не остановилась сама собой.

В голове вновь, точно ждавшая своего часа подводная лодка, всплыла история пленения. Конрад встал из-за стола и подошёл к окну. За забором, схватив крышки от кастрюль вместо щитов, потрясая самодельными мечами, бегали его внуки, пожалуй единственные, к кому генерал Маркс, прозванный армейскими насмешниками «Герцог Конрад Суровый», относился с нежностью. Сорванцы что-то кричали, самозабвенно рубя лопухи.

«Нет, нельзя допустить, чтобы они узнали, что их дед был взят в плен со спущенными штанами. Что угодно, только не это!»

Он глубоко вздохнул: «История простит мне этот небольшой обман. Да, если вдуматься, и не обман вовсе, простое умолчание.

«...последующие события, связанные с критическим ухудшением организации тыла корпуса фон Майнцдорфа, привели к тому, что, невзирая на храбрость экипажей сводного батальона и

дальновидность командования, мне так и не удалось завершить возложенную на меня миссию. Но смело могу сказать, мы сделали все, что было в человеческих силах».

Генерал Маркс вновь отложил ручку и удовлетворённо перечитал записи.

«Ну вот. Разве я в чем-то солгал?»

Доктор исторических наук Павел Алексеевич Чернягин выключил телевизор. Его раздражало обилие рекламы, мелькание сюжетов, раздетых девиц, под несуразную музыку вываливающих прямо на зрителя свои телеса. Как серьезный учёный, он больше любил спокойную методичность, мир книг, архивную тишину и маленькие открытия, способные перевернуть картину огромного мира, взорвать обыденное восприятие того, что еще вчера казалось досконально известным.

Этот телевизор, огромную плазменную панель, дети подарили ему на шестидесятилетие. Казалось бы, совсем недавно. А ведь уже два года прошло. Сам он редко включал этот экран размером с коврик с оленями, висевший когда-то на стене возле его детской кровати. Но внучка в отсутствие деда норовила пробраться в кабинет и включить на полную мощность один из десятка музыкальных каналов. Потом ее увлекало что-нибудь другое, и она уходила, оставив телевизор включённым.

Павел Алексеевич выключил телевизор, с крестьянской основательностью вытер пыль с панели, а заодно протер и красовавшуюся над ним на специальной подставке из аризонского кипариса разряженную немецкую гранату — подарок отца. Вторая такая же хранилась у родителей дома, напоминая о военной юности.

Восстановив порядок, Павел Алексеевич вернулся к письменному столу, где, приветливо раскинув белые листы, ждала его рукопись. «Подводные течения сухопутной войны» — значилось на титульном листе.

«Хорошее название, интригующее», — подумал Чернягин. Такие сейчас любят. Но главное — не название. Главное — суть! Возможность открыть миру истину, тщательно закамуфлированную суетой военных будней, поисками затавшихся врагов Отечества и, что греха таить, стараниями вездесущих спецслужб. То, что он собирался написать сегодня, касалось его лично, вернее молодости его родителей.

Павел Алексеевич со вздохом поглядел на желтевшую фотографию в серебряной рамке. Улыбающиеся отец и мать, совсем юные. У отца на плече трехлинейка, за ремнём — две немецкие гранаты. У матери на груди медаль «Партизан Великой Отечественной войны» 2-й степени... Винтовку, конечно, пришлось сдать, а гранаты, пусть и обезвреженные, сохранились...

Он уселся поудобней, щелкнул авторучкой и начал писать, продолжая оставленный вчера текст.

«Здесь мы подходим к одной из самых интригующих страниц переломного года войны. К тактической операции «Кульnev». Вернее, даже не к ней самой, хотя плоды этой операции трудно переоценить, а к малоизвестному факту, предшествующему капитуляции корпуса генерала фон Майнцдорфа».

Павел Алексеевич писал, пересыпая свой труд обильными цитатами из воспоминаний генерал-лейтенанта артиллерии В. М. Певчих, ссылаясь на мемуары генерала танковых войск ГДР Конрада Маркса, приводя выписки из личных дел и фотографии документов.

Писал о том, что генерал фон Майнцдорф, оказывается, был старым приятелем командарма Решетилова. Того самого, который и вынудил Майнцдорфа капитулировать.

Что познакомились будущие противники еще в тридцать четвертом году, когда тайные враги Советского государства, прокравшиеся в высшее командование Красной армии, пытались создать не просто военный союз между СССР и фашистской Германией, а фактическое слияние их вооруженных сил и, далее, всего государственного устройства.

Тогда в СССР еще готовили немецких летчиков, танкистов и даже специалистов для тайной полиции гестапо.

Павел Алексеевич приводил выписки из протоколов допросов. В том числе и командующего армией Решетилова, в тридцать седьмом году угодившего в сибирский лагерный барак за участие в этом самом коварном заговоре.

В сорок первом, когда нехватка командного состава оказалась донельзя острой, опальный комдив был возвращен в строй, восстановлен в партии и в звании, а позднее дослужился до генерала армии. Но, как можно видеть, не оставил своих коварных замыслов. Операция «Кульnev» тому пример!

«Стоит обратить внимание на мемуары непосредственного участника событий, генерала Конрада Маркса,— выводил Павел Алексеевич.— В те роковые времена — заурядного офицера-танкиста. Он прямо указывает на некую миссию, которую ему, увы, не удалось завершить. При этом особый интерес вызывает и тот факт, что, попав в плен,— Чернягин взял слово «плен» в аккуратные кавычки,— этот никому не известный армейский офицер был тут же доставлен в штаб армии, а через очень короткое время оказался в военной антифашистской организации, руководимой ещё одним участником заговора, генерал-фельдмаршалом Паулюсом. Стоит ли удивляться, что спустя месяц после этого в организацию вступил и наш старый знакомый, генерал Хельмут фон Майнцдорф?!»

Павел Алексеевич отложил авторучку, прочитал текст и удовлетворённо потёр руки. Он предвидел, сколько возмущения среди коллег должно вызвать его фундаментальное исследование, труд всей его жизни. Но, как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже». Он еще раз взглянул на последние строки, готовясь «вытащить туз из рукава» и тем пресечь возможные упрёки.

Чернягин зачем-то разгладил и без того ровный лист и вновь принял за работу: «Ответ на эту загадку мы находим в воспоминаниях еще одного действующего лица этой туманной истории — бригадного генерала армии обороны Израиля, Иоханана Гершельзона, в те дни лейтенанта Советской армии, служившего в том самом гаубичном дивизионе, на позиции которого и перешёл с тайной миссией гауптман Маркс. И не просто служившего, а взявшего «в плен» этого немецкого офицера.

Вообще, сложно представить себе кавалера двух железных крестов, добровольно сдавшегося какому-то еврею. Но все становится на свои места, если мы принимаем за очевидное, что гауптман ехал не воевать, а выполнять порученную ему генералом Майнцдорфом секретную задачу.

Автор этих строк лично встретился с внуком генерала Иоханана Гершельзона, Иосифом Гершельзоном, который рассказал, что его дед, вспоминая о тех роковых днях, неоднократно упоминал о неких бумагах, предусмотрительно захваченных гауптманом Марксом. Увы, сейчас обнаружить эти бумаги не представляется возможным. Очень жаль, ибо именно они могли бы пролить свет на этот ключевой эпизод операции «Кульев».

Чернягин сделал пометку на полях: «Приложить фотографии И. Гершельзона из личного дела, а также фото И. Г. в генеральской форме армии обороны Израиля».

Написав это, он задумался, как лучше упомянуть, что спустя три года после окончания войны этот боевой офицер, кавалер четырех орденов и семи медалей, секретным постановлением ЦК был направлен в Израиль. Не эмигрировал, а именно был направлен. В архиве он обнаружил документы о присвоении Ивану Иосифовичу Гершельзону воинского звания «майор» в 1949 году. Уже после отправки! Значит, опять миссия?

В задумчивости он сжал голову руками, воскрешая в памяти описываемые на страницах, знакомые с детства места: поросший сиренью островок между старицей и основным руслом студёной даже летом реки, высота сорок четыре, на которой молоденький лейтенант Гершельзон встречался с тайным посланцем генерала фон Майнцдорфа... Медузын мост... Занятно, в детстве это название ничуть не смущало его. А ведь, если задуматься, на сотни километров вокруг не было ни одной медузы. Интересно выяснить, почему его так величают. Но это как-нибудь потом...

— Дедушка! — Дверь кабинета приоткрылась.— А скажи, был такой ефрейтор Шикльгрубер?

В комнату заглянула его любимая внучка, держа заложенную пальцем книгу в ярком переплете.

— Да, был,— отвлекаясь от своих размышлений, кивнул Павел Алексеевич.— А почему вдруг тебя это заинтересовало?

— Я тут одну книжку читаю. Там этот ефрейтор в Первую мировую ослеп после газовой атаки, но очень хочет рисовать. Он талантливый художник, однако его не признают. Все только и говорят о каком-то реванше, о войне. А он им о том, как этот мир богат красками...

— Маруся, ефрейтор Шикльгрубер — это Адольф Гитлер. Что за ерунду ты читаешь?!

— Это книжка по альтернативной истории, — испуганно пискнула девочка, понимая, что отчего-то вызвала гнев деда.

— Мария, я запрещаю тебе читать подобную ерунду! История — это серьезная наука. Наука о фактах! Понимаешь, о фактах. Возможно, это величайшая наука! Важнейшая для всего человеческого сообщества. Поскольку она изучает реальную, понимаешь, реальную, а не какую-то альтернативную жизнь этого сообщества. Это наука, которая учит жизни. И высший критерий её,— Павел Алексеевич Чернягин поднял указательный палец,— высший ее смысл — истина!

Алексей Ивакин

Сбыча мечт

Музыка стучала по вискам — тыц, тыц, тыц, — а огоньки гирлянд играли по хрустальным краям пепельницы.

Двое сидели и разговаривали.

— А я тебе говорю, что вермахт не принимал участия в военных преступлениях! Эсэс — может быть! Ё! А вермахт — нет. Это же обычные люди! Как все! Как ты и я! Ну вот разве тебе в голову придет кого-то просто так убить?

— Мне — нет, — пьяно мотнул головой собеседник. — А немцу, немцу могло в башку прийти такое?

— Национальность тут ни при чем! — Оратор был толст, очкаст и весел. — Выродки есть везде! Но за эту выродость...

— Чего? — удивился тощий, длинный и унылый.

— На этих выродков,— поправился толстый,— всегда найдется управа. Вот смотри — литовцев, убивавших детей ломами, даже в СС не брали. Каминского с Дирлевангером расстреляли, кажется. Да?

— Ты же у нас спец... Значит, расстреляли,— согласился тощий.

— Так вот, о чем это я?

— О вермахте! — поднял указательный палец тощий.

— Они не преступники! Если бы немцы завоевали сталинщину, может быть, мы бы лучше жили, да?

Тощий опять кивнул. И уронил на джинсы толстый шматок пепла. Пепельница продолжала блестать отблесками веселья.

Тыц-тыц-тыц-тыц!

— Жаль, жаль! — вдруг всхлипнул толстый и обхватил голову руками.

— Что жаль? — Тощий был все же чуть трезвеев.

— А ведь пили бы сейчас не балтийское пойло, а настоящую «Баварию»! И жидов бы у власти не было бы!

— Так ты возьми «Баварию»! — широко махнул рукой длинный.— Я вроде видел в меню!

— Во-первых, она дорогая. Во-вторых — ненастоящая! Она тут, в Волгограде, делается. У «Красного Октября».

Он осторожно ударил пухлым кулачком по столу. Стаканы не содрогнулись. А потом пришло внезапное опьянение.

— Лан... Я дмой... — пробормотал тощий. — И так жена наругается, что с запхом пришол.

— Иди... — согласился толстый. — А я посижу еще. Много думать надо!

Тощий поднялся и — едва не опрокинув стул — пошатался к выходу.

Толстый махнул сначала ему рукой, потом официантке:

— Еще политра, пжалста...

И закурил.

Потом прикрыл глаза.

Тыц-тыц-тыц-тыц!

Ну а на самом деле бухгалтер Боря Волков очень сожалел, что немцы не взяли тогда Москву. Пришел бы конец этой проклятой Россиии-нии под смешным названием эсэсээрия. Или на-оборот? Да какая разница?!

Боря закрыл глаза и представил...

Факельное шествие по Красной площади...

Марш эсэсовцев, чеканящих шаг по Дворцовой...

Грозный «Хорст Вессель» в шесть утра над всей Европой...

Памятники «Тиграм» на безбрежных простот-рах Руссланда...

Гигантские головы немецких солдат на грани-це с Сибирью...

Эстетика Третьего рейха завораживала, привлекала, зачаровывала! Ну почему, ну почему мы проиграли?!

Тыц-тыц-тыц-тыц!

— Борис Волков? — тронул парня кто-то за плечо.

Он немедленно открыл глаза и уставился на незнакомца. А не... На двоих незнакомцев. Оба были похожи. Крепкие, стройные, голубоглазые, с волевыми лицами и мужественными глазами. Настоящие арийцы из «Триумфа Воли».

— Разрешите? — И, не дожидаясь разрешения, оба сели за стол.

— Вы — Борис Волков? — еще раз спросил один из незнакомцев.

— Да... А что? — нетрезво, но твердо ответил Боря. Предательски задрожал в венах адреналин.

— Приятно познакомиться,— дружелюбно ответил незнакомец.— Алексей. А это — Валерий,— махнул он рукой на второго.

Тот кивнул. Молча. Не улыбаясь.

— Борис, мы давно наблюдаем за вами...

— Мы? — испугался Боря.

— Нет... Не ФСБ,— засмеялся Алексей. Для себя его Боря определил как главного.— Мы...

И наклонился к уху Бори.

Тот содрогнулся еще больше. Он слышал о «Вервольфах», но видел их впервые. Естественно. «Вервольфы» были знамениты по всей стране — теракты, уничтожение идеологических противников — причем способами очень страшными и порой шокирующими. Чего стоило утопление в канализации одного очень высокопоставленного чиновника, уличенного в воровстве из Пенсионного фонда! Ролик был снят на видео и выложен на Ю-Тубе. «Вервольфы» ставили целью возрождение национал-социалистического строя

в России. Именно — возрождение. Силовики только разводили руками и освобождали теплые кресла. Элиты безумствовали, народ безмолвствовал. И вот они тут...

Боря обреченно обернулся. Мир не изменился внешне — люди за соседними столиками смеялись, флиртовали, напивались, а вот он — конкретно взятый Боря Волков — как будто попал в совершенно другой мир. Жестокий, опасный, пахнущий кровью и порохом. Арийский такой мир. Мужской. Не для бухгалтеров.

— А как вы меня... — пролепетал он.

— Ваши ники на разных сайтах — Вольф, Король Артур, Герман Геринг, Ганс, Герр Оберст, Руссландер...

— Хватит, хватит... Я понял! — перебил Борис Алексея.

— Вы показали себя неплохим аналитиком с определенным литературным даром. Мы бы хотели вам предложить работу.

Боря удивился. Ему еще никто и никогда не предлагал работу. Бухгалтером по зарплате в свою фирму его устроил папа прошлым летом. Сразу после окончания института.

Удивился и обрадовался. Бледность на лице медленно сменилась нормальным розоватым оттенком цвета свежей ветчины.

— Ааа... В чем работа заключается? — спросил Боря, облизнув все еще сухие губы.

— Отслеживание в Интернете наших врагов. Врагов России. Еженедельные отчеты по их работе. Сбор всевозможных слухов по базе. Это по-

ка. Позже — посмотрим на ваши успехи и, возможно, переведем на более высокую должность. Как видите, ничего криминального.

— А если я не соглашусь?

— Оплата в евро,— подал голос Валерий.— Тысяча в месяц. Чистыми.

— Если откажетесь...— мило улыбнулся Алексей. Так мило, что Боря опять вспотел.— Тогда мы просто уйдем и больше никогда вас не потревожим. Жаль только, что ваши эмоциональные, сильные статьи в защиту национал-социализма останутся пустым трепом. В новой России вам места не будет. Ей нужны люди дела, а не тряпачи.

— В какой новой России? — пролепетал Боря.

— Об этом вы узнаете, если...

— Я согласен! — почти всхлипнул вконец проторезвевший Боря.

— Вот и ладушки. Вот и хорошо! — опять улыбнулся Алексей.— Тогда поехали?

— Куда? Я не могу, меня мама ждет.

Мужики не выдержали и расхохотались, переглянувшись.

А потом встали, громко отодвинув стулья, и пошли к выходу, продолжая смеяться.

Боря не выдержал этого смеха и, вскочив, побежал за ними.

— Эй! А счет?! — почти подпрыгнула официантка.

Охранники моментально проснулись на крик, Боря, не глядя, бросил пару крупных купюр на стол и почти побежал вслед за Алексеем и Валерием, уже скрывшимся в дверях.

Тыц-тыц-тыц-тыц!

«Успел, слава Богу!» — мелькнуло в пухлощекой голове Бори, когда он увидел их — неспешно курящих у неброского автомобиля. «Маскировка!» — понял он и неуверенно подошел к мужчинам.

Те молча бросили окурки на асфальт, поливаемый октябрьским дождем, и стали садиться. Алексей кивнул Боре на машину. И тот, едва не упав, споткнувшись о бордюр, почти запрыгнул в заднюю дверь.

Ехали долго и молча. Даже музыка не играла. Боря пытался было заговорить, но ни Алексей, уверенно державший руль, ни Валерий не реагировали на его вопросы.

Город стал заканчиваться. Пошли какие-то коробки промзоны, затем лес, затем они свернули куда-то в темноту. Лишь бесконечный дождь оставался тем же, что и полчаса назад.

Влажная тьма молчала, окутывая машину и сидящего в ней Борю ватным одеялом неопределенности и беспокойства.

Внезапно машина остановилась.

— Приехали. Выходим, — сказал Валерий.

Боря шагнул новомодным ботинком прямо в жирную грязь. Ругнулся про себя и огляделся. Во круг стояли мрачные гигантские здания, раз滋味ившие бесстекольные хищные проемы черных окон. Здания были не то недостроены, не то заброшены. Где-то на ветру звякала какая-то жестянка.

— Пойдем, — сказал Алексей.

Боря кивнул и зачавкал грязью за ними, не уклюже подобрав полы длинного пальто. Какое-

то странное чувство копошилось в душе, намекая ему — беги! Беги! — но он понимал, что это уже бесполезно.

Потом они зашли в какой-то проем в стене одного из зданий. Под ногами что-то противно захрустело. Так противно, что зубы заныли и в животе заурчало.

Валерий ткнул пальцем в стену — что-то немедленно загудело, зарычало, затряслось, и тут стена раздвинулась, ослепив Борю ярким светом. А потом они зашли в лифт и стали спускаться.

Через пару минут лифт остановился. Они вышли в маленький коридор. А потом пошли по белому линолеуму, оставляя на нем грязные следы.

Около одной из неприметных дверей остановились.

— Тебе туда, — подтолкнул Алексей Борю к двери.

— Ааа...

— А у нас еще дела! — и почти запихнули Борю в комнату. А потом, улыбнувшись друг другу, пошли по этим самым своим делам.

В комнате было пусто. Стол и стул. Стол был свободен, а за столом, развалившись в кресле, сидел невысокий очкарик, который внимательно изучал лист бумаги и время от времени водил по нему ластиком, что-то стирая.

Боря кашлянул.

Очкарик устало посмотрел на него:

— Новенький? Присаживайтесь.

Боря сел.

Очкарик взял другой лист.

— Имя, фамилия?

— Борис... Волков Борис.

Очкарик не представился в ответ. Просто почеркал чего-то у себя.

— Какой псевдоним предпочитаете?

— Э? — не понял Борис.

— Псевдоним. Позывной. Второе имя,— устало произнес человек.

— Вольф.

— Есть уже. Напрягите фантазию.

— Мммм... Камерер,— вдруг вспомнил Боря еще в детстве прочитанную фантастику двух братьев.

— Был такой.

— ?..

— Предал. Поэтому и говорю — был.

— Гауптман!

— Необходимо нейтральное прозвище.

— Вы юрист? — вдруг догадался Волков.

Очкарик кивнул:

— Рысь. Меня зовут Рысь.

— Тогда я Россомах.

— Есть.

— Блин... — расстроился Боря.

— Берите Абрам и не выделяйтесь.

— Почему Абрам? — удивился Боря.

— Нипочему,— ответил Рысь.— Без ассоциаций. Теперь заполните анкету. И лучше не врать.

— А что будет? — тихо испугался Борис.

— Предательство. Вранье равно предательству. Быть честным — одно из качеств настоящего вервольфа.

— А остальные?

— Остальные узнаете в свое время.

Анкету Боря-Абрам заполнял минут пять. Легкая анкета. Возраст, пол, вес, место жительства, контакты. И подпись — «я согласен».

После того как он заполнил небольшой лист, Рысь кивнул:

— Вы свободны.

— А куда мне сейчас? — спросил Боря.

— Вас встретят и проводят, Абрам.

Когда дверь за Борей закрылась, Рысь достал рацию:

— Первый?.. Первый, объект прошел регистрацию. Кто встретит?.. Понятно.

Потом он собрал бумаги и выкинул их в урну...

А Борю в это время встречал еще один «оборонец», мрачно буркнувший ему:

— Усатый,— но руку не протянул.

— Б... Абрам...

— За мной, Бабрам.

— Я...

Но Усатый уже его не слушал. Он широко зашагал по длинному светлому коридору,циальному разнообразными людьми, то и дело выходившими и входившими из многочисленных дверей. В основном это были мужчины. Но иногда появлялись и женщины, весьма причем привлекательные. Одной он попытался улыбнуться, но его улыбку перехватил стоящий рядом с ней мужик. И чуть вытащил из ножен кинжал. И ни тени эмоций на лице...

Боря спешно стал читать таблички на дверях. Одна из табличек заставила его сердце учащенно засбоить: «Расстрельная».

Из-за другой двери — с надписью «Кабачок» — донеслось веселое пение, сквозь которое было слышно звяканье стаканов. Или бутылок. Ну, в общем, чего-то стеклянного. Боря вздохнул, вспомнив о недопитом бокале пива.

Усатый неодобрительно покосился на Борю. Но промолчал, не сбивая ход. Боря аж запыхался за ним перебирать ногами.

— Пришли, — наконец сказал Усатый.

И почти втолкнул его в дверь со странной табличкой «ВС».

Потом чуть прислушался к происходящему внутри. Ничего не услышал. Поморщился. Зашагал обратно. Уже ехидно улыбаясь.

— О! Танк! Здорово! По маленькой?

— Не могу, — покачал головой высокий брюнет в черных очках. — Проект висит.

— Жаль, а там наши сидят — Азбука, Победа, Стефан...

— Не могу, Усатый, не могу... Извини! Нож во-на без дела шляется. Его бери... А ты что тут? Новенького привел?

— Не совсем...

— Понял! Удачи!

Усатый кивнул и открыл дверь. Из комнаты пахнуло алкоголем и порохом.

Новенький в это время знакомился с людьми, сидевшими в комнате вокруг круглого стола. Перед каждым стояли мониторы, по которым бежали какие-то цифры, ползли какие-то графики, нарезались какие-то диаграммы.

— Абрам... — стеснительно поздоровался он, поняв, что попал в самый центр знаменитого «Вервольфа».

— Царь... Чума... Крокодил... Литр... Росомаха... Толич... Мешок... Гонщик... Корсарка... Югослав... Грязный... Космонавт... Шторм... Хорват... Берг... Нотова... Жеребец...

Нотова оказалась очаровательной, адски очаровательной брюнеткой, Валерий — Чумой, а Алексей...

— Имена забыл, да?

Абрам заискивающе кивнул.

— Отлично. Итак. Абрам... Прежде чем вы приступите к работе, вам предстоит пройти инициацию. Испытание, если не понятно, — сказал Берг.

— Понятно... А какое?

Борис вдруг испугался, что ему предстоит участие в карательной акции.

— Вы проведете день на нашем полигоне.

— Стрелять надо будет? Я не умею... — Боря опять замандражил.

— Нет. Вам просто надо быть самим собой. Но это «мир», несколько отличающийся от нашего.

— Не понял...

— Мы воссоздали полигон, который является моделью победившего Третьего Рейха. Каждый из новичков должен пройти его, — Берг внимательно смотрел на Абрама.

— Так это же здорово! — Боря аж подпрыгнул от радости. Хотя бы день, хотя бы день...

— Абрам, ты согласен?

Тот яростно закивал головой. Пусть игра, пусть! Но хотя бы так приблизить мечту!

— Отлично. Царь, вы готовы?

— Всегда....— меланхолично ответил высокий русоволосый мужчина с грустными глазами.

— Проходите вот в ту дверь,— указал подбородком Берг.

Борис открыл дверь и шагнул в темноту.

Царь подождал, пока Берг закроет дверь, и нажал на «Энтер». И лишь потом сказал:

— Камрады, а мы не слишком жестоки?

На что ответил только Крокодил, широко зевнув:

— За что боролись, Царь-батюшка, за что боролись...

Берг же скомандовал:

— Отсчет! Чума! Фиксируй!

— Есть, командир! Запись пошла!

— Переходный канал?

— Открыт!

— Три... Два... Раз!

...Летнее солнце ярко заливало улицу. Борис-Абрам широко улыбнулся ему и шагнул на ровный, как стол, асфальт. А потом громко заорал во всю глотку:

— Дойчланд! Дойчланд убир аллиз!

И тут же получил страшнейший удар в спину, от которого свалился на мостовую и едва не потерял сознание, разбив нос и ободрав лицо.

Потом оглянулся. Над ним стоял немец. Тот самый. Из фильмов. С полукруглой бляхой на груди цвета фельдграу.

— Рузише швайне! — прошипел немец. А потом залаял. Не по-собачьи. А по-немецки. Боря хотя и учил немецкий язык, но вылавливал из беглой речи только отдельные слова:

— Русский. Запрет. Зона. Тревога.

Откуда-то прибежали люди и начали его пинать. И тут Боря все же потерял сознание.

Очнулся уже голым.

Валиющимся на холодном кафельном полу.

— Наме?

— Абрам... то есть Боря! Борис! Я Борис!

Человек в сером костюме, сидящий за высоким столом, удивленно покосился на лежащего Борю, прикрывавшего одной рукой отбитое хозяйство, другой — вытиравшего кровь с лица.

— Юде?

— Нихт юде, нихт! Их бин руссише! — Борю тряслось от ужаса и боли.

— Руссиш?

— Я, я!

— Абрам — руссиш? — отчетливо произнес серый.

— Да говорю же, русский я! Не еврей!

Человек подошел к Боре. Небрежно пнул по локтю правой руки. Боря зашипел от электрической боли в суставе и отдернул руку. Человек надел пенсне и стал разглядывать междуночие Бори.

— Нихт юде, — удовлетворенно отметил немец и снова сел за стол. Чего-то почеркал там у себя. Потом щелкнул по металлическому звонку. Боря даже не заметил, как появились двое в чер-

ном. Они подхватили его под руки и куда-то поволокли.

Немец же дописывал у себя в бумаге:

«Ввиду отсутствия идентификационных знаков рабочего скота оскопить в районной кастрировочной мастерской, отправить в лагерь „Коричневый Октябрь—два“, выждать три недели согласно „Имперскому Закону о Пропаже Инструментов“, глава восемь, пункт двенадцать. При необнаружении Хозяина — скот утилизировать. При обнаружении — штраф за использование незарегистрированного рабочего скота — пятьдесят имперских марок. Штраф за наличие органов размножения — триста марок. Заместитель начальника второго отдела Балаковской районной управы Саратовского гебитскомиссариата чиновник третьего класса Макс Штюльпнагель. Десятое октября Пятнадцатого года Рейха»...

P. S.

Оставшееся они не смотрели. Надоело.

Просто пошли в кабачок и выпили по рюмке:

— За сбычу мечт, камрады!

— За сбычу!

А потом разошлись по домам.

А в Интернете появился новый ролик под названием «Он хотел Третий Рейх!»

И надо ли говорить о том, что никакого «Вервольфа» и не было никогда?

Станислав Бескаравайный

Справедливость

— Но если Лазарь был мёртв меньше девяти дней, то душа не отлетела. И его воскресение, выходит, не настоящее?

— Оставь сомнение. Умер, но потом воскрес. Чего еще желать смертному?

Холм был мерзкий, тяжелый, от него несло будущими смертями. Всё вокруг было выжжено, вытоптано. Витая колючка в несколько рядов на склонах, протянутая прямо по гарям. Широкие окопы, почти рвы, на вид пустые. Таблички и белые ленты у минных полей. И несколько каменных домов на вершине со следами копоти, однако целых и наново укрепленных мешками с песком.

— Нас прошлый год жгли. До того бурые стояли, рота, ну еще полицаев прикормили. Как Бу-

ран стал на шоссе ходить, минировать — те озверели совсем. Народ по лесам разбежался, так они всех, кто остался, подчистую угнали, стариков только расстреляли.

Пожилой Стоян, с сединой в недельной щетине и грустными глазами, шепотом пересказывал младшему лейтенанту историю гибели Тулово. Всё в этой истории было обыкновенно — окрестные вёски так же сожгли, и Тонкий Лес, и Заболотье, и Пыхань. И такие, как Стоян, мастера на лесопилках уже не работали, а старались поджечь и взорвать, что только можно.

Младший лейтенант слушал вполуха, больше старался рассмотреть детали и отметить в планшетке, что увидел. Оба они не шевелись лежали в лозняке, хотя Стояну уже стало жарко в старом мадьярском полуфренче.

— Как сюда Корней ходить стал, и наши нормальное оружие добыли, так эти всё, закрылись, только стреляют, чтобы к шоссе отсюда прохода не было. Да раз в неделю обоз. Берегутся сильно, в разное время выступают, один раз смогли отбить, больше не получалось.

— Те ленты белые — там точно мины? — Поджидать обоз явно не входило в планы армейского человека.

— Которые справа? От колодца до хаты Кузьмича — точно. Дальше вроде как пусто.

— Какая хата? — Младший лейтенант понятия не имел, где жил Кузьмич, и на несколько минут вся разведка свелась к объяснениям пар-

тизана, от какого забора до какого столба мин вроде как нет, а где наверняка есть.

— Землю они везде перекопали,— в качестве пояснения добавил Стоян.

— По ночам много светят, ракеты пускают? А собаки? Или они кого-то подняли?

— Точно, подняли, и не наших,— в голосе мастера проскочила нотка гордости, дескать, дошли мы их, что своих не пожалели, ночами оборошиться поставили.— Десятка с два тухляков будет.

— Ещё свежие? — деловито уточнил собеседник. Он, кстати, тоже не выглядел человеком первой молодости, третий десяток уже точно разменял.

— Да вроде недели не прошло. Бегают быстро.

Издалека, от шоссе, докатился низкий звук взрыва. Потом ещё.

Младший лейтенант и Стоян переглянулись, без слов начали отползать в распадок. Там уже сидели трое — сержант, рядовой и мальчишка лет четырнадцати, по виду родич старого партизана. Сержант и рядовой остались в секрете. Остальные ушли.

Лист с планшетки (вырванный из старой учебнической тетради, с детскими каракулями на обороте) очень скоро попал на снарядный ящик. Вокруг ящика была вода, по щиколотку в ней стояли несколько человек и как раз решали, что делать дальше.

Мимо них, по старой гати, тянулся самый хвост батальона, несколько человек и навьючен-

ных лошадей. Мешки медикаментов и разного хлама, без которого совсем уж не жизнь.

Телеги пришлось бросить перед болотом.

— Подтвердилось? — Ермил, который командовал местными партизанами, переживал и уже разгрыв мундштук трубки. Правда, больше переживал он не из-за сведений, в них он не сомневался, а за внешний вид своих бойцов. Бурые и зеленые трофеиные мундиры, крестьянские рубахи, у него одного нормальная форма. И неприятно, и кого ненароком подстрелить могут, видят-то друг друга меньше суток.

— Порядок,— комбат, молодой парень, но с совершенно седой головой бегло сравнил наброски с картой, отпустил младшего лейтенанта.— Твои точно выведут на шоссе?

— Туда много раз ходили. Могу и сам, в лучшем виде.

— Ты с нами идешь. На охват выделишь мужиков половчее. Отход им перекроем. Третья рота с тобой пойдет. Фирс, нашли, где миномёты поставить?

Артиллерист, измазанный в грязи больше всех остальных, кивнул.

— Т-так т-точно. Завершаем у-установку,— он показал время на ручных часах.

— Тогда слушайте. Модестов, твоя рота по склону, как договорились, Висса, вторую роту через распадок поведешь. Накроем огнем, атакуем, те отходить начнут. Должны, раз тылы свободные. А как на дорогу к шоссе втянутся, так их Торзов культурно и снимет. Возражения и вопросы?

Камеров всегда произносил эту фразу. Хотя сейчас это был самый очевидный план, холм в любом случае надо было брать до вечера и закрывать с него шоссе.

— Если горло им перетянем, то есть дорогу к шоссе внаглу перекроем, не сдадутся? — Замполита всегда интересовали экономные решения.

— Не сдадутся, — Ермил устало вздохнул. — Это ж те, которые Пыхань жгли, точно говорю. И наших они знают. Чего им сдаваться?

— Если между Тулово и шоссе станем, могут с двух сторон ударить: эти на прорыв, а те им на помощь. А у нас из ПТО только одна сорокапятка, раздавят. — Камеров уже всё решил, но сомнения надо было убрать. — Военный совет батальона, кто за атаку двумя ротами?

Начальник штаба Мокей выразительно посмотрел на замполита, дескать, перестраховка перестраховкой, сам такой, но сейчас не до тонкостей. Времени нет.

Все, кроме замполита, подняли руки. Арефий воздержался.

— Тогда на позиции, — Камеров обернулся и прокричал обозникам: — Гостак, у тебя ещё зелёные ракеты остались?!

— Так точно!

Комбат посмотрел на остальных.

— Как Фирс подготовку закончит, по сигналу. Я пока с ним, а потом ко второй роте подойду. Всё.

Ящик без карты сразу осиротел, но, прежде чем офицеры разошлись по местам, его хозяинственno подхватил обозник.

В полчаса не уложились и только ближе к часу дня вышли на позиции.

К каждому миномёту дотащили по два боекомплекта, а всего минометов было пять штук.

Короткий обстрел — только так, чтобы накрыть огневые точки, и вперед. Отступать поздно — если всполошатся, подбросят подкрепления, оттеснят в болото, через гать всем уйти не получится.

Здесь не имелось больших, открытых пространств, перед броском смогли подползти. И бежать совсем недолго, только секунды для всех растягиваются.

Одну «кочергу» не подавили, и откуда-то из-под угла бывшей школы упрямо начал бить пулемёт. Бойцы падали, кто-то пытался делать перебежки, но со стороны распадка поначалу дойти не получилось. «Кочергу» попытались ослепить огнём — пулемётная рота смогла перетащить по болоту свои железки, и на бойнице, в которой мелькал желтый огонёк, сошлись пунктиры очередей.

Первая рота успела добежать до минных полей и колючки, там, где уже начинались сгоревшие избы. Те из местных, кто шел в атакующих порядках, смогли проверить свои догадки. Частью не разобрались, недосмотрели — мина «лягушка» выкосила почти всё отделение Ерхи, досталось Белоглазову.

Из домов пошёл автоматный огонь, и скоро должны были развернуться орудия у шоссе, накрыть некстати возникшую угрозу.

Миномётчики добавили еще несколько зарядов, замолчала «кочерга», стало легче.

Вторая рота дошла до колючки, первая до линии широких окопов.

На их дне, в перетертой почти до состояния пыли земле, зашевелились мертвяки.

— Огнемёты! — Тот самый младший лейтенант, который осматривал позиции, теперь срывал голос и чуть не руками толкал огнеметчиков к окопам.

Пламя не могло уничтожить поднятые трупы в мгновение ока. Оно просто звало их, заставляло выбраться из пыли и попытаться затоптать себя, погасить. И уж тогда обычная граната укладывала ходячий кадавр обратно.

Из домов всё это было видно как на ладони, там ситуацию понимали, и первого ротного огнеметчика убили ещё в самом начале. А второй еле успел нажать спусковую скобу, залить окоп пламенем, и его тоже умудрились подстрелить. Осталной роте пришлось залечь и отстреливаться.

Бутылки с бензином такого эффекта не давали.

Вторая рота перевалила через колючку, подходила к окопам со своей стороны. И в каменных остатках Тулова нашлись люди, которые решили, что с них хватит.

Двое на лошадях, и грузовик, старый «коробок» с матерчатым верхом. Быстрей, ещё быстрей, по дороге в сторону опушки, а за ней нет и двух километров как шоссе, и там уже есть шанс уйти надолго, не попасть окончательно в мешок.

Ни партизаны, ни армейские по ним не стреляли, кто-то из собственного начальства выстрелил и убил одного конного.

Наконец земля в окопах перестала шевелиться, и выбравшиеся «тухляки» превратились в некрупные головешки. Можно было идти дальше.

— Камерова убили! Командира убили! — тревожно прошло по цепи второй роты.

Огонь от домов слабел. На дорогу выбежало несколько группок пехотинцев в серых мундирах. Первая и вторая роты почти одновременно перевалили через линию окопов.

И тут, будто там ждали именно этого переломного мгновения, пошёл огневой налет на окраины Тулова, и сквозь разрывы от дороги послышалась частая, заполошная стрельба.

Опоздали на той стороне, не успели.

Бойцы уже были у стен, забрасывали бойницы гранатами, выламывали двери. Скоро налет кончился. Там, на шоссе, были и другие проблемы. Только вот стрекотание с грунтовой дороги не прекращалось — Торозов мог и обратно откатиться.

Висса и Модест у бывшего здания сельсовета дождались Мокея, который прибыл с пулеметной ротой. Здесь же был Прох, батальонный ординарец, он пытался водой из пожарной бочки хоть как-то умыться после окопа. Связники тащили рацию. Внутри здания искали попрятавшихся, и там стоял кавардак. Прямо на крыльце бойцы саперными лопатками били по затылкам трупы — гарантированно успокаивали.

В воздухе носилось усталое веселье — самое на сегодня страшное позади, дело сделано, и сегодня смерть от них всех будет брать только малую долю. И еще была настороженность. Не столько от нового боя, который никуда не денется и вот-вот начнется, сколько от вещей вокруг. Они еще не приобрели статус трофеев, не стали своими, законными: повсюду были надписи этим жирным, кособоким, не-поймешь-что-выбрано шрифтом, и только не хватало бирок с именами владельцев.

— Кха... кха... капитан, будем считать, что ты принял командование, — Виссу перегибал кашель.

— Да. Принимаю. Модест, взвод Картоша пополни, кто остался, и по дороге пусты. Раздолбают нам Торозова, весело будет. — Начальник штаба прятал за напускным хладнокровием неуверенность, однако растерянности не испытывал. — Занимаем оборону, огневые ставить будем. Прох! Глаза продерешь — быстро к Фирсу, пусть поторопится.

Ординарец вытянулся по стойке смирно, но тут же снова наклонился к бочке.

Виссу перегнулся новый приступ кашля, и он, держась за стенку, отошел в сторону.

— Ещё! Первому фельдшеру скажешь, как обработает тела, сразу пусть в подвалы свозит.

— Так точно, — глазастый Прох, отплевываясь, углядел первого фельдшера. Тот как раз сидел перед широким окопом над очередным телом. Сосредоточенный, торопящийся обработать всех,

кого можно,— в руках держал шприц, а рядом дымилась прижигалка для ран. Но ординарец показывать пальцем на Водина не стал — последние дни старался отучаться от дурных манер.

Мокей подозвал к себе связистов, пора было доложить о ситуации и запросить координаты для огня — он понятия не имел, как изменилась обстановка на шоссе за последние двадцать часов.

Новый артналёт заставил их всех бежать в укрытие.

Через сутки стало и легче и тяжелее одновременно.

По гати подтащили ещё боеприпасов, пришло подкрепление — стрелковая рота. Миномёты раз за разом накрывали шоссе, оно перестало быть сколько-нибудь надежной коммуникацией, и теперь Волуйки из проблемы армейского масштаба превращались в частный эпизод.

Но «бурые» нажимали — взяли остатки какого-то полка, кинули от шоссе вдоль грунтовки. Торозов откатился почти к самой гари. Единственное орудие разбили, расчет там же и полёг. Остатки Тулово были в зоне действия артиллерии, и в домах не осталось целых крыш.

Однако на той стороне — у «бурых» и «серых» — войска откатывались, штабам было не до батальонов, и ни у кого не было времени нормально спланировать операцию по подавлению новоявленного «чиряка». Хватили первые попавшие-

ся орудия, били, убеждались, что танков со стороны Тулова не будет, глухого мешка не получится, и для артиллерии тут же находились задачи поважнее.

Мокей созвал ещё живых офицеров на военный совет в подвале магазина — на мешках с картошкой и мукой. Из ламп были керосинки. У стены рядом лежали собранные тела, а на груди Виссы сидел и сверкал глазами батальонный кот Трубач. Он всегда истреблял крыс и ни разу не пытался есть человечину или царапать тела. Тянуло кислым запахом консерванта.

Начштаба ощущал себя тореадором, который стоит перед раненым, умирающим зверем. И всё бы хорошо, да только в руках вилка, и до смерти быку ещё минут пять. И убегать он права не имеет.

— Пора воскрешать. Ещё день, и нас будет слишком мало. Раньше ночи подкрепление просто не дойдет.

Командир первой роты молча поднял руку. Партизан тоже согласился и тут же начал прикидывать, как всё провернуть.

— Воскрешать — это правильно, это мы организуем. Вот вытащим народ по первой к болоту, там пригорки есть хорошие, добрые, трава не мятая, земля спокойная. Всё скоренько и пройдет. А другим делом... — Ермил торопливо стал загибать пальцы.

— Отставить. Какое болото? Мы половину живых угробим, пока до распадка донесём, — начштаба устал и говорил тихим голосом.

— Так что, здесь? Тут земля плохая. И вообще,— партизан хотел что-то объяснить, но на верху скрипнули дверные петли, и по лесенке начал спускаться замполит. Керосиновая лампа на столе давала мало света, только дыры в спине и левом боку были видны очень хорошо.

— Арефий, ты что надумал? — Мокей привстал и прошипел эти слова таким тоном, какой действует посильнее иных матюгов.

— Всё одно не жилец,— замполит повернулся к остальным и весело подмигнул. В глазах лихорадочный блеск, и лицо уже начинало худеть.— Сердце не задето, так что сутки нормы имею, своими мозгами думать буду.

— По-другому не мог? — Модест не упрекал его. Просто спрашивал.

— Там горячо, между прочим. Чичибаев с Хорсом тоже.

— Где вы только консервант пережигать умудряетесь? — первый фельдшер задал риторический вопрос.

Этот молодой человек всегда щеголял чисто выбритыми щеками, белозубой улыбкой и новой формой. И хоть приходилось ему идти практически в строю и работать с тёплыми трупами, за нагловатый форс его не любили.

— С такими темпами ещё две атаки — и колоться придется всем,— Арефий привалился к стене.

— Тогда немедленно. Будем попеременно раненых и консервированных работать,— Мокей повернулся к партизану.— Сколько людей можешь дать? В пределах часа.

— Годящих? Десятка три наскребём помаленьку: Елена Семёновна, Лукия Дмитриевна, Валерия Давыдовна, Клавдия Устиновна,— он перечислял бы и дальше, да только напоролся на взгляд начштаба и торопливо закончил: — У нас за это дело Ярина Семёновна отвечает.

— Действуй.

Тот бросился в лестнице.

Начштаба повернулся к первому фельдшеру. Медик услужливо поднял брови, дескать, чего изволите.

— Имей в виду, Водин, станешь от общего караула отщипывать, и трибунала не будет.

— Так точно. Я сколько с вами вместе воюю? — улыбаясь чему-то своему, спросил в ответ фельдшер.

— Мало. Для таких вещей жизни мало.

Водин сделал вид, что не обиделся. Прошёл в центр подвала, достал из саквояжа — изрядно потёртого, много раз от пыли и глины чищенно-го, но всё-таки настоящего докторского саквоя-жа — коробку со шприцем. Начал раскладывать инструменты.

Мокей встретился взглядом с Арефием — чего здесь завтрашнему тухляку сидеть, там живые под огнём. Замполит отдал честь и ушёл. С ним поднялся наверх Захлебный, который теперь командовал второй ротой.

Редкие разрывы снарядов восьмидесяток, которыми «бурые» угощали от шоссе. Плохо слышимые металлические щелчки — выстрелы ближайшего миномёта. Мокей попытался успокоиться и

по рации выбить ещё хоть какие-то подкрепления.

Через какое-то время его отвлекла старуха. Бодрая женщина с прямой спиной, но сморщенным, как плохо вымешанное тесто, лицом и запавшими губами. В руках она держала немалый бутыль самогона, и было видно, что кожа на тыльной стороне ладоней вся в старческих пятнах.

— Шо, принимай, я тебе людей привела.

В подвале уже было с десяток селян. Только начштаба больше смотрел на женщину.

— Ярина Семёновна?

— Тошно так.

— Сколько лет?

— Дак тридцать третий пошел,— она будто смеялась над собой.

Мокей посупровел.

— Дети? Из-за них?

Она тоже перестала смеяться.

— Шиновья, блишнята. Воевать подалиш. Им шас по пятнадцать было бы. Я их, оболтушов, два раша вытягивала. Ранеными валялишь. Митька потом шгиб, его каратели повесили. И за шо? Гебитшу тутошнему чуделошь, будто он ш него военную мышль крадет. Ну какой ш Митьки мышляк?

Факт. Настоящих телепатов во всем фронте по пальцам одной руки пересчитать можно было. Да и кто их пустит на фронт? Начштаба ещё хотел спросить Ярину, не хватит ли с неё, только понял, что для себя она уже всё решила. Он кивнул и пригласил рассаживаться.

Остальные женщины выглядели покрепче, только вот лица их молодыми назвать было невозможно.

В подвал притиснулось четверо бойцов. Тоже расселись по мешкам.

Бутыль поставили неподалеку от фельдшера.

— Ну что, этого, думаю, хватит. — фельдшер с еле уловимой насмешкой в голосе распаковал коробку со шприцем.

Мокей вопросительно посмотрел на медицину — что колоть будешь? Водин вытащил плоскую нагрудную металлическую флягу, с которой по уставу не должен был расставаться и во сне, а из неё вытряхнул на ладонь полупрозрачный шарик, похожий на белужью икринку. Шарик взял в левую руку, пустой шприц в правую. Скорчил вопросительную физиономию.

Тянуть дальше не имело смысла.

Мокей снял трубку — от «бурых» остались отличные телефоны, в придачу аккумуляторы ещё дышали — и позвонил в подвал бывшей школы второму фельдшеру. Из госпиталя должны были притащить раненого.

Его подвели меньше чем через минуту. Дергенько, из второй роты. Порванные осколком мышцы плеча, перевязка. Ни кости, ни важные органы не задеты.

Боец сел в центре круга.

Первый фельдшер невозмутимо вложил икринку обратно во фляжку. Вытащил ножницы и быстро срезал повязку. Плохо зашитая рана кровоточила.

— Приготовились,— он сделал пару пассов, подражая движениям фокусников. Чувство юмора не покидало его даже сейчас.

Все подняли руки, показывая открытыми ладонями на бойца. Начштаба увидел на груди у двух селян ладанки Спасителя пылающего, но решил, что если те не начнут вслух молиться, то он этих амулетов не заметит.

Снова появилась икринка, фельдшер вытянул шприцем её содержимое, а потом уколол бойца с тем расчетом, чтобы «живая вода» сразу попала к порезам.

Мокей почувствовал, как теплеет раскрытая ладонь. Чаще забилось сердце, по спине и ногам забегали мурашки. Пришло спокойствие, отрешенное, безучастное довольство судьбой. Какой-то голос из детства зашептал на ухо, что надо просто стоять вот так, ничего не делать, и скоро наступит счастье.

Боец зашипел, задергался от боли. Люди вокруг напряглись — это всё сейчас отдавалось в них. Рана стала закрываться прямо на глазах.

— Терпи,— первый фельдшер взял лопаточку, похожую на плоскую ложку, и этой лопаточкой стал прижимать формирующийся рубец, чтобы наружу не поперло дикое мясо.

Дергенько шипел, кусал губы. Участилось дыхание, было простым глазом видно, что и сердце у него колотится на пределе. Фельдшер продолжал давить, изредка помогая себе пальцами.

Людям в кругу тоже было несладко — пришли страх и ощущение безнадежности. Сладковатое

наваждение первых секунд отпускало, а вот силы на выздоровление раненое тело брало как хотело.

Минута-другая — и напряжение стало спадать. Рубец сформировался, давить уже больше ничего не надо было, а когда Дергенько поднял руку, показывая, что с ней полный порядок, все как по команде сложили ладони.

— В распоряжение второго комроты шагом марш! — Мокей, который со всеми сейчас разминал болевшие пальцы, выкрикнул команду, будто излеченный боец вышагивал на плацу.

Дергенько, хоть и был сейчас дьявольски голодным, не стал волынить, тут же вскочил, подобрал у лестницы автомат и ушёл в бой. Лече-
ние почти не укоротило его жизнь.

— Командира точно потянем? — спросил у первого фельдшера Мокей.

Всё-таки не выходит из меня нормального комбата, с застарелой досадой подумалось ему.

— Должны. Он не тяжелый, — Водин как раз подтаскивал тело командира к центру подвала. — В том смысле, что весь свинец навылет, сердце цело, разве только легкие... Да и ребра. Он от болевого шока, скорее всего. Я ему консер-
вант почти сразу вколол, крови много не вылилось.

Гимнастёрка сошла за простыню.

Раны на мертвом теле первый фельдшер при-
жёг ещё в бою.

Несколько глубоких вздохов — и люди в под-
вале снова показали свои ладони.

— Товарищи,— Водин, стоя на коленях перед телом, как раз набирал в шприц содержимое второй икринки, и тон его голоса стал добродушно-примирительным.— Па-апрошу не напрягаться. Когда почувствуете слабость, не старайтесь её перебороть. Просто засыпайте.

Укол «живой водой» в сердце дело хорошее, но препарат требовалось разогнать по сосудам. Фельдшер начал массаж миокарда — по науке, упираясь руками в грудную клетку.

— Эники беники ели вареники, эники беники ели вареники, эники беники...

Тело начало подёргиваться. Резкий вздох, похожий на всхлип. Движения стали сильнее, и фельдшер, не дожидаясь, пока командир забьётся в судорогах и сломает себе что-нибудь важное, просто сел ему на живот.

— Эники беники... — Массаж нельзя было прекращать.

— С...Су-у-ука,— сознание начало возвращаться к Камерову, во всяком случае, дрыгать ногами он перестал.

Водин давно не обращал внимания на остаточные воспоминания пациентов.

— Как себя чувствуешь?!!! — Фельдшер закричал во весь голос, будто контуженному.— Мешает?!!! Давит?!!!

— Здесь,— Камеров, шипя от боли, показал себе куда-то в район селезенки.

Фельдшер слез с командира, прощупал указанное место и побыстрей воткнул туда длинную иглу из набора. Брызнула лимфа, кровь.

Тут снаряд из «восьмидесятки» попал в одну из стен бывшего сельсовета. Ухнуло порядочно. В подвале с потолка посыпались щепки и труха. Всё затряслось, но, кроме пыли, неприятностей не было.

— Сейчас полегче станет!! Не дергайся, лежи!!

— Уху,— Камеров часто дышал, сердце билось как бешеное.

Остатки консерванта распадались под действием «живой воды», организм восстанавливался и одновременно пожирал сам себя. Несколько минут фельдшер смотрел, как всё более отчетливо выпирают рёбра, но до кризиса дело не дошло.

Круг ладоней распался.

— Обс... обстановка,— выдохнул командир.

— Полчаса абсолютного покоя,— Водин едко улыбнулся, хотя пыльная и грязная физиономия не отражала всего сарказма.— Тут есть хорошая компания из парочки трупов и куля с мукой, они тебя не беспокоят. Так что расслабься. И выпей.

Фельдшер влил пациенту в глотку несколько кружек самогона — для разжижения крови и общей подпитки сил.

Радист и один из селян бережно отнесли командира за картошку.

Люди, образовавшие круг, явно устали. Одна скоростарка в белой косынке без сознания лежала на мешке, из носа у неё текла кровь.

Водин тяжело поднялся.

— Меняем состав,— фельдшер обернулся к начштаба.— Ещё сеанс — и у вас закружится го-

лова. Если хотите командовать, то на сегодня с вас хватит.

Мокей был не против, только напрягся. Если он перестанет отдавать жизнь, то останется только одно местно, где ему положено находиться,— передний окоп. Такая перспектива не слишком вдохновляла Мокея, но фельдшер говорил правду — голова должна быть ясной, батальон без команды сейчас оставлять нельзя. Начштаба переговорил с радиостом. Черкнул на бумаге несколько имен, отдал листок Водину. А потом вызвал по телефону Проха и ушел в бой.

В подвал заносили следующего раненого, с распоротой голенюю, и тянулись новые селяне. Первый фельдшер не интересовался людьми вокруг, лишь бы они не забывали держать открытymi ладони. Однако и он улыбнулся, когда Ярина Семёновна углядела среди добровольцев шестнадцатилетнего паренька и взашей прогнала его, честя как последнего сопляка и неумёху.

Это было правильно.

Только вот фельдшеру ещё надо было «вспомоществовать воскрешениям», как говорили во времена его деда, и ставить на ноги раненых.

По идеи вторым надо было вытаскивать с того света Виссу, но сейчас нужны были хорошие пулеметчики, и начштаба в приказе написал фамилию Купылло, чьё долговязое тело пылилось в самом дальнем углу.

К вечеру следующего дня окончательно стало ясно, что батальон уцелеет. В сводке передали — Волуйки взяты. Со стороны шоссе «бурые» уже не атаковали, а только поставили заслон. Сразу после рассвета в нескольких километрах западнее была большая бомбежка, и «восьмидесятки» уже не беспокоили.

Настроение у всех, понятно, поправилось.

Мокей в полдень собрал полтораста человек, ещё здоровых или подлеченных, и попытался в обход заслона выйти к шоссе и перерезать его. Полностью осуществить замысел не вышло — нормальных, серьезных аргументов против броши не имелось. Любой танк с минимальной поддержкой пехоты мог снести самопальную «пробку», да и заслон с грунтовки наверняка ударил бы в спину.

Однако поставили нормальных корректировщиков и теперь минометами накрывали редкие колонны, которые еще пытались уходить по шоссе. Да и снайперов рассадили по кустарнику.

Дорога в результате оказалась наполовину забита сгоревшими, разбитыми грузовиками, телегами, разбросанным грузом. Так что пробка, пусть и дырявая, организовалась.

Надо было просто ждать подхода основных частей.

Воскресенные смогли своими ногами выйти наружу и теперь, как огурцы в теплице, под солнышком лежали рядом у стены бывшей школы. На истощавшие тела было больно смотреть. Рядом с каждым на рушниках выставили хлеб,

сколько нашли сыра, и даже варёное мясо — забили последнюю корову.

Командир, прихватив для устойчивости палку, уже ходил по расположению батальона, решал вопросы с Ермилом — сколько тот сможет ещё дать продовольствия и, главное, добровольцев.

— От нас, почитай, ничего и не осталось. А план спустят? Если мы его маленько выполнить не сможем, что будет?

— Ты, колхозник, в селе собираешься дальше быть или в армии? — Камеров агитировал прямо-линейно, грубо, открыто. — Так вот, все мужики дальше с нами пойдут. И лучше, если одной командой, а не повесток по углам дожидаются. Их тогда по всей армии разбросает или ещё шире. Так и думай. С шамовкой сейчас везде плохо, сам знаешь.

— Но ведь пропадет село; без людей, без огня тут все бурьяном зарастет, когда спохватятся, не вспомнят где и было?

— Люди останутся. Стенки потом отстроить можно будет, — когда командир улыбался, становилось заметно, как он постарел. — Да и крупное здесь село, вас в области не обидят, подселение организуют.

Они спорили еще долго, даже когда подошёл начштаба. Только когда партизану доложили, что дала о себе знать группа, которую месяц назад послали в город, он бросил всё и побежал на какую-то там тропинку встречать своих.

— Не избавились от местничества. Дальше своего района думать не желают, — Камеров

спиной привалился к покосившемуся телеграфному столбу, подставил лицо солнцу и даже попытался проглотить очередной кусок провизии.

— Командир, тут предложение есть,— нейтральным голосом начал Мокей.

— И?

— Тел у нас достаточно. «Бурых», «серых», полный набор этих чертей,— он выжидающе промолк.

Камеров дожевал свой хлеб с маслом.

— Дай угадаю, хочешь заслон сбить? Тухляков наделать, этой ночью пустить их в работу и выйти на шоссе всем кулаком? — Командир поудобней устроился у столба, но глаза так и не открывал.

— Ночью сюда наши подойдут,— начштаба как раз поговорил с радиистами.

— М... Это меняет дело. Ты хочешь раздолбать сам заслон?

— Да. Их там не больше трёхсот человек. Сниматься они будут сегодня, скорее всего с темнотой. Зачем отпускать? — деловым тоном ответил Мокей.

Обманчивая тишина, состоящая из далёких выстрелов и неторопливых разговоров воскресших. И ещё ветер, шуршащий листьями.

Шло время, а командир всё стоял, смотрел сквозь опущенные веки на августовское солнце. В воздухе носился странный дымно-болотно-смоляной запах. Осколками посекло и надломило много деревьев, смолой пахло везде, ветер принёс аромат тины.

— Что с Арефием? — переменил тему Камеров.

— Скоро сжигать будем. Ночью застрелился.

Всё честь по чести — из обреза двустволки голову снёс. Чичибабин тоже. Хорс только затянул со временем. Пришлось помогать. Ну и Евгеньев.

— У тебя есть ещё добровольцы на управление тухляками? Которые разведенную мертвую воду примут. Кроме замполита-покойника? Дело ведь паршивое, от него поленьями становятся, мозги дубеют.

— Найдутся и добровольцы, — начштаба упорствовал в своей идее, она казалась ему слишком перспективной. — Что приказ шестнадцать нарушим, так его часто нарушают. Лишь бы подчистить следы до прибытия...

Он показал пальцем вверх.

— А если просто сделать крюк по лесу и взять их, когда снимутся с позиции?

— Дальше на запад вдоль шоссе мины и клюочка.

Начштаба с таким выразительным, показным недоумением смотрел на командира, что тот даже сквозь веки, даже под прямым солнцем ощутил негодование подчиненного.

Те ведь не стесняются. И только редкий человек в тухлом состоянии может не подчиниться приказу. И хоть не играет ходячий мертвец ни против пулемета, ни тем более против брони, всё равно он полезен — минное поле можно снять, огневые точки раскрыть, да мало ли.

Просто давить силой приказа на подчиненного, который организовал ему воскрешение, Ка-

меров не мог. И дело было не в силе воли или благодарности, просто в здравом смысле: заставить — значит сохранить проблему.

В споре тут требовались какие-то другие, не чисто тактические, доводы.

— Сколько у нас, Мокей, сейчас активных штыков? Без партизан.

— Сто двадцать три.

— Уже до усиленной роты не дотягиваем. А когда батальон кончится, подумал? Нас пока не пополнят, пока к новичкам не притрёмся, нормальной частью не будем. И своих лечить трудней станет. Или ты рассчитываешь, что остальных раненых мы по медсанбатам отпустить должны? Всех, кроме покалеченных, до кондиции довести надо. Для нас сейчас каждый человек на счету, еще больше чем вчера.

Начштаба молчал. Аргументы были сильные, но всё еще его не убеждали.

— Если по уму их огнём при отходе угостим, то тела им не на чем будет вывозить. Они завязнут в бою, а тут и наши подоспевают. До своих у нас голов тридцать на ноги встанет. А если начнем возиться с тухляками, можем просто не успеть. Так что потрудитесь выполнять приказание.

— Так точно,— согласился начштаба. И в официальных интонациях его голоса не было фальши, хотя и свою идею он всё ещё считал лучшей. Просто сейчас надо было разработать план на вечер.

Командира всегда удивляла странная храбрость Мокея. В бою он пересиливал себя, через

«не могу» шёл под пули и при том совершенно спокойно предлагал вещи, от которых могло стать зябко в любую жару. Будто уже знал, что делать с человеком, у которого мозги начнут деревенеть от командования тухляками. Батальонный юродивый с собачьими глазами, да на цепи перед строем — это шутка не из лучших.

От болота к холму шла цепочка селян. В залатанной одежде, грязные, почти выбившиеся из сил, они тянули тюки, несли мешки. Местные перетягивали домашний скарб, который до того прятали на болотах,— решили, что в Тулово бои закончились.

Вечером «бурый» заслон снялся много раньше, чем рассчитывали,— то ли им пришёл приказ бросать всё, то ли у командира с той стороны хватило ума и решительности сделать ход первым. Особыми маневрами при отходе себя не утруждали — не жалея патронов, прикрылись двумя «кочергами», был еще один «змей», так погрузились во что могли, а то и пешком, и дали ходу.

Конечно, эти сборы углядели, сообщили миномётчикам, те накрыли колонну залпом. Но времени нормально развернуться, не выпустить «бурых» с позиций не оказалось. Так что до половины их ушло.

По этому поводу в батальоне не особенно огорчались — слишком хорошо чувствовали предел своих сил.

Уже в темноте прибыли разведчики сороковой танковой. За ними шли саперы, как обычно на своих грузовиках с деревянными кабинами. Они без особых церемоний спихивали с дороги всё, что мешало проезду. Где-то в третьем часу началось нормальное движение. Для батальона это означало — они по свою сторону фронта, можно расслабиться.

Вал подразделений, групп и частей становился всё гуще. Закончилась и «беспризорность» — Камерова с рассветом вызвали в штаб их подходившего полка.

С рассветом дело дошло до обозных и медицинских частей.

Разбитое, сгоревшее Тулово оказалось надлежащим местом для медсанбата. Всё равно в округе ничего лучшего не имелось. А новый оборонительный рубеж, который придется брать войскам, — он уже скоро, и часа хорошей езды не будет.

Начштаба, как только прибыли первые грузовики и начали разбивать палатки, пошёл к военврачу. Мимоходом для себя отметил, что теперь, даже если какая-то окружённая «бурая» часть будет прорываться через Тулово, — за оборону можно не беспокоиться. Медсанбаты всегда оснащались по первому классу. В этом были пулемёты и бронебойки — одновременно с палатками ставили несколько огневых точек.

Энергичный длиннорукий очкарик чем-то походил на седоватого гиббона, которого Мокей однажды видел в зоопарке. Только обезьяна лениво

раскачивалась на ветке, а военврач, казалось, раскачивал всё вокруг себя.

— Баллон с кислородом, осторожней, Шострик, осторожней. Подняли, поставили. Раз, два,— взмах длинных рук, поднятых вверх, потом второй, и вот тяжеленная стальная бочка, подхваченная двумя санитарами, уже переместилась на своё место. А врач такими же плавными, размеренными движениями уже показывал, куда тянуть столы.

Скрип дверцы грузовика.

— ...военврач Толбаник? — обратился начштаба.

— Капитан, вы по какому вопросу?

— Можно просто Мокей,— с пересчетом ранга врача они были в одинаковых званиях.— Когда сможете выделить мне минуту?

— Лучше сейчас, в одиннадцатом часу мы должны первую партию принять,— он был хирургом.

— Пройдёмся, закурим, не возражаете?

Они остановились у столбиков, на которых ещё сутки назад висела колючка — селяне посрезали её. Начштаба предложил пачку неплохих трофейных сигарет.

— У меня четыре десятка воскрешенных и до сотни раненых. Люди надежные, для дела необходимые. Я хотел бы их оставить в батальоне,— без обиняков начал Мокей.

— Ха! — Врач хохотнул так резко и коротко, будто получил удар под дых и от боли резко выдохнул.— Думаете, у вас одних такие проблемы?

Видно было, что его допекли подобными просьбами.

— А все мои уже здесь. Практически стоят в очереди. Или лежат. Я же не требую от вас руки ноги людям отращивать.

— Да? Потребуете через полчаса? — Ехидства медику было не занимать.

— От полевого госпиталя подобного требовать глупо. Я прошу вполне доступных действий, которые при оборудовании может организовать любой нормальный врач. Фельдшера с собой просто препаратов не носят,— начштаба изображал разбитного колхозника, который за полчаса и четверть первака уломает председателя на любую комбинацию.

— Мы вот быстро солдатиков обколем, и они все розовыми бодрячками промаршируют дальше?

— Очень может быть, что к вечеру нас здесь не будет. Эти люди либо уйдут со мной, либо останутся с вами. Зачем с первого часа себе палаты загромождать?

— И словеса-то у вас к такому случаю подходящие,— врач уже остыwał.

— Приходится заготавливать,— компромиссным тоном ответил начштаба.

— Знаете, насколько иначе всё в ту войну было? Никаких тебе полевых воскрешений, мертвый воды ещё не знали. Раненого в госпиталь везли, понимали, что больной. А теперь? Каждый норовит на одних медикаментах бессмертие себе сварганиТЬ. Что через пять лет будет, думают?

Полстраны в старики угодит. Или куда потом вот таких девать?

Он длинным пальцем указал на первого фельдшера. Тот сидел на вывороченном из здания школы куске кирпичной кладки, маникюрными ножницами вычищал грязь из-под ногтей. А рядом с ним сидел батальонный кот и умывался. Они были так похожи в своих жестах, что невольно закрадывалась мысль — не прикидывается ли Водин. Но нет, просто чем дальше, тем больше он отстранялся от крови и грязи. Как умел, аристократа изображал.

— Товарищ военврач, — глухим голосом вдруг начал Мокей, — вы всё правильно говорите, но бой ждать не будет. У меня пятнадцать человек с неправильно сросшимися рёбрами. Или с несросшимися. Нужен кальций, и в таких инъекциях, чтобы они живы были. Есть снайпер контуженный, вроде отпустило, но кто его знает. А дистрофикам витамины нужны. И много.

Врач несколько удивленно посмотрел на Мокея — тот уж больно резко переменил тон.

— Бойцы нашли сейф. Там семнадцать самоспасателей. Бухен... черт, не могу выговорить, — начштаба в раздражении отбросил недокуренную сигарету.

— Всё цело, не разбито? — Врач буквально расцвёл, и казалось, что сейчас бросится целовать Мокея.

— А то.

— Как здесь оказались такие вещи? — Толбаник не верил своему счастью.

— Мало ли? Думаете, они там друг у друга не воруют? «Бурые» у «черных» небось увели и на партизан спихнули. А мы вот нашли. Факт.

— Батенька, поздравляю,— военврач затряс ему руку.

— Но мы ведь не будем говорить о товарно-денежных отношениях? — несколько заговорщицким тоном продолжил Мокей.

— Что за мерзость приходит вам в голову? — подыграл ему Толбаник.

В «европах» уже лет пятьсот воскрешение считалось делом почти что индивидуальным. Личным разговором со смертью. Оно, конечно, взаимовыручка окончательно не исчезла, особенно в семейном кругу. Но солидный человек свои проблемы должен решать сам. На чёрный день запасы откладывать.

Тот самый мелкий палевый гриб, из которого «живую воду» получали, он силы впитывал. И отдавать мог. Надо было только по груди и лицу покойника рассыпать — вместо открытых ладоней работал. А если ещё переливание собственной крови, так вообще радость. Донора своего гриб помнил и чужому человеку был бесполезен. Только его требовалось в термосках держать. И режим соблюдать, чтобы не протух, не испортился, силы на самого себя не потратил.

Эти самоспасатели-термоски ювелирной точности изделиями должны были быть — чтобы и температуру, и влажность неделями держать. Работа потоньше любой орудийной панорамы или танкового прицела. А даже с прицелами

пока у своих заводов не очень получалось... Так что за трофеиними самоспасателями охота серьезная шла, вплоть до анонимок в особые отделы.

Перед важной операцией пациент мог за неделю хороший запас сил накопить. Даже тыловые госпитали, в которых можно было глаз или пальцы наново отрастить и где большие ванны с плавевой грибницей стояли,— тоже за термосками следили и собирали их где могли.

Мокей и Толбаник почти сразу ушли от темы «бухенов...», но в голове каждый прикидывал, достаточные ли козыри пошли в дело.

— А из фельдшеров я ни одного нормального за последний год не видел,— неторопливо рассуждал начштаба.— Которые хамы, которые недоумки, а кто и вот так, под чуждый элемент маскируется. И считаю это правильным. Только неприязнь остальных людей спасает их от косвенных прибытков...

— Косвенные прибытки? — удивился врач.— Никогда не понимал бухгалтерии. Мы зовём это утечками.

— Наш знает, что, если он будет чужие крохи для себя брать, хоть через утечки, хоть как — убьют. Потому выкаблучивается. Одно время даже денщика себе пытался завести, приспособить рядового. Только нельзя, перебор выходит.

— Они все это знают. Кстати, в курсе, какой у первых фельдшеров самый распространенный кошмар?

— ?

— Вокруг пустыня, черное небо и черный песок. Все мертвцы прошлых войн встают перед ними, ряды скелетов, форма старых лет и совсем новая. Они хотят жизни, им надо идти в бой, драться. Только вот за спиной у фельдшера ни одной живой души. Это, между прочим, тоже с прошлой войны. Какой-то француз-режиссер фильм снял, и оно пошло гулять.

Начштаба посмотрел на Водина немного другими глазами. Что ж, будем знать, но ведь это не причина нарушать приказы?

— Ладно,— военврач для себя уже всё решил.— Те, у кого конечности были переломаны или дефицит массы зашкаливает, здесь останутся. Остальных успеем подлатать. Стоп,— он вдруг схватил начштаба за руку.— Болванчиков у вас нет? А то знаю я, многие надеются, что, раз череп обратно срасся, те в разум войдут.

— Матвей Георгиевич? Вас ведь так звать? Я не стал бы просить о таком. Это не моё.

Насчет людей с повреждениями мозга приказ был издан многое более жесткий, чем шестнадцатый. Тухляк в конечном итоге представлял небольшую опасность. Его было видно с первого взгляда. А люди, у которых пуля стерла часть воспоминаний и усвоенных в детстве правил, могли запросто со свечкой на пороховой склад зайти. Или убить человека, на которого в полном рассудке никогда бы руку не подняли.

Таким раненым просто не давали «живой воды».

Хотя война большая, и бывало всякое.

— Идём посмотрим твоих,— военврач докурил сигарету до пальцев.

И пока в палатки заносили оборудование, пока все расставляли по местам, стерилизовали и готовили, прямо на земле, на остатках мебели, начали обрабатывать бойцов.

Это было не как раньше, когда вокруг больного вся семья собиралась и «Господи, помилуй» тянули. И не грубая передозировка у фельдшера. Если по науке, с расчетом массы тела, с капельницей и соматогеном, то можно было обмен веществ легонько подтолкнуть, самую малость. Этого хватало, чтобы за пару часов человек хоть немного массу тела подправил.

А соматоген дорого стоил. Небольшие банки с янтарного цвета содержимым и шуточными корявыми надписями «рыбий жир» на этикетках. Местные, которые сновали здесь же и голодными глазами смотрели на эти банки, понимали, что такой баночкой всё село пару дней может питаться. И детям соматоген давать после голодовок лесных — полезней не бывает. Да только эти баночки в бойцов, как в печки, уходили.

Опивки, правда, оставались. И хмурому сержанту-медику, который головой отвечал за ящики с банками и который имел право стрелять без предупреждения, ему было всё равно, кто вылизывает эти банки досуха. Распечатывал, выдавал, смотрел, как пьют, принимал. Лишь бы счёт сходился и люди в погонах свои калории получали.

Многим солдатам не помогало и лечение по науке.

Семёныч до последнего врал, что с рукой порядок, но там был явный перелом лучевой кости, причем несросшийся. Оставили на операцию и обыкновенное недельное лечение.

Бозучу перешло сухожилие. Не срослось. Левая ладонь не сгибалась. Он понимал и только мрачно ругался себе под нос.

Были и другие. Возмущались, доказывали, спорили. Некоторые только облегченно вздыхали. Но Толбаник и второй спец, Хворостов, совершенно не обращали внимания на эмоции. Мокей тоже понимал, что медицина лечит как умеет, и он, начштаба, лучше её лечить не сможет.

На всякий случай позвал Модеста, и они вдвоем быстро наладили дисциплину.

Сержант, за соматоген ответственный, совесть имел, однако если тут и дети с голодными глазами каждый глоток провожают, и солдаты со своим гонором медкомиссию прошибают, то до беды недалеко.

Поставили две очереди — детскую и солдатскую, отогнали лишних. Начштаба определил на работы тех, кто не понял намёка и продолжал стоять поблизости.

Всё споры и доказательства окончательно прекратились, когда под самолетный гул прибыли первые грузовики с ранеными. Разными они были. Слишком худыми для «живой воды» или со слишком тяжелыми ранами — их просто перевязывали, жгутами останавливали кровь. Теми, кто после воскрешения превратился в живой скелет, до предела исхудавшую человеческую

куклу. И — хуже всего — теми, кто не вышел из тьмы, а стал просто куском мяса, начиненным консервантами.

Те, кто остался в строю, занялись военным хозяйством. Оружие после боев надо было чистить, перебирать, форму подшивать. При случае и трофеем нормальным разжиться — «кочерга» с запасом патронов просто так на дороге не валяется.

К полудню в мобилизованной легковушке прибыл командир, с ним новые лица.

— Знакомьтесь,— военный совет собрался у того же бака с водой, надпись на котором уже умудрились закрасить.— Наш новый замполит, Рубен Флориан.

Кивнул хмурый парнишка лет двадцати. Неизвестно, кто его только направил на такую работу.

— И Янис Дорг, проверять.

Товарищем из особого отдела оказался быстрый в движениях, похожий на каплю ртути кротышка. Проверка новых кадров. Но по довольно лицу Камерова можно было понять — в полку решено, можно собирать добровольцев, сколько пойдут.

До вечера надо было всё успеть.

— Командир,— Мокей поднял палец.— Тут дело есть, по нашим долгам.

Это дело требовалось организовать кровь из носу. Поперёк всех очерёдностей.

Камеров, Мокей и Ермил дождались короткого перерыва в операциях и под руки привели к военврачу Ярину Семёновну.

— Для неё можно что-то сделать? — Ермил задал вопрос от всех.

Толбаник посмотрел на лицо старушки, которое за сутки стало напоминать череп, на вылезавшие волосы, прикрытые косынкой. Молча стянул с лица стерильную повязку и поцеловал Ярине Семёновне руки.

В таких случаях было принято давать морфий. Только она не хотела, она всё понимала, и ей просто надо было прожить ещё день, чтобы узнать — вернулся ли Лёшка живой из-под Майского. Стоян, как только воскрешать стали, отправил за ним своего племянника.

Под капельницей она жила ещё два дня. Дотлевала. Но когда сын встал у койки, так и не пришла в сознание.

Майк Гелтрин

Смерть на шестерых

Старый Пракоп Лабань остановился, приложил ладонь козырьком ко лбу. Вгляделся в отливающую жирной маслянистой латунью болотную хлябь. Поднял глаза, прищурился — солнце надвигалось на кромку чернеющего впереди леса. Лабань оглянулся через плечо, остальные пятеро подтягивались, след в след, упрямо расшибая щиколотками вязкую тягучую жижу.

— Ещё чутка, — хрипло крикнул старик. — Поднажать надо, совсем малость осталась.

Жилистый, мосластый Докучаев кивнул. Смерил расстояние до опушки взглядом холодных бледно-песочного цвета глаз, сплюнул и двинулся дальше. Диверсионной группой командовал он, и он же, вдобавок к рюкзаку со снаряжением, тащил на себе ещё пуд — ручной пулемёт Дегтя-

рёва с тремя полными дисками. Докучаев считался в отряде человеком железным.

Лабань быстро оглядел остальных. Угрюмый, немногословный, крючконосый и чернявый Лёвка Каплан, смертник, бежавший из могилёвского гетто. Ладный красавец, кровь с молоком, подрывник Миронов. Разбитной, бесшабашный, с хищным и дерзким лицом Алесь Бабич. И Янка...

Старик тяжело вздохнул. Женщинам на войне делать нечего. А девочкам семнадцати лет от роду — в особенности. Когда Янка напросилась в группу, Лабань был против и даже отказался было вести людей через болото. Но потом Докучаев его уломал.

— Медсестра нужна,— загибая пальцы, раз за разом басил Докучаев.— Перевяжет, если что. Вывих вправит. Подранят тебя — на себе вытащит.

— Меня на себе черти вытащат,— махнул рукой старый Лабань и сказал, что согласен.

Из болота выбрались, когда лес верхушками дальних сосен уже обрезал понизу апельсиновый диск солнца. Один за другим преодолели последние, самые трудные метры. И так же один за другим, избавившись от поклажи, без сил рухнули оземь.

— Пять минут на отдых,— пробасил Докучаев и перевернулся, раскинув руки, на спину.— Отставить,— поправился он секунду спустя, рывком уселся и принялся стаскивать сапоги.— Разуться всем, портняки сушить.

Пракоп Лабань поднялся на ноги первым. Ему шёл уже седьмой десяток, но ходок из него и по-

ныне был отменный — в могилёвских лесах истоптал стариk не одну тысячу километров. Вот и сейчас устал он, казалось, меньше других. Лабань аккуратно развесил на берёзовом суку отжатые портянки, нагнулся, голенищами вниз прислонил к стволу сапоги. Распрямился и увидел Смерть.

Что это именно Смерть, а не приблудившаяся невесть откуда старуха, Лабань понял сразу. Она стояла шагах в десяти поодаль. Долговязая, под два метра ростом, в чёрном, достающем до земли складчатом балахоне с закрывающим пол-лица капюшоном. Из-под капюшона щерился на проводника редкозубый оскал.

Секунду они смотрели друг на друга — стариk и Смерть. Затем Лабань на нетвёрдых ногах сделал шаг, другой. Встал, поклонился в пояс, потом выпрямился.

— За мной? — спросил он негромко.

Смерть качнулась, переступив с ноги на ногу, и не ответила. За спиной старика утробно ахнул подрывник Миронов. Скороговоркой заматерился Бабич, истошно взвизгнула Янка.

— Тихо! — не оборачиваясь, вскинул руку проводник. Мат и визг за спиной оборвались.— За кем пожаловала? — глядя под обрез капюшона, спокойно спросил Лабань.

Смерть вновь не ответила.

Докучаев, набычившись, медленно двинулся вперёд. Поравнялся со стариком, встал, плечо к плечу, рядом. Кто такая, настойчиво бил в виски грубый голос изнутри. Спроси, кто такая. Доку-

чаев молчал, он не мог выдавить из себя вопрос. Кто такая, он понял — понял, несмотря на привитое с детства неверие, несмотря на членство в партии, несмотря ни на что.

— За кем пришла, падла?! — истерично заорал сзади Бабич.— За кем, твою мать, пришла, спрашиваю?

Смерть вновь переступила с ноги на ногу и на этот раз ответила. Бесцветным, неживым голосом, под стать ей самой:

— За вами.

— За нами, говоришь? — угрюмо переспросил Лёвка Каплан.— За всеми нами?

— За всеми,— подтвердила Смерть.— Так вышло.

— Так вышло, значит? — повторил Каплан.— Ну-ну.

Он внезапно метнулся вперёд, оттолкнул Докучаева, пал на колено и рванул с плеча трехлинейку. Вскинул её, пальнул, не целясь, Смерти в лицо. Передёрнул затвор и выстрелил вновь — в грудь.

Смерть даже не шелохнулась. Затем выпрота из рукава с обветшалым манжетом костиистое скрюченное запястье, вскинула к лицу и приподняла капюшон. Чёрные пустые бойницы глазных провалов нацелились Лёвке в переносицу. Каплан ахнул, руки разжались, винтовка грянулась о землю. Смерть шагнула вперёд, одновременно занося за спину руку, но внезапно остановилась.

— Пустое,— сказала она Лёвке и хихикнула.— Тебе ещё рано.

Повернулась спиной и враз растаяла в едва наступивших вечерних сумерках.

Костёр запалили, когда уже стемнело. Вбили по обе стороны заточенные стволы срубленных Бабичем молодых осин. Набросили перекладину с нацепленным на неё котелком и расселись вокруг.

— Померещилось, дед Пракоп, да? — пытала Лабаня Янка. — Скажи, померещилось?

Старик подоткнул палым еловым суком поленья в костре, промолчал.

— Померещилось, — уверенно ответил за проводника Докучаев. — Болото, — пояснил он. — На болотах бывает. Говорят, что...

Он осёкся, напоровшись взглядом на плеснувшийся в Янкиных глазах испуг. Докучаев медленно повернул голову влево. Смерть сидела на берёзовом чурбаке в двух шагах — между ним и Мироновым. Ссугнувшись, уперев скрытый под капюшоном череп в костяшки истлевших пальцев.

Янка судорожно зажала ладонями рот, чтобы не закричать. Алесь Бабич придвигнулся, обхватил её за плечи, привлёк к себе. Янка дёрнулась, привычно собираясь вырваться, отшить нагловатого бесцеремонного приставалу, но внезапно обмякла, прильнула к Алесю. Сейчас Бабич казался ей единственным защитником и опорой. Дерзкий, нахрапистый, ни Бога ни чёрта не боявшийся, он явно не слишком испугался и теперь.

— Так ты что, мать,— цедя по-блатному слова, обратился к Смерти Бабич.— Так и будешь с нами?

Он замолчал, в ожидании ответа глядя на Смерть исподлобья, с прищуром. Молчали и остальные. Закаменел лицом Докучаев. Лёвку Каплана пробила испарина, ходуном заходили руки, то ли с испуга, то ли от ярости, не поймёшь. С присвистом выдохнул воздух старый Пракоп Лабань. У Миронова клацнули от страха зубы, а затем и пошли стучать, разбавляя вязкую гнетущую тишину мелкой барабанной дробью.

— Я спросил тебя,— с прежней блатной гнусавинкой проговорил Бабич.— Ты теперь будешь с нами всё время? Ответь.

Смерть поёжилась, опустила голову ниже, острый верх капюшона в сполохах костра казался завалившимся набок горелым церковным куполом.

— С вами буду,— подтвердила Смерть.— Но не всё время, недолго.

Алесь Бабич ухмыльнулся, по-приятельски подмигнул Смерти.

— Пока не заберёшь, что ль? — уточнил он.

— Пока не заберу.

— Всех нас?

— Всех.

— Ну ты и тварь,— едва не с восхищением протянул Бабич.— Ну ты и сука, гадом буду. Ты...

— Заткнись,— резко прервал Докучаев и пружинисто поднялся.— Отойдём,— повернулся он к Смерти.— Поговорить надо.

Смерть поднялась вслед. Докучаев был ей по плечо. Отмахивая рукой, он решительно пошагал к лесу. Метрах в двадцати от костра остановился. Смерть обогнула Докучаева, развернулась к нему лицом.

— Дело сделать позволишь? — глухо спросил Докучаев.

Смерть помялась, переступила с ноги на ногу, балахон чёрной тенью мотнулся в мертвом свете ущербной луны.

— Как получится, — тихо сказала Смерть. — Мне неведомо, как оно выйдет.

— Неведомо? — удивился Докучаев. — Даже тебе?

Смерть кивнула.

— По-разному бывает, — уклончиво ответила она.

— Позволь, а? — Твёрдый до сих пор голос Докучаева стал просительным, едва не умоляющим. — Подорвём рельсы, и всё, и сразу заберёшь, а? Пожалуйста, прошу тебя. Договорились?

Смерть молчала. Вместе с ней молчал и Докучаев, ждал.

— Я постараюсь, — едва слышно сказала, на конец, Смерть. — Постараюсь потянуть.

У Докучаева, мужика жизнью битого, кручёного, с младенчества не плакавшего, на глаза внезапно навернулись слёзы.

— Спасибо, — выдохнул он и поклонился в пояс, как давеча Лабань. — Спасибо тебе.

К костру вернулся хмурый, сосредоточенный. Уселся на прежнее место, оглянулся — Смерти видно не было.

— О чём базар был, начальник? — Бабич по-прежнему прижимал к себе Янку.

— Командир,— механически поправил Докучаев.— Начальники в кабинетах сидят. Ты... — он осёкся, закашлялся — одёргивать бывшего уголовника в сложившейся ситуации было, по крайней мере, нелепо.— Договорились мы,— обвёл глазами группу Докучаев.

— О чём? — быстро спросил Миронов.— Она от нас отстанет?

Докучаев хмыкнул, потянулся к костру, выудил из золы картофелину.

— Отстанет,— сказал он угрюмо.— Как завтра дело сделаем, так и отстанет.

Расправились с нехитрыми припасами быстро, в полчаса. Ели молча, Докучаев цыкнул на Бабича, принявшегося было травить тюремную байку, и тот осёкся, притих. Залили костёр — тоже молча, без слов.

— Каплан — в охранение,— приказал Докучаев.— Остальным спать.

— Не надо в охранение,— произнёс бесцветный мертвенный голос за спиной.— Спите все, я покараулю.

— Ты? — Докучаев обернулся, Смерть стояла в пяти шагах, привычно переминалась с ноги на ногу.— Ах, да.— Докучаев смахнул со лба пот.— Тебе же спать не надо. Неважно. Каплан, выдвинувшись к лесу. Бабич тебя сменит, потом старик, за ним я.

Смерть отступила на шаг, другой, растворилась в темноте. Докучаев развязал рюкзак, извлёк плащ-палатку, августовские ночи в могилёвских лесах были холодные. Расстелил, стал укладываться.

Миронов неслышно подошёл, присел на корточки.

— Командир,— шепнул он.— Давай-ка поговорим.

Был Миронов старшим сержантом, кадровым, служил до войны в НКВД. Подрывному делу учился у самого Старинова. К партизанам забросили его и ещё четырёх минёров месяц назад, в июле, они и принесли с собой новое понятие — «рельсовая война». Красная армия готовилась к наступлению по всему фронту, и дезорганизация железнодорожного движения в тылу становилась задачей важнейшей, первоочередной. В деле Миронов ещё не был, но из пяти подрывников Докучаев без колебаний выбрал его. Плечистый, с ладной фигурой спортсмена и загорелым, волевым, откровенно красивым лицом, Миронов выглядел человеком надёжным.

Миронов и место операции по карте выбрал — двухкилометровый спуск на участке пути Могилёв — Жлобин. Спуск заканчивался железнодорожным мостом, который наверняка охранялся, так что мины следовало закладывать ночью и на расстоянии. Подорванный на уклоне и слетевший под откос поезд наверняка означал длительное прекращение движения на всём участке.

— Слушаю тебя, Павел,— по имени обратился Докучаев.

— Возвращаться надо.

— Что? — Докучаев опешил.— Ты чего, куда возвращаться?

— Обратно, в лагерь.

— Сдурел?

— Да нет, не сдурел,— сказал Миронов жёстко.— Я в старушечьи байки не верю. Точнее, не верил до сегодняшнего дня. А оно вот как, оказывается. На верную смерть я не пойду.

Докучаев помолчал, приподнялся, опёршись на локоть, затем сел.

— Не пойдёшь, значит? — переспросил он спокойно.

— Не пойду. И вам не советую.

Докучаев вскинулся, ухватил подрывника за ворот, свободной рукой рванул из кобуры ТТ, с маху упёр Миронову под кадык.

— Не пойдёшь — шлётну, — пообещал он.— Понял — нет?

У Миронова вновь лязгнули зубы, как тогда, при виде ссугутившейся у костра Смерти. Он судорожно закивал.

— Понял,— выдохнул подрывник.— Прости, бес попутал.

Докучаев ослабил хватку, прибрал оружие в кобуру, затем отпустил Миронова.

— Хорошо, что понял,— сказал Докучаев миролюбиво.— Иди, спи. И это... не вздумай чего натворить,— миролюбие в голосе сменилось ре-

шительностью.— Я за тобой присмотрю. Чуть чего — шлётну на раз, не думая.

Лёвка Каплан сидел, привалившись спиной к сосновому стволу и выложив винтовочное цевьё на колени. Смерть умостилась на против, полы чёрного балахона разметались по земле.

— Вопрос имею.— Каплан стиснул зубы, помедлил секунд пять и, наконец, решился: — Кто-нибудь из моих жив?

Смерть долго молчала. Затем откинула капюшон, луна подсветила пустые глазницы тусклым серебром.

— Зачем тебе? — спросила Смерть.— Завтра и так узнаешь.

— Ты завтра меня заберёшь?

— Да. Завтра.

— Я хочу знать сейчас.

Смерть вздрогнула, повела плечами.

— Что ж,— сказала она.— Завтра ты их увидишь. Всех.

— Всех? — эхом простонал Лёвка.— Ты забрала всех? И маму? И Миррочку с детьми? И Мишеньку? И Броню?

— Да. Всех разом. Ещё зимой, в феврале.

Лёвка Каплан, цепляясь за ствол, поднялся. Мясистое, грубое, заросшее щетиной лицо скрипило от боли. Смерть смотрела на него тускло-серебряными монетами провалившихся глазниц — снизу вверх.

— Йитгадаль ве йиткадаш Шме Раба,— нараспев затянул Каплан. Это был Кадиш, заупокойная молитва на древнем хибру. Языка этого Лёвка не знал, а слова заучил наизусть — в детстве, как и все остальные еврейские мальчишки в местечке.— Ди вра хир'уте ве ямлих малхуте ваишмах пуркане ваикарев машихе.

Лёвка замолчал, просительно посмотрел на Смерть. Он не мог сказать заключительное слово молитвенной фразы, его надлежало произносить присутствующим при Кадише.

— Амен,— помогла Лёвке Смерть.

Янка, сжавшись в комочек, умостилась на краю ветхой подстилки из прохудившегося брезента. Её тряслось, слёзы набухали в глазах, текли по щекам. Янка глотала их беззвучно, даже не всхлипывая.

— Нецелованной умрёшь,— уговаривал пристроившийся рядом Алесь.— Нехорошо это, не по-божески.

Бабич прижимал девушку к себе, стараясь руками унять дрожь. Тоскливо глядел поверх её головы на путающиеся в верхушках деревьев звёзды. Вёл ладонями от затылка вдоль узкой девичьей спины, доставая до ягодиц.

— Не надо, Алесь,— едва слышно проговорила Янка.— Не надо, не хочу я так.

— А как надо? — Бабича передёрнуло то ли от злости, то ли от жалости, он сам не знал, от чего.— Как надо-то? Завтра уже все подожнем.

— А может...

— Да не может! Она ясно сказала — за нами пришла, за всеми. От неё не уйдёшь.

Девушка замолчала. С минуту лежали, не шевелясь, у Алеся вспотели застывшие на Янкиной пояснице ладони.

— Ладно,— прошептала вдруг Янка.— Ладно, пускай. Я не знаю, как это делается. Ты... ты поможешь мне?..

За мгновение до того, как проникнуть в неё, Алесь Бабич застыл. Склонился, поцеловал в пухлые, солёные от слёз губы. Удивился, что он, лагерник, после восьми лет отсидки, после поножовщин, толковищ, после лесоповала ещё помнит, что такое нежность. Оторвался от губ, изготовился. Упёрся взглядом в запрокинутое Янкино лицо с зажмуренными глазами. И с силой ворвался в неё. Янка коротко вскрикнула и враз замолчала. Алесь, изнемогая от смеси злости, жалости и возбуждения, не отрывая глаз от нежного девичьего личика с закушенной губой, от разметавшихся русых волос, вонзался, вколачивался, ввинчивался в неё. Не сдержав стона, взорвался, выплеснул семя. Отвалился на бок, на ощупь нашёл в темноте Янкины пле-чи. Притянул девушку к себе, запутался пальцами в русых шёлковых прядях. С полчаса держал её в руках, баюкал, успокаивал, шептал неразборчиво поверх волос. Потом осторожно отстранил. Едва касаясь губами, поцеловал в лоб. Выбрался из-под брезента. Нашарил в траве одежду, изо всех сил стараясь не шуметь, на-

тянул на себя. Вбил ноги в сапоги и отправился на пост — менять Лёвку.

После того как Алесь ушёл, Янка долго лежала без сна, пытаясь понять, что она чувствует. Наконец понять удалось — ничего. Ни сожаления, ни презрительности, ни страха почему-то не было. А было лишь безразличие — словно не её только что сделал женщиной едва знакомый, по сути, мужик и не ей назавтра пора умирать.

Умереть Янке полагалось уже давно — когда на поезд с гродненскими беженцами упали авиабомбы. Они умертили маму, младшую сестрёнку, обеих тёлок — маминых сестёр и пятерых их детей. Янка до сих пор не могла понять, как получилось, что она в числе немногих спасшихся уцелела и получила два года отсрочки. Жуткие, голодные два года, пропитанные ежедневным страхом и безнадёгой. Чужие, грубые люди вокруг. Нехорошие взгляды парней и мужиков. Раны, контузии, смерть. Отсрочка... А теперь и ей наступает конец.

В декабре ей исполнится восемнадцать. Исполнилось бы, поправилась Янка. Бесполезные и бессмысленные восемнадцать лет, прожитые кое-как, в бедности, а после смерти отца и в нищете. Обноски с чужого плеча, ежедневная картошка и каша, молоко и масло по выходным, мясо по праздникам. Потом война, гибель родных, промозглые землянки в снегу, снова голод и кровь. Янка усмехнулась криво, и накатившая

горечь опять сменилась безразличием. Жизнь не по справедливости обошлась с ней. И, по всему видать, устыдилась. А устыдившись, позвала на выручку Смерть.

Алесь Бабич опустился на корточки, достал из-за пазухи потрёпанную, перетянутую аптечной резинкой колоду карт и взглянул на рассевшуюся в метре напротив Смерть.

— Сыграем? — предложил он.

Смерть откинула капюшон, в пустых, высеребренных луной глазницах Бабичу почудилось удивление.

— На что же? — спросила Смерть.

Бабич слегкотнул слону, сорвал с колоды резинку, отбросил в сторону.

— Я в жизни не верил попам, — сказал он. — Ни в рай, ни в ад, ни во что. Но получается, что раз есть ты, то и они тоже есть, так?

— Допустим, — усмехнулась Смерть. — И что с того?

Алесь с трудом подавил внезапное желание перекреститься.

— Ставлю душу, — выпалил он. — Если проиграю, гореть ей вечно в аду.

Смерть задумалась. С минуту молчала, затем сказала:

— У тебя и так немного шансов мимо него проскочить. Впрочем, такие вопросы решают не я. Допустим, я соглашусь. Что же мне ставить?

— Девчонку ставь,— дерзко ответил Бабич.— Играю душу против девчонки. В очко, в один удар. Устраивает?

Смерть вновь усмехнулась.

— У меня редко выигрывают,— сказала она.— Мало кому это удавалось. Почти, считай, никому. Но изволь, я подарю тебе шанс. Банкуй.

Бабич принял тщательно тасовать колоду. Татуированные перстнями пальцы скользили вдоль торцов, врезая карты одна в одну, опробуя их, ощупывая. По неровности на рубашке Алесь подушками пальцев определил пикового туза, счесал вниз. За тузом последовал бубновый король.

— Срежь,— протянул Бабич колоду.

Смерть пожала плечами.

— Мне нечем. Срезай сам.

Алесь подрезал. Не отрывая от Смерти взгляда, вслепую провёл фальш-съём — карты легли в руку в том же порядке, что и до срезки. Алесь стянул верхнюю, предъявил партнёрше, рубашкой вверх опустил на траву. Стянул вторую, показал, уложил рядом с первой.

— Ещё.

Третья карта упала на траву рядом с товарищами.

— Себе.

Бабич заставил себя мобилизоваться. Сейчас от его ловкости зависело... спроси его, он не сумел бы сказать что. Но больше, неизмеримо больше, чем пять лет назад, в бараке, когда играли на охранника.

Алесь передёрнул, нижняя карта скользнула наверх. Бабич открыл её, не глядя, сбросил на траву. Вновь передёрнул, открыл вторую, сбросил.

— Очко,— объявил он.

— Да? — удивилась Смерть.— Что ж, смотри мои.

Бабич рывком перевернул две чёрные семёрки и шестёрку червей.

— Двадцать,— осклабился он.— Ваша не пляшет.

Смерть не ответила, и Алесь опустил глаза. С минуту он с ужасом разглядывал свои карты. Гордо задравшего бороду бубнового короля. И притулившуюся рядом с ним пиковую двойку.

— Двенадцать очков,— объявила Смерть.— Ты проиграл, ступай.

— У тебя тоже есть вопросы ко мне, старик?
Или, может быть, просьбы?

Пракоп Лабань почесал пятерней в затылке.

— Не по чину мне тебя спрашивать,— сказал он.— Тем паче просить.

— Как знаешь, старик.

Лабань потупился, помялся с минуту. Затем решился.

— Раз уж сама обратилась,— бормотнул он.— Василь, сынок мой, где он нынче?

Похоронка на Василя пришла на второй месяц от начала войны. А ещё через три месяца не стало и Алевтины, не проснулась поутру. Лабань склонил жену, на следующий день заколотил избу и ушёл партизанить.

Василь был у них единственный. Поздний, тайком под образами у Бога вымоленный. Хорошим парнем рос Василь, крепким, правильным. Школу закончил на одни пятёрки, уехал в Ленинград, поступил там в политехнический. Большим человеком мог стать, инженером. Не случилось — в тридцать седьмом пришла бумага: осуждён к десяти годам за шпионаж и измену Родине. Старый Лабань едва тогда не рехнулся на допросах в НКВД. Однако вновь образа чудодейственные помогли — амнистию Пракоп с Алевтиной Василю вымолили.

— Забрала я твоего сына, старик, — сказала Смерть. — Два года тому, под Кингисеппом. Или ты не знал?

— Как не знать. Я не то спрашиваю. Где он? Ну там, наверху, — или...

— Вот оно что, — протянула Смерть. — То мне неизвестно, те дела мне неведомы. Да и зачем тебе, скоро узнаешь сам.

— Понимаешь, какое дело, — Лабань вновь почесал в затылке. — В тюрьме он сидел. Статья такая, что... — старик махнул рукой. — Вот я и думаю: что, если он туда угодил, к вашим? Мы с ним тогда и не увидимся боле. Мне-то у вас делать нечего, грехов на мне нет. Но если так сталось, что у вас Василёк, я б тогда... — старик замялся.

— Что б ты тогда?

— Я б тогда... Завтраева, как меня заберёшь, тоже к вам попросился.

Смерть поднялась. Пракоп Лабань встал на ноги вслед за ней.

— Не волнуйся, старик,— сказала Смерть, и голос её на этот раз не был бесцветен, Лабаню почудилось в нём даже нечто сродни уважению.— Я позабочусь, чтобы вы не разминулись. Поклонюсь кому надо.

Миронов проснулся в четыре утра — ровно в то время, которое себе назначил. Привстал, огляделся, минут пять вслушивался в предутреннюю тишину. Затем бесшумно поднялся. Безошибочно нашёл путь к гнутой берёзе, под которой было сложено снаряжение. Забрал рюкзак со съестным, закинул на спину. Прихватил флягу с водой, нацепил на пояс. Постоял с минуту и сторожками шажками двинулся назад, к болоту. На востоке начинало светать, и Миронов ускорился. Добравшись до края топей, повернул на юг и двинул вдоль трясины, с каждым шагом всё быстрей и уверенней.

Резкий металлический щелчок под ногами Миронов услышал, когда был уже в километре от ночной стоянки. Подрывник шарахнулся в сторону и в последнюю секунду жизни даже успел понять, что это был за щелчок. Больше Миронову понять не удалось ничего — взрыватель на жимного действия от прикопанной в мох противопехотной мины сработал и пробил капсюль детонатора.

Грохот взрыва, докатившись до места стоянки, заставил Докучаева вскочить на ноги. Он заозирался, потом замер, упёршись взглядом в набегающего Бабича.

— Командир,— Алесь тяжело дышал, утирая со лба пот.— Красавчик свинтил.

— Как это свинтил? Когда свинтил? Куда?

Алесь не ответил. Развернулся и пропустил от выдвижного поста к стоянке. Докучаев, бранясь на ходу, помчался за ним.

На том месте, где укладывался вчера спать Миронов, сидела, ссугулившись, Смерть.

— Ушёл! — ахнул Докучаев.— Ушёл же!

— И жратву прихватил, гнида,— откликнулся Бабич.

— Никуда он не ушёл,— тихо сказала Смерть.— От меня не уходят. Там он,— Смерть махнула костявой рукой на юг.— Неподалёку.

Миронов лежал, раскинув руки, навзничь. Некогда красивое, волевое лицо посекло осколками, и было оно теперь похоже на уродливую кровавую маску.

— Ну, что делать будем? — Докучаев разложил на брезенте мины, растерянно переводя взгляд с одной на другую.— Кто умеет с ними обращаться?

Партизаны молчали. Оыта железнодорожных диверсий ни у одного из них не было.

— Я видел, как надо устанавливать,— угрюмо сказал Каплан.— Этот показывал,— он кивнул

на юг, туда, где нашёл Смерть Миронов.— Только сам ни разу не делал.

— Значит, пойдёшь на насыпь,— заключил Докучаев.— Остальные будут прикрывать. Самто не подорвёшься?

— А если даже подорвусь,— Лёвка пожал плечами.— Беда небольшая, с учётом... — он быстро посмотрел на Смерть, отвёл взгляд.— С учётом некоторых обстоятельств.

— Эти выбросьте,— велела неожиданно Смерть, выпростав из рукава костлявое запястье и ткнув им в сторону прямоугольных фанерных ящиков с маркировкой МЗД-2.— То замедленного действия мины, их без навыка не поставишь. А эти пакуйте,— кивнула она на неврачные белёсые кубики с прикрученными по бокам батарейками.— Как заряжать, я покажу, они простые. Провод, что из батарейки торчит, видите? Это замыкатель, его надо выложить на рельс и примотать к нему бечёвкой. А саму мину прикопать снизу.

— А ты откуда знаешь? — изумился Докучаев.

— Да насмотрелась,— хмыкнула Смерть.— Когда всяких-разных забирала.

— Наших? — уточнил Докучаев.

— Всяких,— отмахнулась Смерть.— В основном всё же ваших,— добавила она миг спустя.

К железной дороге вышли к трём пополудни. Последние километры преодолевали осторожно, след в след, а когда в просветы между ветвя-

ми стала видна насыпь, старый Лабань вскинул руку в предупредительном жесте. Дальше он двинулся один короткими перебежками от ствола к стволу. Добрался до опушки, присел. Раздвинув кусты можжевельника, выглянул наружу. Затем осторожно попятился и поманил Докучаева.

Минут пять Докучаев водил окулярами бинокля вдоль уходящего вниз, к железнодорожному мосту, затяжного пологого спуска. Задержал окуляры на сбитом у крайнего пролёта приземистом сооружении с жестянной крышей. Перевёл дальше, посчитал покуривающих на лавке солдат, приплюсовал часовых, отметил собачий вольер, затем подался назад и сунул бинокль в футляр.

— Взвода два будет,— прошептал он на ухо Лабаню.— И, похоже, кинологическое боевое подразделение в придачу.

— Одна разница,— пожал плечами старик.— Будь там хоть рота, хоть дивизия, конец нам один.

— Есть разница,— сказал Докучаев твёрдо.— Этих мы удержим, пока не подойдёт поезд. Этих должны удержать. Пошли назад.

Ночи дожидались километрах в трёх от насыпи. За пять неполных часов по железной дороге прошло два эшелона.

— Послушай,— Докучаев неожиданно дёрнулся, повернулся к Смерти.— А ты нас как забирать будешь, ко времени? Если ко времени, торопиться нам надо.

— Да нет,— Смерть ненадолго задумалась.— Не ко времени, заберу как получится.

— Тогда ладно.

К десяти стемнело окончательно, и Докучаев приказал выдвигаться.

— Простимся, что ли? — протянул Алесь Бабич. Шагнул к Янке, обнял за плечи, привлёк к себе. Та всхлипнула, уткнулась лицом в грудь.

— Ты это... — Алесь шмыгнул носом.— Не серчай, если что. Играли я вчера на тебя.

— Как это играл? — запрокинула лицо Янка.

— Обычно, в карты. Вон с ней,— Бабич кивнул на Смерть.— Думал, отобью тебя у неё. Не вышло, фраернулся с тузом, двойку вместо него дёрнул. Знал бы, руки бы себе оторвал. И тебя не вытащил, и себя, считай, приговорил.

— Как это приговорил?

— Да так. Неважно, пошли.

Докучаев установил ручник, приладил диск, оставшиеся два прикопал в землю. Поодаль устроился с самозарядкой Токарева Лабань. Приладил магазин к трофеиному шмайссеру и залёг в можжевельнике Бабич.

— Давай,— обернулся Докучаев к Каплану.

Ухватив мешок с минами, Лёвка протиснулся сквозь кусты. Отдышался и, волоча мешок за собой, полез на насыпь. Добрался до рельсов, зубами развязал стягивающую мешок тесьму, на

ощупь выудил мину. Отложил в сторону, выдернул из чехла нож и принялся рыхлить щебёнку. Грунт не поддавался, был он жёстким и твёрдым, свалившимся, спёкшимся от времени, утрамбованным тысячами пронёсшихся поверху поездов.

Лёвка выругался, упрятал нож в чехол, отомкнул от трехлинейки штык. С ним дело пошло быстрее — лихорадочно работая штыком, как лопатой, и в кровь обдирая пальцы, Каплан наконец справился. Трясущимися руками нашарил мину, затолкал под рельс, освободил замыкатель. Теперь предстояло закрепить его на рельсе бечевкой, но проделать это Лёвка уже не мог — не слушались сбитые в кровь пальцы. Каплан, стиснув в отчаянии зубы, застонал вслух от бессилия.

Сидящая поодаль на шпалах Смерть встрепенулась. Поднялась, заскользила по насыпи вниз.

— Помоги ему, старик, — бросила Смерть Лабаню. — Один не справится.

Вдвоём им удалось закрепить мину, и Лёвка принялся делать подкоп для второй, десятью метрами выше по склону. Он уже почти закончил, когда донесся далёкий и ещё еле слышный звук приближающегося поезда.

Докучаев вымахнул из укрытия, взбежал по насыпи и приложил ухо к рельсу. Успеем, должны успеть, навязчиво думал Докучаев, нутром ловя исходящий из стали гул. В дюжине шагов от него старый Лабань лихорадочно крепил бечевой вторую мину. Успеваем, с радостью поду-

мал Докучаев, и в этот момент снизу, от моста, полыхнуло светом и донёсся лязг.

Вжавшись в насыпь, Докучаев приподнял голову и обмер. Вверх по рельсам бодро катила дрезина, фонарные лучи с неё, описывая полу-круги, освещали склон.

Докучаева пробило холодным потом. Через пару минут дрезина будет здесь. Подорвётся на мине, с опорного пункта у моста успеют дать сигнал, и машинист приближающегося поезда затормозит.

Докучаев вскочил на ноги и в ту же секунду увидел Смерть, неспешно скользящую, плывущую по шпалам навстречу дрезине. Докучаев замер, лязг дрезинных колёс на рельсовых стыках казался ему грохотом, который производило, расшибаясь о грудину, его сердце. А потом лязг вдруг стих. Обшаривающий рельсы фонарный луч взлетел в небо, а затем закувыркался, покатился по насыпи мигающим белым пятном. Второй ткнулся в землю и умер. Секунду спустя лязг возобновился, но теперь он был уже не тот, что раньше, увесистый и бодрый, а дребезжащий, слабеющий и частый. Докучаев понял — то дрезина, катясь по инерции, уносила обратно к мосту мёртвый экипаж.

— Всё,— тихо сказала Докучаеву материализовавшаяся из темноты Смерть.— Больше я ничего для тебя сделать не могу.

— Спасибо.

Гул поезда нарастал, близился, и Докучаев уже знал, понимал уже, что дело сделано и затормо-

зить теперь не успеют. И что рявкнувший коман-
ду мегафон у моста и завершившая эту команду
автоматная очередь значения уже не имеют.

— Назад! — рявкнул Докучаев, скатившись с
насыпи.— Отходим!

Подхватив ручник, рванул в глубь леса. Ме-
тров двести пробежал, уворачиваясь от выныри-
вающих навстречу из темноты сосновых ство-
лов. На секунду остановился, шестым чувством
поймал надвигающуюся из-за спины опасность,
обернулся и принял вымахнувшего из кустов под-
жарого пса на грудь.

Ручник отлетел в сторону. Докучаев рухнул
навзничь, перехватил собаку за морду, перевер-
нулся, подмял под себя, свободной рукой рванул
из кобуры ТТ. Он не успел — второй пёс сиганул
сбоку, с ходу ударил в плечо и, поднырнув снизу,
вырвал Докучаеву горло.

Каплан застал его уже мёртвым. Жахнул из
трехлинейки в метнувшуюся к нему с земли ос-
каленную морду, передёрнул затвор, повторным
выстрелом добил. Упал за ствол, выпалил на
звук треснувшей неподалёку автоматной очере-
ди. Заметил выроненный Докучаевым ручник,
бросился к нему, ухватив за ствол, потащил в
укрытие.

От насыпи полыхнуло светом и оглушило гро-
хотом. Лёвка вскинулся, замер на секунду. Удов-
летворённо кивнул, осознав, что свет и грохот —
результаты крушения поезда. Перехватил руч-
ник за приклад, вывалил на траву, встал за ним
на колени. Он не успел пасть плашмя. Автомат-

ная очередь прошила Каплану грудь, отбросила, швырнула на землю. Ни склонившуюся над ним Смерть, ни подоспевшего Бабича Лёвка уже не увидел.

— Девчонку уводи! — проорал Алесь Бабич Лабаню.— Ну же, твою мать!

Старик обернулся. Янка, вцепившись в сосновый ствол, стояла недвижно. Лабань ухватил её за руку, старчески кряхтя, потащил за собой в лес.

Не уйдём, думал старик, одышливо хрипя на бегу. Резкие гортанные крики на чужом языке и треск автоматных очередей раздавались уже повсюду, со всех сторон. Не уйдём, не уйдём, не уйдём, отчаянно билось в висках. Пуля дognала Лабаня, ужалила в плечо, вторая вошла меж рёбер и пробила лёгкое. Он выпустил Янкину руку, сунулся на колени, повалился лицом вниз. Горлом хлынула кровь.

Янка, вцепившись в тощие стариковские плечи, задыхаясь, рывками пыталась тащить. Рывок, ещё рывок. Сил не было, ничего уже не было, но она тащила и тащила — упорно, метр за метром, вопреки безнадёге, отчаянию, вопреки всему.

Бабич дал по лесу от живота очередь, отбросил шмайссер, метнулся к ручнику. Оторвал от приклада мёртвые Лёвкины руки. Перебросил сошки, упёр в грунт. Краем глаза поймал мелькнувшую между стволами фигуру. Срезал её оче-

редью на перебежке, уцепил взглядом вторую, зачеркнул пулями и её.

Следующие несколько минут Бабич вёл огонь. Стрелял и после того, как хлестнуло по бедру и скрутило от боли. И после того, как пуля прошила предплечье, обездвижив левую руку. И даже когда в пяти метрах разорвалась граната и осколок впился под рёбра.

Ещё одна граната рванула справа. Бабич зарылся лицом в землю, а когда вскинул голову, в двух шагах от себя увидел Смерть. Она сидела, согнувшись, скорчившись, едва не свернувшись в клубок. Брошенный Бабичем шмайссер лежал на траве у её ног.

— Стреляй, падла! — заорал на Смерть Алесь. — Что расселась, сука, стреляй!

Смерть резко выпрямилась, её шатнуло из стороны в сторону.

— Я не умею, — прошептала Смерть горестно. — Мне нечем стрелять.

— Чтоб тебе сдохнуть, — Алесь вновь припал к ручнику.

— Я бы не прочь, — отозвалась Смерть. — Но не могу вот.

Смерть поднялась, новая граната разорвалась у её ног, разворотив осколками шмайссер. Бабича взрывной волной опрокинуло на спину, острый шестимиллиметровый шмат металла вошёл под сердце.

— Прости, — сказала Алесю Смерть. Забрала его и поспешила прочь.

Янка отпустила старика, повалилась с ним рядом. Силы закончились, и жизни осталось всего ничего. Янка улыбнулась склонившейся над ней Смерти.

— Вставай,— грустно сказала Смерть.— Пойдём.

Янка послушно поднялась на ноги. Стало вдруг легко, усталость ушла, и даже лес вокруг посветлел, перестал стрелять и перекликаться чужими голосами.

— Пойдём,— повторила Смерть.

Янка ступила ей вслед, сделала шаг, другой, затем остановилась. Умереть оказалось совсем не страшно. Только почему же... Стало вдруг тревожно. Почему же она одна...

— А дед Пракоп? — требовательно спросила Янка, оглянувшись на лежащего ничком старика.

— Я забрала его. Пойдём.

Янка смутилась. Если Смерть забрала их обоих, то, очевидно, им и идти за ней следовало вместе. И потом, где же тогда остальные...

— Где они? — озвучила свой вопрос Янка.— Командир, Каплан... — она запнулась,— и Алесь?

— Я забрала их,— ответила Смерть спокойно.— Ступай за мной.

Янка, перестав что-либо понимать, бездумно побрела вслед за Смертью. Миновала застывшего в ужасе детскую в каске и с автоматом в руках. Другого, вставшего, склонив голову, на колени. Припавшего к земле и поджавшего хвост пса.

Она не знала, сколько времени шли. Когда, наконец, остановились, уже светало.

— Всё,— сказала Смерть.— Ступай. Я теперь долго не приду за тобой.

— Долго? — эхом отозвалась Янка.— Не придёшь?

— Лет сорок,— кивком подтвердила Смерть.— Может, больше, я не умею смотреть так далеко. Теперь ступай.

— Подожди! — вскрикнула Янка.— Почему ты меня не забрала?

— Я проиграла тебя.

— Как? — Янка ахнула.— Он же сказал, Алесь... Сказал, что проиграл он.

Смерть усмехнулась, пожала плечами и растворилась, как не бывало.

— Я передёрнула,— донеслось до Янки.

В десяти километрах к востоку, на примятой лесной траве лежали две чёрные семёрки и шестёрка червей. Рядом с ними — гордо задравший бороду бубновый король. И приткнувшийся к нему сбоку пиковый туз. В слабеющих утренних сумерках совсем уже не похожий на двойку.

Алекс Резников

Великий аншлюс 1938 года

— Австрия погибла,— с болью и печалью в голосе сказал человек, стоявший у окна гостиничного номера.— Австрия погибла и уже больше никогда не возродится.

— Пессимизм — это враждебная нам идеология, герр Дормус,— хладнокровно заметил его собеседник, скрывавшийся в глубине номера.— Вы же не хотите пострадать как враждебный элемент...

— Я не понимаю вас, герр Бергер,— генерал Дормус отвернулся от окна.— Как вы можете сохранять спокойствие в столь трагический момент? В то время как труды множества поколений идут прахом, и впереди нет ничего, кроме вечной тьмы...

В ответ послышался подозрительный хруст.

— Неудивительно, что Австрия сдалась без боя,— заметил полковник Бергер.— Какое от-

вратительное пирожное. Только чудом мне удалось сохранить свои зубы!

— Прекратите, Бергер! — Генерал был близок к истерике. — Какие зубы! Австрия погибла! Чужеземный тиран кованым сапогом...

— Вот-вот, именно поэтому чужеземный тиран... и так далее, — оборвал его Бергер. — На своих митингах вы тоже несли подобную чушь? Стоит ли удивляться, что австрийцы не пошли за вами!

— Да. — Дормус снова вернулся к окну. — Они не пошли за нами. Теперь с флагами и цветами австрийцы встречают своего нового господина. Они предпочли быть рабами этого ничтожества, этого высокочки...

— Какая трагедия, — полковник Бергер поудобнее устроился в кресле. — Еще пять-шесть подобных фраз, и вы наконец-то выбьете из меня слезу.

— Кто виноват? Что делать? — продолжал восклицать генерал Дормус.

— Вы уверены в своем австрийском происхождении? — с подозрением в голосе поинтересовался Бергер. — Мне приходилось слышать подобные слова совсем в другой стране, далеко-далеко отсюда...

— Все кончено, полковник, — генерал сунул правую руку в нагрудный карман мундира и извлек на свет крошечный дамский пистолет. — Австрия погибла, жизнь потеряла всякий смысл. Прощайте. Передайте привет моим товарищам и...

На несколько минут в комнате воцарилось молчание. Только с улицы доносились крики

восторженных жителей Вены. В австрийскую столицу продолжали вливаться новые части победоносной армии.

— Вы даже не попытаетесь меня остановить? — удивленно спросил генерал Дормус.

— Зачем? — пожал плечами Бергер. — Стреляйтесь. Все равно от вас мало толку.

— Вы циничный негодяй, полковник, — вспыхнул генерал. — Я всегда это подозревал, но теперь окончательно в этом убедился. Не дождется. Я не застрелюсь. Лучше я застрелю вас!

Прошло еще несколько минут, в течение которых Дормус целился в своего собеседника, а Бергер продолжал сидеть в кресле с выражением вселенской скуки на лице.

— Это пистолет, — на всякий случай пояснил генерал. — Из него убивают.

— Попробуйте.

— Вы подменили патроны? — попробовал угадать Дормус.

— Я подменил патроны, вытащил ударник и согнул боевую пружину, — уточнил Бергер. — И в запасном пистолете тоже. А если вы достанете еще какой-нибудь пистолет, мне незнакомый, я не промахнусь, — из руки полковника внезапно вырос длинноствольный «маузер» 45-го калибра.

...Потом они еще долго говорили о судьбах Австрии, всего цивилизованного мира и прочих высоких материях...

А в это время по улицам австрийских городов продолжали шагать солдаты непобедимого Швейцарского Рейха.

Антон Тудаков

Сущность тьмы

Театр «Глобус» — огненный шар,
В самом центре сидит человек.
Его век течет как из крана вода,
Подставляй стакан — пей до дна.

Крематорий

Ранним лондонским утром двадцать седьмого марта 1940 года перед дверями дома номер 221-Б по Бейкер-стрит стоял молодой человек. Обладавший тонкими благородными чертами лица юноша был облачен в длинное рыжеватое пальто верблюжьей шерсти (через кое был небрежно переброшен шарф), модные брюки в крупную клетку, лаковые штиблеты, а аккуратно остриженную русую голову венчал котелок. Под мышку он засунул трость из красного дерева с серебряным набалдашником в форме львиной головы. Тонкие аристократические пальцы от холода защищали кожаные печатки, однако

же молодой человек периодически пытался стянуть их и тут же натягивал обратно.

Некоторое время он пребывал в нерешительности, но вскоре все-таки дотянулся до дверного молотка, произвел им три отчетливо громких удара и отступил на шаг назад. За дверью что-то загремело, и она распахнулась, едва не задев кончик носа юноши.

На пороге возвышался семифутового роста автоматон. Внутри его шарообразного тела, усеянного заклепками, гудел атанор, распыляя во зогнанную сырую меркурову вытяжку по пневматическим трубкам и приводя в движение многочисленные внутренние шестерни и клапаны. Цилиндрическая голова автомата развернулась в сторону гостя фасеточным окуляром и скрежещущим голосом исторгла из себя вопрос:

— Что будет угодно?

— Могу ли я видеть досточтимого сэра Шерлока Холмса? — робко поинтересовался юноша.

— Да хрен ли он будет вставать в такую рань? — проскрипел автоматон.

Молодой человек слегка опешил — до этого ему не приходилось сталкиваться со столь явными проявлениями синдрома шестого дня у автоматонов, обычно беспрекословно исполнявших волю людей.

— Постойте, мне крайне необходимо с ним увидеться! — заспешил он, видя что автоматон вот-вот захлопнет дверь. — И только сейчас мне удалось скрыться от приставленных ко мне людей...

— Имя есть?

— Что, простите?

— Имя, спрашиваю, у тебя есть? — громыхнул автоматон.

— Видите ли, обстоятельства вынуждают меня оставаться инкогнито...

— Пошел к черту! — Автоматон захлопнул дверь, оставив посетителя на улице с раскрытым ртом.

— Ну и порядочки у них в этой Англии, — прорычал про себя юноша, и в глазах его загорелся нехороший огонек.

Он вынул из-под мышки трость и принялся колотить ей по двери.

Какое-то время в доме ничего не происходило. Очевидно, наглый автоматон просто отключил слуховые рецепторы и игнорировал назойливого посетителя. Однако вскоре производимый тем грохот достиг ушей Хозяина дома.

— Уже иду! — раздался из-за двери недовольный голос. — Ватсон, старая рухлядь, ты снова нахамил кому-нибудь из Скотленд-Ярда?!

Дверь вновь распахнулась, и на этот раз на пороге возник куда как более колоритный персонаж, который, как логично предположил юноша, и являлся известным большей части Старого Света великим сыщиком сэром Холмсом. Однако этим утром вид его несколько отличался от журнальных фотоснимков. Холмс предстал в дверях в черных кожаных штанах и голым по пояс. При этом его поджарое тело было покрыто чудовищными татуировками в виде извиваю-

щихся разноцветных змей и знаков, в коих зна-
ток восточных тайн без труда признал бы ки-
тайские хироглифы. Из руки, обвитой драконом
с раззяленной пастью, свисал до пола кнут, с
которого сорвалась капля алой жидкости. Пра-
вый глаз Холмса налился кровью из-за лопнув-
шего сосуда, во всклокоченной шевелюре за-
стрили перья, а сам он источал сильный запах
курильного опия. В довершение к этой, несо-
мненно апокалиптической, картине из-за спи-
ны Холмса раздавался развязный и нетрезвый
женский смех.

Смерив посетителя пристальным взглядом, Холмс произнес:

— Не могу не отметить, сэр, что вы несколько
не вовремя. Обычно в это время я не принимаю
посетителей...

— ...А обдалбливаюсь опием и луплю девок
кнутами, вместо того чтобы вдуть им! — донесся
из дома скрипучий голос автомата.

— Закрой пасть, ошибка Бен Бецалеля! —
взорвался Холмс. — Думаешь, я не знаю, какую
шестерню тебе нужно спилить, чтобы разо-
браться с твоим синдромом шестого дня?!

Перепалка между автоматоном и его Хозяи-
ном окончательно привела юношу в замеша-
тельство.

— Простите, — заговорил он. — Я вижу, что
действительно не вовремя. Поверьте, сэр Холмс,
я ни за что не побеспокоил бы вас в такое время,
если бы не крайние обстоятельства... И все же я
полагаю, что мне лучше откланяться.

— С чего бы это? — Тут Холмс обратил внимание на кнут в своей руке и отшвырнул его в сторону. — Заходите, раз уж пришли. Я и так вижу, что у вас серьезная проблема. Но вам придется подождать, пока я не выставлю из дома своих, гм... гостей. Да и мой вид, как я погляжу, вас смущает.

Холмс отступил назад, жестом приглашая юношу войти.

— Ватсон, прими у гостя пальто и проводи сэра... Кстати, как вас зовут, молодой человек?

— Я должен сообщить, что пребываю здесь инкогнито...

— Я его уже посыпал, — сообщил издалека Ватсон. — Он настырный.

Холмс уставился на гостя пронизывающим взглядом.

— Меня зовут Гамлет, принц датской королевской семьи, — вздохнул молодой человек.

— Что ж, ваше высочество, будьте любезны обождать в гостиной. Ватсон подаст вам чай.

Дверь за Гамлетом захлопнулась, отрезав его от шума просыпающегося Лондона.

Гостиная дома на Бейкер-стрит оказалась заставлена уймой вещей интересных, малопонятных, а порой и просто пугающих. Паркетный пол был разрисован множеством сложных знаков, среди которых Гамлету оказалась знакома лишь Печать Гермеса, остальные же, как он подозревал, относились к области тайных знаний, кои

посвященные герметики тщательно скрывали от посторонних. Часть знаков пряталась под стопками книг, полосатыми барабанами из кожи и дерева, а также несколькими предметами мебели. Стену над камином украшала коллекция дикарского оружия со всех концов света — копья и топоры, разукрашенные невероятными узорами, обросшие бахромой щиты со скалящимися жуткими рожами туземных божков, духовые трубы и вещи совсем уж странно выглядящие для европейца. Стену напротив окна занимал огромный, от пола до потолка, шкаф, заставленный книгами, но даже если на корешке этих книг и имелись надписи латинскими буквами, то смысл их все равно ускользал от Гамлета. А от попыток разобрать символы на некоторых из них, на вид самых старых, и вовсе начинала болеть голова, а в ушах начинали раздаваться странные звуки...

Гамлет счел за лучшее отойти от шкафа подальше и сесть в одно из двух кресел напротив камина — по крайней мере в них не было ничего необычного. Рядом с креслом стоял ломберный столик с беспорядочно разбросанными картами. Карты эти выглядели весьма чудно, в большинстве своем изображая одетых в монаршие костюмы редких зверей разных континентов. Морды при этом у зверей были оскаленные и жуткие. Собрав их, принц убедился, что колода полная, и принял тасовать ее.

Уходя, автоматон закрыл за собой дверь, оставив лишь небольшую щель. Но даже ее хватило,

чтобы до ушей Гамлете долетали возбужденные женские голоса и спокойный голос Холмса. Дамы явно оказались недовольны тем, что их вы- провоживали прочь, и вскоре диалог перерос в брань. Гамлете оставалось лишь покачать головой и начать выкладывать на столик перетасованные карты.

Пасьянс не сходился два раза подряд.

Гамлет бросил карты и оглянулся по сторонам. Взгляд его упал на картину рядом с входной дверью, которую он сперва не заметил. Изображенное на ней выглядело не менее загадочно, чем все остальное в комнате. На фоне мрачного горного пейзажа с водопадом шел бой между человеком и огромным существом, отдаленно напоминавшим обезьяну с осьминогом вместо головы. Многочисленные щупальца чудовища заканчивались загнутыми когтями, а горящие ненавистью красные глаза, казалось, вот-вот прожгут холст картины как уголья. Противник чудовища при ближайшем рассмотрении подозрительно смахивал на Холмса с японским мечом-катаной в руках.

Принц подошел поближе, рассматривая выполненные художником с маниакальной точностью детали.

— Эта сцена битвы с профессором М. у Рейхенбахского водопада.

Голос Холмса заставил Гамлете вздрогнуть. Тот совершенно бесшумно отворил дверь и теперь стоял прислонившись к косяку. Его красочные татуировки скрывал стеганый атласный ха-

лат, а благодаря расчесанным и напомаженным волосам он теперь гораздо больше напоминал известный всему миру образ.

— Картину мне подарил лет двадцать назад Сальвадор Дали.

— Но позвольте, изображенное здесь существо мне не кажется похожим на человека! — возразил Гамлет.

— Ах, принц.— усмехнулся Холмс.— Разве кто-нибудь в этом мире знал, кто был на самом деле профессор М.? Даже я до сих пор не уверен, что он мертв. Но давайте перейдем к вашему делу!

Холмс решительно шагнул в гостиную.

— Садитесь,— он разместился в кресле у камина.— Прошу вас не удивляться тому, что вы сегодня увидели, и, по возможности, не распространяться об этом. Видите ли, у людей, долгое время принимающих тинктуру благословенного Николаса Фламеля, по причине бессмертия, бывает, развиваются и куда более странные привычки. А теперь рассказывайте, что привело вас сюда.

— Видите ли, сэр Холмс,— Гамлет вернулся в кресло, которое покинул, чтобы рассмотреть картину.— Некоторое время назад в нашей семье произошла страшная трагедия...

— Ах да, как же! — хлопнул себя по лбу Холмс.— Я же читал в газетах — ваш отец, король Дании, прими Господь его душу, внезапно скончался, и на трон взошел его брат. Клавдий, кажется?

— Все верно,— кивнул Гамлет.— Однако не прошло и двух месяцев, как Клавдий объявил о свадьбе с моей матерью. Вы не находите это странным?

— Честно говоря — да,— ухмыльнулся Холмс.— Мне всегда казалось ненормальным стремление людей сковать себя цепями брака.

Гамлет ошарашенно уставился на собеседника.

— Христос с вами, принц, я щучу! — рассмеялся Холмс.— Объявить брак с вдовой королевой, возможно, поступок неблаговидный, но ничуть не странный. В конце концов, откуда вам знать — быть может, Клавдий и королева Гертура уже давно скрывали свои чувства? И смерть вашего отца позволила им отбросить притворство...

— Да как вы можете! — вспыхнул Гамлет.— Моя мать не способна на столь низкий обман.

— Как знать, принц, как знать,— Холмс сунул руку в карман халата и выудил из него курительную трубку.— Однако же должен сказать, что в новейшей истории королевства Датского меня смущает отнюдь не брак вашего дяди и матери, а сам факт восхождения Клавдия на престол. Помимо того, что власть притягательна сама по себе, если мне не изменяет память, ваш отец и дядя придерживались кардинально противоположных точек зрения на происходящее в Европе. Ходили слухи, что старый Гамлет вел переговоры о возможности прохода войск англичан в Финляндию. Хотя ни для кого не секрет, что истинной целью союзников было получение господствующих позиций в Шве-

ции и Норвегии. А теперь немецкие послы как-то зачастили в замок Кронборг, не находите?

— Не могут ли эти два факта быть связаны со смертью моего бедного отца?

— Ага! — вскричал Холмс. — Вот мы и добрались до сути! Вы хотите привлечь меня для расследования обстоятельств смерти Гамлета-старшего, возможно даже его убийства! Я так и думал, что все не так просто, как об этом писали!

— Все верно, сэр Холмс. Но есть один скользкий момент — в Англию я выслан по решению дяди, и два его соглядатая, Гильденштерн и Розенкранц, не отходят от меня ни на шаг. Мне едва удалось оторваться от них этой ночью. У меня на руках находится билет на пароход, отбывающий в Данию через пару часов. За оставшееся время я хотел бы получить от вас дальний совет.

— Ну что ж, — Холмс повертел трубку в руках и убрал обратно в карман. — Полагаю, начать нам надо с опроса самого усопшего. Есть ли у вас с собой какая-нибудь вещь, принадлежавшая его величеству?

Гамлет лихорадочно принялся копаться в карманах пиджака и, наконец, достал перстень с крупным рубином.

— Отец не снимал его до самой смерти.

— Замечательно, — Холмс принял перстень, встал и принялся внимательно рассматривать пол под ногами. — Так, Глаз Сераписа не подойдет, для Креста Зосимы Панаполисского нужна живая плоть... Для Флорентийской Ортохордии — мертвая тоже не подойдет...

Холмс прошелся по комнате, отодвигая со своего пути лишние предметы.

— Четырежды замкнутая Печать Джона Ди... Самое то!

Глаза у сыщика загорелись, он опустился на колени и смахнул слой пыли с прочерченного по паркету круга, в который был вписан октагон. В октагоне находилась Давидова звезда, заключавшая, в свою очередь, в себе пентаклюс. Пространство между фигурами заполняли цепочки из букв и герметических символов. Холмс положил в центр пентаклюса перстень, поднялся на ноги, подбежал к шкафу и принялся рыться в нем.

— Кстати, принц, как умер ваш отец? В газетах об этом не было ни слова.

— Он отдыхал в зимнем саду после обеда,— Гамлет с любопытством наблюдал за действиями Холмса.— Его так и нашли в кресле, с книгой в руках. Выглядел он так, словно заснул, поэтому его никто не тревожил. А когда обер-камергер все-таки решился разбудить отца, его тело было уже холодным как лед.

— Замечательно! — Холмс с победным видом извлек из ящика кусок угля, бросился к печати на полу и начал мелкими штрихами дополнять рисунок.— Закройте шторы, принц! Тени умерших плохо переносят дневной свет.

Выполняя просьбу Холмса, Гамлет услышал, как тот принялся что-то бормотать на непонятном наречии. Когда он обернулся, посреди комнаты возвышалась зыбкая фигура в тяжелых

рыцарских доспехах. Даже притом, что она не обрела присущую живому существу плотность, а лицо то становилось человеческим, то распылывалось в оскаленный череп, Гамлет признал в призраке скончавшегося короля Дании.

— Отец!

Он кинулся к тени, но Холмс перехватил его железной рукой.

— Успокойтесь, юноша. Тень может находиться только внутри печати, и вы своими необдуманными поступками изгоните ее отсюда. А у меня нет уверенности, что нам удастся вызвать ее повторно.

Гамлет жадно вглядывался в колышущуюся фигуру. Тень повернула голову и взглянула на него, рассеяв последние сомнения в своем происхождении.

— Задавайте ей вопросы, принц,— прошептал в ухо Гамлету сыщик.

— Отец... — пробормотал Гамлет.

В глазах призрака мелькнула тень узнавания.

— Отмщение... — разнесся по комнате вдруг зловещий шепот, напомнивший Гамлету звук пересыпающегося песка.

— Что?

— Я дух твоего отца,— прошелестела тень.— Мне нет покоя, мне закрыт путь и в рай, и в ад, потому что душа моя переполнена мучением!

— Это из-за матери?

Тень разразилась смехом, и Гамлету почудилось, что в комнате резко похолодало.

— Гертруда! — прошелестел призрак. — Не трогай мать, она заплатит за измену не в этом мире...

— Но что же с тобой случилось? — Из рта Гамлете вылетело облачко пара.

— Убийство! Неслыханное, бесчеловечное убийство!

— Как я и думал, — пробормотал Холмс. — Спрашивайте, принц, спрашивайте, иначе он уйдет!

— Отец, ты хочешь сказать, что действительно был убит?!

— Убит! Отравлен ядом белены, что словно ртуть бежит в каналах тела, внезапной силой растворяя кровь...

Тень побледнела и заколебалась словно дым на ветру.

Раздался звонкий треск, и призрак исчез. Рубин в перстне, лежавшем в пентакулюсе, почернел и лопнул пополам.

— Отец! — закричал Гамлет и бросился вперед, но видение уже растаяло.

— Это был не ваш отец, а его тень, — на этот раз Холмс не стал удерживать его. — То, что осталось от него в нашем мире.

Он подошел к окну и раздвинул шторы. На стеклах образовался налет из капель влаги, и Холмс под крутил фитиль камина, нагревая промерзший за время визита призрака воздух.

— Итак, отца убили, — заключил Гамлет. — Но кто же этот негодяй? Вы что-нибудь поняли, сэр Холмс?

— Слова теней зачастую туманны,— покачал головой сыщик.— И не всегда их надо понимать буквально.

— Но про убийство-то все вполне ясно произвучало! — Гамлет сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.— Я должен отомстить мерзавцу, только укажите мне на него, Холмс!

— Не порите горячку, принц. Сейчас у нас есть только туманный лепет призрака. Тень не назвала имя убийцы, а мотивы были почти у всех. У вашего дяди — ведь это он теперь занял трон. У матери — потому что теперь ей не нужно скрывать свои отношения с ним. Даже премьер-министр Полоний, который известен как рьяный антироялист, и тот мог быть заинтересован в смерти вашего отца и свержении монархии. А благодаря необдуманным поступкам Клавдия, у него теперь есть такой шанс. Боюсь, милейший принц, единственный, кому не была выгодна смерть старого Гамлета,— это вы сами, поскольку по законам Дании престол все равно наследует ваш дядя.

— Но что же теперь делать?

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет. Давайте как минимум убедимся, что тень не солгала нам,— ведь в том мире водятся и такие существа, которые с легкостью могут принять чью угодно форму, чтобы ввести человека в заблуждение!

— И что вы предлагаете? — с надеждой в голосе спросил Гамлет.

— Тот, кто посыпал вас именно ко мне, знал, что делал. Езжайте в Данию и ждите меня там. На днях я пришлю вам телеграмму, а после прибуду и сам. Как королевский двор относится к синематографу?

— Замечательно,— пробормотал Гамлет.— Но какое отношение это имеет к поискам убийцы?

— Ну, предположим, сам по себе синематограф значит немного, но мы сможем убедиться в своих подозрениях либо опровергнуть их. Я лишь попрошу вас собрать в день, который я сообщу по приезде, всех перечисленных ранее мною лиц в замке. А теперь идите, а то опоздаете на пароход! Ватсон, проводи гостя!

Стоило Гамлете скрыться за дверью, как Холмс вновь вытащил трубку, набил ее табаком из стоящей на камине табакерки, сделанной из человеческого черепа, и закурил. Пройдясь несколько раз перед камином с заложенными за спину руками, он заорал:

— Ватсон, иди сюда! И прихвати печатную машинку!

Минуту спустя в гостиной появился автоматон, несущий под мышкой здоровенный «ближен-сдерфер», на клавиатуре которого отсутствовали буквы. Шестереночному мозгу они были просто не нужны — первое, что выбивали на перфоцилиндрах автомата, была именно раскладка клавиатуры.

— Итак, пиши,— Холмс вынул трубку изо рта и выдохнул колечко дыма.— Заголовок — «Убий-

ство Гонзаго»... Нет, не так. «Убийство Гюнтера». Сцена первая. Входят король Гюнтер и королева Брунгильда. Они обнимаются, изъявляя знаки любви...

Вырастающие из свинцовых вод пролива Скагеррак скалы огласились трубным ревом. В мгновение ока над ними взметнулась метель из чаек, ослепительно-белых на фоне грязно-серых туч, и так же быстро осела обратно.

Гамлет стоял среди столпившихся у поручней людей, вглядывающихся в приближающийся причал. Причал заполняли сотни встречающих, и почти каждый пассажир «Атении» искал взглядом среди них того, кто также, в свою очередь, стремился выхватить его взгляд. К огромному облегчению принца, там не обнаружилось придворных офицеров в мундирах, каковые обязательно были бы здесь, ожидай датский двор самовольного возвращения Гамлета.

Однако стоило ему ступить с трапа на холодный камень причала, как из толпы вырвалась легкая фигурка в кожаной куртке и брюках с гетрами и бросилась ему на шею. Лицо девушки скрывал мотоциклетный шлем и огромные очки-окуляры, но Гамлета это с толку не сбило.

— Офелия! Ты с ума сошла — отец тебя убьет! — Он осторожно отстранил от себя девушку.

Офелия сорвала с головы шлем и очки и стряхнула на плечи каскад каштановых с медным отливом волос, подстриженных под Марлен

Дитрих в «Ангеле». И тут же, не сказав ни слова, впилась губами в губы Гамлета.

Проходящие мимо пассажиры улыбались и отводили глаза.

— Вечно ты городишь чепуху.— Офелия, наконец, оторвалась от губ возлюбленного.— Благодаря твоему полоумному дяде, отцу сейчас совсем не до нас! Друзья Лаэрта помогли тебе сбежать от Гильденштерна и Розенкранца?

Гамлет кивнул.

— Билет на «Атению» мне тоже передали они. Пойдем скорее отсюда, пока меня кто-нибудь не узнал.

Они заспешили вместе с толпой по направлению к башням порта, от которых к причалившему пароходу уже шагали окутанные облаками дыма двухсотфутовые четырехрукие погрузчики, каждое движение которых поднимало выплескивающиеся на причал волны. Гамлет невольно заглядился на высявшихся в кипящей воде исполнинов. И хоть внешне они напоминали автоматонов, на самом деле никакой механизм не сдвинул бы с места столь чудовищный вес. В порту служили железные големы, одержимые призванными по договорам крови духами эфира.

— Ты нашел Холмса?

— Да, он обещал помочь. На днях он прибудет в Кронборг.

— Значит, все-таки убийство?

— Я... — Гамлет запнулся.— Я видел тень отца. Это ужасно... Холмс подозревает всех, даже твоего отца, Полония.

Принц и Офелия остановились около сверкающего начищенным хромом мотоцикла, над которым струями поднимался горячий воздух. Атанор, спрятанный внутри переплетений труб и клапанных цилиндров, мог заставить летать даже танк, но Офелию это не останавливало. В ее жизни, помимо Гамлета, было три страсти — Амелия Эрхарт, быстрая езда и пыльца фей. Первая страсть проявлялась в стремлении Офелии во всем подражать своему кумиру, вплоть до таланта где угодно находить приключений и таких друзей, что они приводили в ужас даже ее либерального папочку. Вторая оставила змеящийся через спину шрам, свести который полностью астральные хирурги так и не смогли. А от третьей достались регулярно появляющиеся темные круги перед глазами и приступы провидческого безумия.

— Ничего удивительного,— Офелия натянула на голову шлем.— Ты еще не читал его последнее статьи в «Юлландс-Постен». А как только Клавдий заключил пакт о ненападении с Гитлером, папа вообще как с цепи сорвался. Твой отец хотя бы не желал иметь дела с фашистами. На вот, полюбуйся.

Офелия запустила руку в седельную сумку и достала оттуда скомканный лист бумаги. Равправив его, Гамлет обнаружил напечатанный красной и черной краской рисунок в легкоузнаваемом стиле Бидструпа. Рослый датский кнхт с винтовкой наперевес, плечом к плечу с обряженным в черные доспехи и рогатый шлем тев-

тоном, шел в штыковую атаку на нависающего над ними красного змия, изрыгающего пламя. Своими чертами змий удивительным образом напоминал Сталина. Приписка внизу гласила: «Не дадим красной заразе отравить Старый Свет!»

— Что еще тут случилось, пока меня не было? — скривился Гамлет и швырнул бумагу на землю.

— Тебе этого не достаточно? — Офелия оседлала мотоцикл и протянула принцу второй шлем. — Немецкий посол фон Ренте-Финк привез генерала Каупиша и таскает его повсюду. Теперь осталось только подождать, пока на грязнет сам Зиверс и на улицах объявятся мертвецы, поднятые из могил алхимикиами «Аненербе». Тебя куда — сразу в замок или сначала ко мне заедем?

При этих словах она весьма красноречиво потянула молнию на куртке вниз. Под курткой у девушки ничего не оказалось, и перед глазами Гамлета промелькнули соблазнительные молочно-белые полушария.

— Не задавай глупых вопросов, — ухмыльнулся он и прыгнул в седло за Офелией, крепко обхватив девушку за талию.

По дороге к городу они обогнали колонну сверкающих полированными боками боевых автомашин. За спиной едущего впереди колонны на гиппотанке офицера в украшенных рунами черных доспехах реял кроваво-красный стяг со свастикой.

— Неужели, дядя, вы предпочли бы, чтобы я был высажен на берег Дании один и нагой? — Зрелищем кипящего Клавдия Гамлет откровенно наслаждался.— По-моему, вы должны радоваться, что ваш племянник, а дедюре и сын, доставлен ко двору целым и невредимым! Ведь та немецкая подлодка, что потопила наше прогулочное судно, вполне могла это сделать сообразно новой моде — не всплывая и не давая время пассажирам убраться с него.

— Гамлет, я ни на грош не верю в твои рассказы о разбойниччьем нападении немцев на мирные суда! — взорвался король Клавдий.— И не вздумай больше никому рассказывать эти сказки при дворе, пока фон Каупиш еще здесь! Мы заключили мир с Гитлером, который гарантирует датский нейтралитет, если мы пропустим его войска в Швецию через Зеландию. Это единственный выход для страны в наше сложное время. И я не желаю, чтобы твое юношеское упрямство привело к проблемам!

Он с размаху опустил жалобно звякнувшую кофейную чашку на стол. Разговор, происходивший в окрашенной утренним солнцем в нежно-розовые тона оранжерее замка Кронборг за завтраком, приобрел слишком неприятный для короля характер. На утонченные, но уже начавшие расплыватьсь от избытка всякого рода удовольствий черты лица Клавдия легла тень гнева, и уголок его по-женски полных и изогнутых губ начал подергиваться.

— Да что ж такого его могло заинтересовать в Швеции? — с притворным удивлением спросил Гамлет. — Неужели и там завелись коммунисты? Или Гитлеру нужна шведская руда?

Клавдий поднял чашку и сделал глоток. У стола беззвучной тенью возник камердинер. В мгновение ока он смахнул запятнанную кофе салфетку, и король опустил свою чашку уже на сверкающую белизной ткань без единого следа грязи.

— Ты политически близорук, дорогой племянник! — Король жестом приказал, чтобы ему долили еще кофе. — Если бы Гитлер не заставил Сталина поделить Польшу, красный зверь сейчас топтался бы у нашего порога! Только страх коммунистов перед мощью общества Туле, ведущего Тысячелетний Рейх к победе, спас нас от вторжения! А ты, похоже, подхватил слишком много либеральных идей от своей подружки Офелии и ее отца.

— Между прочим, Лаэрт, ее брат, сражается с немцами на линии Мажино, — заметил Гамлет. — С фашистами, которые рвутся через Ла-Манш в Англию, куда вы меня так опрометчиво отправили.

— Тем более! — возмутился Клавдий. — Мне стыдно перед твоим отцом, что я не могу пресечь ваши морганатические отношения, особенно если учесть, что Полоний спит и видит мое отречение!

При этих словах Гамлет вспыхнул.

— Мой отец хотя бы не предавал Англию и Францию и не вступал в союз с немцами!

— Ах ты щенок! — заорал Клавдий и вскочил из кресла.— У тебя еще хватает наглости мне перечить! Не забывайся, что король Дании пока еще я, а ты — пустое место!

— Спаси вас Господь! — Назревающую ссору прервало появление королевы Гертруды.— Что вы снова сцепились, как пьяные рабочие в пивнухе! Гамлет, что с тобой?

Гамлет бросил гневный взгляд в сторону матери, в свои неполные пятьдесят еще вполне привлекательной и стройной женщины. Астральные хирурги хорошо знали свое дело, но возраст все равно давал о себе знать — редкими морщинками, одиноким седым волосом, пропущенным за утренним туалетом. От всего этого могло спасти лишь одно средство — тинктура Николаса Фламеля, которую, к примеру, по особой воле ее величества Виктории принимал Шерлок Холмс. Однако секрет удивительного эликсира никогда не покидал берегов туманного Альбиона.

— Все в порядке, ваше величество,— Гамлет встал из-за стола и отбросил салфетку с колен.— Я уже сыт. Сыт, даже сказал бы, по горло. Так что, с вашего позволения, я откланяюсь.

— Гамлет! — всплеснула Гертруда руками.— Ты вернулся из Англии сам не свой!

— Просто у меня открылись глаза,— огрызнулся принц.— Приятного аппетита.

С этими словами он покинул оранжерею, захлопнув за собой дверь с такой силой, что чуть не придавил пальцы нерасторопному слуге.

Гамлет стремглав слетел по лестнице во двор, едва не сбив с ног неспешно поднимающегося фон Ренте-Финка, как всегда надменного и довольного собой. Посол ловко отскочил в сторону, избежав столкновения. Приподняв шляпу, он приветствовал Гамлета:

— Доброе утро, ваше высочество.

Угол изображенного им при этом наклона можно было замерить разве что под микроскопом. В свете ламп зловеще блеснул значок — кинжал на фоне дубовых листвьев.

— И вам доброго утра, господин посол,— буркнул Гамлет, не замедлив шага.

Миновав посла, спиной он почувствовал укол его пристального взгляда. Но мгновение спустя Гамлет уже оказался во дворе, укрытом от непогоды многогранным стеклянным сводом.

Свод хорошо укрывал от непогоды, однако не спасал от холода, так что газоны пока еще не заселели, а от постриженных по линейке кустов оставались лишь скрюченные скелеты. Скорый приход весны ко двору датского короля возвещал лишь мягкий свет наливающихся энергией солнца гелиотропных шаров, свисающих на цепях с перекрестий нервюр.

Через пару минут руки Гамлета заинdevели, и он почувствовал, как выстывает и его гнев.

В это время его и нашел старый придворный друг гофмаршал Горацио в парадном мундире.

— Как держится старая добрая Англия, мой принц?

— О, вполне неплохо,— хмыкнул Гамлет.— Стоунхедж пока справляется со своими обязанностями — за все время моего пребывания там до Лондона не долетел ни один немецкий воздушный элементаль. А без французских аэродромов авиация до него не дотягивает...

— Однако не думаю, что эти новости обрадуют фон Ренте-Финка.

— Я только что налетел на него на лестнице,— Гамлет поежился, вспоминая цепкий взгляд немца.— Непохоже, что проблема с линией Мажино его сильно волнует.

— Да черт с ними, с этими немцами. Тебе пришел пакет. Прибыл в запечатанном конверте, имеющем запирающие знаки. Имею честь вручить.— Горацио отвесил шутовской поклон и протянул Гамлету плотный конверт коричневой бумаги.— Вы с Офелией стали настолько осторожны, что общаетесь секретными посланиями?

— Сгинь, нечистая,— вздохнул Гамлет, принимая пакет.— И без тебя тошно.

Нанесенные невидимыми алхимическими чернилами символы разом простирали по всей поверхности конверта, распознав Гамлета, и бумага легко поддалась. Из конверта выпал бланк международной телеграммы, заполненный бессмысленным набором букв и цифр. Однако стоило Гамлету внимательней взглянуться в них, как лишние символы побледнели, оставив только текст, гласивший: «прибываю двадцать шестого утром именем фриц ланг тчк готовьте публику тчк подпись холмс».

— Что там? — потянулся к принцу Горацио. Гамлет сжал телеграмму в кулаке.

— Не твое дело. Есть многое на свете, друг Горацио...

— Да-да-да, я знаю,— обиженно протянул гофмаршал.— Удаляюсь, мне ваши царственные тайны ни к чему. Но учти — я оскорблен твоим недоверием до глубины души. Свою провинность ты можешь исправить, только если опять возьмешь с собой на оргии к Йорику.

Стоило Горацио отойти, как Гамлет стал озираться по сторонам. Двор был пустынен, свидетелей их разговора не наблюдалось. Гамлета передернуло, стило ему только представить, как он будет просить прощения у Клавдия и зазывать его на устраиваемое Холмсом представление. Но, взяв себя в руки, он убрал телеграмму во внутренний карман мундира и неспешно пошагал обратно в оранжерею, на ходу обыгрывая варианты извинений.

— Очень, очень, просто-таки чрезвычайно рад вашему приглашению! — лениво и слегка вальяжно раскланивался с королевской четой знаменитый режиссер Фриц Ланг.

Узнать в высоком блондине с арийскими чертами Холмса было решительно невозможно. Щеголяющий в модном френче, смахивающем на офицерскую форму, узких брюках и начищенных до зеркального блеска сапогах, он был ни капли не похож на всклокченного безумца, встретив-

шего Гамлета на пороге дома на Бейкер-стрит. Изменилась даже речь — в ней появился хорошо узнаваемый швабский акцент. О том, что под лицом Ланга скрывался английский сыщик, принцу напоминал лишь угрюмый Ватсон, переименованный в Вальдемара и навьюченный чесоданами. Вокруг его цилиндрической головы была наклеена исчерченная рунами полоска бумаги, запечатывающая вакуумный аппарат автомата — Холмс продумывал все до мелочей.

Вот в таком обличье сыщик шествовал по дорожкам разбитого вокруг Кронборга парка, окруженный королевской четой и толпой придворных. Благо погода в этот день установилась по-весеннему мягкая и теплая и прекрасно подходящая для прогулок.

— Это есть совершенно новый подход к кинематографу, — вещал Холмс-Ланг. — Я уверен, что вскоре он полностью заменит не только кино, но даже и обычный театр. — Холмс повернулся к Клавдию: — И мне чрезвычайно приятно, что ваш племянник следит за новинками прогресса в искусстве. О да, я знаю его множество лет как истинного синефила, верно, мальчик мой?

Краем глаза Гамлет отметил, как презрительно дернулась щека Клавдия при этих словах. Но Холмс, как и подобало истинному арийцу, вел себя в Кронборге словно Хозяин и не скучился на фамильярности. Пожалуй, попробуй он изобразить кого-нибудь другого, его бы давно уже выставили вон.

— Мой новый метод заключается в призывае духов эфира, которые достаточно плотны для отображения на пленке. Будучи призваны особым ритуалом, который недавно запатентован, они могут в точности воспроизвести описанные в пьесе события. При этом вживаемость в роль потрясающая, и эта варварская школа Станиславского не идет ни в какое сравнение с отдачей от игры духов! К тому же они не нуждаются в оплате, у них не бывает личных капризов, запоев и творческих запоров, да простят меня присутствующие здесь дамы.

Холмс разразился громовым смехом, вынудив придворных вежливо заулыбаться в ответ.

— У метода есть только один небольшой недостаток, — продолжил Холмс. — Призванные духи эти немы, и пока я использую только титры. В будущем, я полагаю, их будут озвучивать специально подобранные актеры. Однако же вот и подходящее для демонстрации моей последней гениальной работы местечко!

Они остановились перед приютившейся под раскидистыми буками беседкой. В летние дни кроны деревьев укрывали ее посетителей от солнца, но сейчас она сиротливо жалась к потемневшим стволам, и кое-где даже была заметна облезшая позолота.

— Вальдемар! — Холмс жестом полководца указал автоматону на беседку. — Подготовь сцену!

Батсон, раздраженно скрипя суставами, прошествовал внутрь. Там он извлек из одного чемодана белое полотно, которое развесил ближе к

стене, из другого небольшой синематографический проектор и установил его на треножнике у противоположной ограды.

— Прошу вас, дамы и господа, садитесь! — Холмс легко взбежал по ступенькам и встал около экрана.

— Дорогой Фриц, но разве для синематографа не нужна темнота? — осведомилась одна из придворных дам.

— О, она просто необходима! — лучезарно улыбнулся Холмс.

Жестом заправского фокусника он прямо из воздуха выдернул склянку, заполненную черным порошком.

— Позвольте продемонстрировать вам небольшой фокус, которому меня научил мой дед, а он гораздо глубже проник в тайны мира духов, нежели его скромный внук!

Холмс ссыпал из флакона на ладонь немного порошка и принял сдувать его, вращаясь вокруг себя. Крупинки, оставляя за собой темные разводы в воздухе, взмыли к потолку беседки, и в мгновение ока в проемы между опорами спали плотные полотнища тьмы, через которые едва-едва пробивался солнечный свет.

Свита восторженно захлопала.

Недовольным остался лишь Гамлет, время от времени высывающий голову за установленную завесу. Полоний, присутствия которого потребовал Холмс, не появлялся. Вальдемар-Ватсон между тем уже зарядил пленку в аппарат и ждал сигнала к запуску.

— Мой король! — раздался снаружи надтреснутый голос, при звуках которого Гамлет вздохнул с облегчением. Офелия все-таки сдержала свое слово.

В проеме беседки появилась голова Полония, крайне своеобразно смотревшаяся на фоне полотнища тьмы, через которое местами пробивались лучи света. Казалось, что голова плавает в воздухе сама по себе. Сцена эта вызвала волну смешков и похихиканий среди придворных.

— Не сейчас, дорогой премьер-министр,— откликнулся Клавдий.— Отложите свои заботы на потом и присоединитесь к нам!

— Но...

— Никаких «но», — в голосе Клавдия проскользнули железные нотки.— К нам прибыл дорогой гость из Германии, и мы не вправе отказать ему в гостеприимстве. Чтобы у вас ни было, оно подождет. Верно, дорогая?

Клавдий накрыл ладонью руку Гертруды.

Полоний тяжко вздохнул и прошел в беседку. Ежесекундно извиняясь, он пробрался к свободному месту, как назло оказавшемуся рядом с Гамлетом. Приветствовать принца Полоний не стал, лишь наградил его вполне красноречивым взглядом.

За спинами публики застремотал синематографический аппарат, и на белом полотне появились первые кадры фильма. Из нутра автомата, стоявшего за аппаратом, исторглась бравурная музыка.

«Все показанное в этой ленте является плодом воображения авторов и не связано с реальностью. Однако же мы не можем исключать, что так все оно и было, ибо с момента описываемых в картине событий прошли многие годы, и истинная их подоплека может быть нам неизвестна» — гласила надпись на немецком.

Зрители зашушукались, а Гамлет, отвлекшись на то, чтобы взглянуть на выхваченное светом луча синематографического аппарата лицо Полония, пропустил название фильма. В тот же момент он ощущил толчок в бок и, повернувшись, обнаружил перелезшую через ограждение беседки Офелию.

— Ты чего? — прошипел Гамлет, косясь на Полония.

— Ты думаешь, я могла все это пропустить? — хихикнула Офелия.

Даже в темноте была видна тонкая золотистая полоска пыльцы фей, тянущаяся по тонкой ноздре ее прелестного носика.

— Про что фильм? — Офелия пристроилась прямо в ногах принца.

— Похоже, «Песнь о Нibelунгах».

— Скукота, — зевнула девушка. — Лучше бы «Бака Роджерса» показал. Не знаешь, Бак и принц Тэллин сбежали из дворца Убийцы Кейна?

На экране мельтешили фигуры в старинных рыцарских доспехах, их периодически сменяли титры, пояснявшие события, — вот Зигфрид разрушит семьсот нibelунгов, а вот — войска Людегера и Людегаста (в этот момент по лицу Клав-

дия пробежала тень). Ни на первый, ни на второй взгляд герои фильма от людей не отличались, хотя Холмс и уверял всех, что это эфирные существа.

Но вот зрители увидели на экране комнату, в которой остались только двое, судя по титрам — король Гюнтер и королева Брунгильда. Какое-то время они изображают диалог, затем бросаются в объятия друг друга и целуются. Титры уверяют зрителей в вечной любви между ними, а затем королева покидает комнату. Гюнтер опускается на украшенное цветами ложе и засыпает.

А дальше началось нечто странное. Из автомата полилась тревожная музыка, и из-за края экрана крадучись появилась словно вырезанная из черной бумаги фигура человека. Ни лица, ни какой-либо одежды в этом черном пятне разобрать было решительно невозможно. Фигура подобралась к спящему Гюнтеру и влила ему в ухо жидкость из горящей призрачным огнем склянки...

— Прекратите немедленно! — Внезапно крик короля разнесся по беседке. — Это возмутительно! Это подстрекательство к бунту! Стража, взять его!!!

Завесь тьмы спала с арок беседки и все увидели бледного как призрак Клавдия. Лицо его было страшно перекошено, он стоял, указывая пальцем на сидящего по-турецки Ланга. Гертруда сидела рядом с королем ни мертвa ни жива и цветом лица также походила на призрака.

— О, благодарю вас, господа,— Холмс тут же подскочил на ноги и отвесил шутовской поклон.— Как я погляжу, шутка удалась.

— Посмотри на моего отца,— прошипела Офелия Гамлету в ухо.

Принц обернулся — на лице премьер-министра было написано столь искреннее недоумение, каковое не смог бы сыграть и дух эфира.

— А поскольку делать мне здесь больше нечего,— продолжил тем временем Холмс.— То я вынужден с вами прощаться.

С этими словами он исчез в ослепительной вспышке, сопровождаемой громогласным дьявольским смехом. Успевшие набежать стражники в недоумении пялились по сторонам, пытаясь выяснить, куда подевался лже-Ланг со своим автоматоном.

— Гамлет! — взревел Клавдий, обернувшись к племяннику.— Если я узнаю, что это очередная твоя дурная затея, тебе несдобровать!

Взгляд короля был ужасен, и Гамлет даже слегка подался назад, сжав кулаки. Клавдий ухватил под руку Гертруду и ринулся к выходу, нещадно давя ноги свите.

В кулаке у Гамлета что-то зашевелилось и, разжав его, он обнаружил там записку, гласившую: «Убийца — король».

— Занялась уже денница, Валентинов день настал,— из раструба эфирографа звучал бэнд Бенни Гудмана, исполняющий безумно попу-

лярную последнюю пару месяцев песенку.— Под окном стоит девица: «Спишь ты, милый, или встал?»

— О, поверьте, это был несложный фокус,— Холмс долил себе в чай молока и принял размешивать его.— Немного усилий — и каждый увидел в фигуре то, что мне было нужно. Король — Зигфрида, королева — Брунгильду, Полоний — Хагена. Все просто.

— А что же видел я? — поинтересовался Гамлет.

— Головку от... болта! — брякнул получивший наконец возможность говорить Ватсон. О чем Гамлет лично и все посетители кофейни вообще уже успели неоднократно пожалеть.

Автоматон восседал за соседним столиком, поглощая из здоровенной бадьи чудовищную смесь виски и минерального масла. На его боках играли неоновые огни рекламных вывесок, свет которых пробивался через пелену дождя и толстое стекло окна.

— Вы, мой юный принц, видели лишь то, что было на пленке на самом деле — черный силуэт,— пожал плечами сыщик, вновь вернувшийся в привычный образ.— Остальное сделали немного рун, нанесенных на обод объектива, да особый состав краски, которой силуэт этот был намалеван. Кстати, что говорят о моем вчерашнем представлении при дворе?

— Считают проделками Локи.

При этих словах Холмс разразился по-детски счастливым смехом.

— В высшей степени лестное сравнение! А что же ваш дядя?

— Сперва я думал, он меня убьет. Но тут вступилась мать... А вы уверены, что не ошиблись?

— Абсолютно. Преступление Клавдия было написано у него на лице. Но, боюсь, если верить некоторым моим вполне надежным источникам, дело приобретает все более запутанный характер, и мы пока видим лишь его малую часть. Но и по одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видел ни того ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену.

Холмс отпил чаю и уставился в окно, за которым горящие вывески призывали брать в прокат водных и воздушных элементалей для доставки грузов на большие расстояния, обещали вселение вышколенных духов эфира в прислугу из глемов, и даже предлагали опробовать на себе эликсиры здоровья, составленные по тайным рецептам Авиценны и Парацельса.

— Так вот, по моему мнению, убийство вашего отца и восхождение на трон его брата есть лишь та самая капля, — ложка в руках Холмса задумчиво звякнула о стенки чашки. — А Ниагара изливается из земель, довольно далеких от Дании...

Детектив не успел договорить — его оборвал истеричный женский выкрик:

— Вот ты где, мерзавец!!!

В распахнутых дверях кофейни стояла Офелия. Вид ее был ужасен — мокрые волосы расстрапаны, одежда в беспорядке и замызгана грязью, а глаза метались из стороны в сторону как у полоумной.

— Сволочь! — Офелия, расталкивая официантов и сшибая по пути стулья, приблизилась к столику, занятому Гамлетом и Холмсом.— Обманщик!

Офелия с размаху отвесила едва начавшему подниматься Гамлету пощечину.

— Убийца! — выкрикнула она и зарыдала, рухнув на пол.

Холмс наблюдал за происходящим с нескрываемым интересом.

— Это ваша подружка? — поинтересовался он.

— Офелия, дочь премьер-министра.— Гамлет опустился на колени рядом с девушкой.— Наши отношения просто выводят из себя и ее отца, и моего дядю. Какая-то средневековая трагедия прямо. Двадцатый век на дворе, а нравы что во времена Ромео и Джульетты!

Офелия, похоже, потеряла сознание, и из носа у нее пошла кровь. Гамлет усадил ее на стул и закинул безвольно болтающуюся голову девушки назад.

— Часто это с ней бывает? — спросил Холмс, втягивая носом воздух.— Ба, да это никак пыльца фей! В ее-то возрасте...

— Да, ништяк девку прет,— согласился выросший рядом со столиком Батсон.

Гамлет мрачно посмотрел на автомата.

— Снова дозу не рассчитала,— принц опрокинул стоящую на столе вазочку с цветами на свой платок и приложил пропитанную холодной водой ткань к носу Офелии.— Теперь еще пару часов будет пророчествовать...

Офелия открыла глаза и уставилась на Гамлета. В глазах читалась такая ненависть, что тот едва не отшатнулся.

— Сволочь! — снова выкрикнула девушка.— Кровь моего отца тебе с рук не сойдет! Я уже отправила послание Лаэрту, он будет здесь со дня на день!

Отвесив еще одну пощечину Гамлету, она снова отключилась.

— О, какой неожиданный поворот! — воскликнул Холмс.

— Я этого не делал! — выдохнул Гамлет.

— Охотно верю,— кивнул сыщик.— Однако, принц, мы привлекаем слишком много внимания. Не пора ли нам убраться отсюда?

Посетители кофейни действительно проявляли живейший интерес к происходящему, а официант за стойкой уже накручивал ручку телефона.

Гамлет подхватил почти невесомое тело своей любовницы и бросился к выходу. Снаружи, уперевшись в покосившийся фонарь, стоял мотоциклист Офелии. Такси рядом не наблюдалось.

— Холмс, вы водите эту штуку? — Гамлет опустил Офелию на землю и теперь удерживал, прижимая к себе.

— Естественно! Отдайте девушку Ватсону и садитесь мне за спину. Да не бойтесь вы, он ничего ей не сделает.

Фасеточный глаз автомата, горящий разбойничим огнем, особой уверенности Гамлету не внушал. Однако делать было нечего, и он передал Офелию на руки Ватсону. Тот, к его огромному удивлению, бережно принял девушку и прижал к груди. Затем он опустился на колени, нижние его конечности раздались в стороны, и из тумбообразных ног автомата выскочили небольшие каучуковые колеса, на которых он стоял теперь словно автомобиль. Ватсон тут же совершил круг вокруг мотоцикла и устремился в ближайший переулок, рассекая пелену дождя.

— Он отвезет ее ко мне в отель,— наклонился к уху Гамлета Холмс.— Вам же следует немедленно выдвигаться во дворец. Если я прав, ваша подруга вот-вот может действительно стать сиротой!

Холмс сел в седло, и из труб мотоцикла ударили струи пара.

— И еще, принц,— он запустил руку за пазуху и протянул извлеченный оттуда предмет Гамлету.— Возьмите, вам это может пригодиться.

В руке Холмса поблескивал заговоренной сталью пистолет.

Полоний, премьер-министр Дании, покинул замок Кронбург в весьма поздний час, пребывая в крайне расстроенных чувствах. На улице лил проливной дождь, хотя обычно в это время еще лежал снег. Теперь же его остатки превратились в скользкую грязно-серую кашу, и шагу нельзя было сделать, чтобы не оказаться забрызганным ею с ног до головы.

Полоний пересек по подъемному мосту окружающий замок ров. Как правило, здесь всегда стояла машина с его личным водителем, но сегодня, видимо, что-то случилось, и дорога пустовала.

День выдался отвратительным. Немцы становились с каждым днем все наглее. В местах их дислокации постоянно вспыхивали драки с местным населением, и уже имели место несколько неприятных инцидентов с женщинами. Но Клавдий продолжал делать вид, что ничего не происходит, и хватался за гитлеровский нейтралитет, как за спасательный круг. Вот и сегодня ему, Полонию, пришлось в очередной раз дать указание полиции Хельсингера сделать вид, что ничего не происходит, хотя на этот раз пострадала четырнадцатилетняя девочка. В такие дни, как этот, Полонию начинало казаться, что с монархами вроде Клавдия дело можно иметь только с позиции силы. Но, к сожалению, все монархи так или иначе повязаны друг с другом кровными узами, а потому даже англичане не соглашались поддержать его идеи о смешении Эльсинорской династии с трона в обмен на вре-

менную оккупацию датских территорий и легкий доступ к Скандинавии.

К тому же утром к нему явился наглый выскочка Гамлет с какими-то безумными бреднями о том, что Офелия предсказала смерть премьер-министра. Офелия чересчур увлекалась пыльцой фей, и с ней частенько приключались странные явления, так что особого значения словам принца Полоний не придал. Когда Гамлет это понял, то пришел в ярость и устроил сцену, свидетелем которой стала половина замковой прислуги.

И куда, черт возьми, подевалась сама Офелия? Она не появлялась дома вот уже два дня, а слова Гамлета об очередном ее приступе безумия лишь подогрели волнение Полония.

Дождь усиливался, а спасительного света фар пока не наблюдалось. Полоний поднял воротник пальто и повернул зонтик против ветра. Именно из-за этого он не увидел, как от ночной тьмы отделилась фигура, осторожными шагами приближившаяся к нему.

Таящегося незнакомца скрывала эгида тьмы, однако под дождем она работала из рук вон плохо, и разглядеть ее можно было уже с пары шагов. Выбрав подходящий момент, скрывающийся под ней человек шагнул за спину Полонию и вытащил из-под эгиды тускло отблескивающий нож. Первого удара тот даже не почувствовал — просто в боку вдруг стало как-то холодно, и Полоний обернулся посмотреть, не затекла ли туда вода. Со вторым и третьим ударом в тело ворва-

лась боль, но убийца успел зажать ему рот рукой в перчатке и, придерживая, опустил конвульсивно бьющееся тело на землю. Уже там он нанес еще несколько ударов в грудь.

...Машина премьер-министра попала в аварию в центре города. Виновник аварии скрылся с места происшествия, а водитель пострадал настолько сильно, что сразу был доставлен в больницу. В суматохе никто как-то и не позаботился поинтересоваться, куда он направлялся. Так что тело Полония было обнаружено лишь восемь часов спустя, утром девятого апреля 1940 года, в придорожных кустах. В закостеневшей руке премьер-министр сжимал окровавленный плащок с вензелями ГПД.

— И что теперь прикажете делать? — Клавдий тяжелым взглядом обвел присутствующих. — Полоний мертв, в его руке находят плащок Гамлета... Гамлет! На этот раз твои шутки зашли слишком далеко, тебе не кажется?

Гамлет, окруженный офицерами дворцовой гвардии, молчал, уставившись в мраморный пол тронного зала.

— Ты представляешь, что ты натворил?! Тело Полония нашли с прямо указывающей на тебя уликой! Ты что прикажешь мне теперь делать? Сбросить труп в море? Или ждать, пока про все станет известно его прихлебателям из фолькетинга?

— Дядя, я тебе в сотый раз повторяю — я не делал этого. На кой черт мне это сдалось?

— Да ползамка видело, как вы вчера лаялись!

— Офелия предсказала его гибель два дня назад, вот я и пытался предупредить его. А он не стал слушать.

— Племянник, ты просто сущая кара небесная! — вздохнул Клавдий и снял корону, положив ее на подлокотник трона.— Гертруда, я иногда не верю, что это — твой сын! То он сбегает из Англии, то разыгрывает идиотскую сцену с каким-то ненормальным лицедеем, то путается с дочерью моего главного политического оппонента! А теперь он еще и грохнул его! Ну что мне с ним делать?!

— Дорогой, будь снисходителен,— в глазах королевы блеснули слезы.— Может быть, мальчик не врет? Я знаю, что он не способен на убийство!

— А кто тогда это сделал? Я, что ли? Или фон Ренте-Финк? Молчи, Гамлет, я и так знаю, что ты скажешь! — прикрикнул Клавдий, не дав Гамлету раскрыть рта.— Я прекрасно осведомлен о твоем мнении по поводу пакта с Рейхом. Так вот, на этот раз ты будешь наказан...

За окном раздался страшный грохот, и в зал брызнули осколки оконных витражей.

— О, боже, что это?! — взвизгнула королева.

Клавдий соскочил с трона и бросился к оконной арке, из которой хлестал холодный утренний ветер. Цветные осколки жалобно хрустели под его сапогами.

Глазам короля предстала малоприятная картина — небо над замком Кронборг усеивали бе-

лые цветы раскрывшихся парашютов, стеклянные перекрытия над двором осыпались вниз, по самим перекрытиям бежали вооруженные люди, а во дворе вовсю шла перестрелка.

— Что за черт? — изумился Клавдий, и в этот момент автоматная очередь прошила деревянную раму рядом с его головой. Король едва успел упасть на четвереньки и отползти от оконного проема. Рама взорвалась шрапнелью из острых деревянных щепок.

Гамлет оттолкнул гвардейцев и бросился к матери, испуганно вжавшейся в трон.

— Где гвардия?! — не растерявшись, заорал Кладвий.— Пусть защищают двери! Активировать замковую эгиду!

В зал ворвался офицер с автоматической винтовкой в руках. Мундир его был разорван в нескольких местах, шлем он потерял, и лицо покрывала пороховая гарь.

— Ваше величество! — воскликнул офицер.— Это Лаэрт с толпой своих соратников! Они только что из Франции, десантировались прямо на замок! Все хорошо вооружены, и их гораздо больше нас!

— Гамлет, сволочь! — взвыл Клавдий.— Это все опять из-за тебя! Надо было грохнуть тебя, как и твоего придурка-отца! Офицер, соберите верных короне гвардейцев у зала и обороняйтесь! И срочно вышлите гонца к фон Ренте-Финку, пусть поднимает немецкие войска! Это измена: Лаэрт собирается свестить меня!

Гвардеец скрылся в дверях зала, закрыв их за собой. Мгновение спустя из примыкающих к за-

лу помещений донеслись звуки отчаянной перестрелки и разрывов гранат.

В это время Гамлет уже нашупал за поясом выданный Холмсом кольт. В глазах его пылал бешеный огонь, сердце колотилось как паровой молот, а в голове словно завелся бес, молотивший по черепу изнутри и скандировавший: «Убей! Убей!! Убей!!!»

Вытащив пистолет, Гамлет навел его дрожащими руками на неприкрытую спину Клавдия.

— Господи, Гамлет, нет! — Гертруда ухватилась за руку сына.— Пожалуйста, остановись! Не надо!

— Нет уж, мама,— прошипел Гамлет, вырываясь из рук королевы.— С меня довольно! Убийца достаточно поживился за счет отца, больше он не будет коптить небо Дании! Отпустите же меня!

Гамлет размахнулся и отвесил Гертруде пощечину.

— Я не трону тебя, как и обещал тени отца,— он вновь навел кольт на Клавдия.— Но не этого кровосмесителя!

— Гамлет, прошу тебя! — закричала королева, видя как палец сына неумолимо давит на спусковой крючок.

Выстрелить он не успел. Дверь в зал разлетелась на куски, выплеснув клубы едкого дыма. Оставшиеся при троне гвардейцы вскинули ружья и дали залп. Ответный шквал огня изрешетил их в мгновение ока. В живых остались только Клавдий, Гертруда и Гамлет.

Из дыма появился человек. В одной его руке дымился дробовик, в другой находилась вымазанная в крови сабля. Выщербленную кирасу пришельца опоясывала руническая вязь, а лицо скрывал платок из плотной ткани, повязанный на манер бандитов фронтира из вестернов.

— Где король? — спросил он и тут же бросил назад: — Больше никому не входить!

Дым понемногу рассеялся, явив королевской семье разъяренного Лаэрта.

— Ну что, Клавдий, — Лаэрт опустил платок и шагнул вперед. — Скажи мне, где мой отец?

— Лаэрт, друг мой! — Клавдий поднялся с пола и отряхнул грязь с одежды. — К чему это восстание?

Король вновь занял трон, не заметив направленный на него Гамлетом пистолет.

— Где. Мой. Отец. — рубя слова, повторил Лаэрт, продолжая приближаться к трону.

Шаги Лаэрта гулко отдавались от сводов зала. Вид его был страшен, и казалось, он впал в священное берсеркерское безумие.

— Он... Он убит, Лаэрт.

Ворвавшийся в выбитые окна ветер взметнул под ногами сына Полония мелкую поземку — с утра снова замело. Со двора доносились редкие выстрелы.

— Убит, значит...

— Это не Клавдий, — взвизнула Гертруда, бросившись между Лаэртом и королем.

— Не он, значит, — Лаэрт продолжал приближаться. — А кто тогда? Мою сестру было довольно

сложно понять, видать, она опять наглоталась пыльцы, но, что это дело рук королевской семьи — я уверен.

Клавдий нервно оглянулся на племянника и только тут увидел пистолет в его руках.

— Это Гамлет! — выкрикнул он. — У Полония в руках нашли его платок! Убей его, он вооружен!

Взгляд Лаэрта обратился к принцу, и он не предвещал тому ничего хорошего.

— Что ты скажешь в свое оправдание?

— Катись к черту, — огрызнулся Гамлет. — Я объяснюсь с тобой после того, как избавлюсь от отцеубийцы!

— О, как интересно! — Лаэрт отшвырнул разряженный дробовик, и в его руках вдруг оказалась хромированная «беретта-м». Дуло пистолета смотрело на Гамлета, а острие сабли оказалось направлено на короля.

— А отец был прав в отношении вас. Что-то совсем сгнило в королевстве датском, как я погляжу. По улицам, как у себя дома, разгуливают фашисты, в монаршей семье все друг друга сожрать готовы... Похоже, мое участие ни к чему, прибудь я на пару минут позже, вы бы и так сами порешили друг друга.

— Ну почему же, вы очень даже вовремя!

Раздавшийся из-за спины Лаэрта голос заставил Гамлета вздрогнуть. В развороченном дверном проеме высилась фигура в черных доспехах с раскинувшим крылья германским орлом на груди. На ее плечах подобно крыльям лежал тяжелый кожаный плащ с алым подбоем. Генерала

Каушиша окружали закованные в броню немецкие солдаты. Видя направленный на него десяток автоматических винтовок, Лаэрт опустил оружие.

— Генерал, вы не представляете себе, как вы вовремя! — радостно приветствовал его Клавдий.

— Сидеть! — рявкнул Каушиш, стоило только королю приподняться ему навстречу.

Клавдий побледнел, начиная соображать, что сейчас поводов для радости может серьезно поубавиться.

— Что ж, ваше величество, вынужден с прискорбием вам сообщить, что союзные вам германские войска подавили мятеж юного Лаэрта...

Треск автоматных очередей прервал монолог Каушиша. Изрешеченный пулями Лаэрт рухнул под ноги Клавдию, заливая пол кровью.

— ...однако не успели спасти членов королевской семьи, павших от руки предателя, — закончил Каушиш, брезгливо отмахнувшись от окутавшего его порохового дыма. — А потому с этого момента Дания переходит под контроль оккупационных властей, которые примут все меры к подавлению остатков мятежа и восстановлению движения войск Тысячелетнего Рейха в направлении Скандинавии.

Каушиш снял с носа маленькие черные очки, полностью скрывающие его глаза, и пол под ногами Гамлета покачнулся. Ни белка, ни зрачков за ними не было — провалы глаз заполняла густая чернильная тьма.

— Вы... вы... — Клавдий побагровел и схватился за подлокотники трона.— Вы все это время меня обманывали! Пакт был фальшивкой!

— Мой дорогой король,— улыбнулся Каушиш, поднимая руку.— В этом мире условия диктует тот, на чьей стороне сила. Судьба стран вроде Дании — склониться перед властителями таковой силы или навеки сгинуть...

Гамлет успел спустить курок прежде, чем Каушиш дал команду на расстрел. Неожиданно для самого Гамлета из дула пистолета вырвалась струя огня, расплескавшаяся по стене рядом с солдатами Каушиша. Оружие оказалось заряжено флогистоновыми патронами. В генерала, окутавшегося темным коконом эгиды, Гамлет, к сожалению, не попал, но посеял панику в рядах немцев.

Впрочем, паника продолжалась считанные мгновения. Солдаты Каушиша перегруппировались, закрыв собой генерала, и открыли ответный огонь. Свинцовый ливень нещадно крошил древнюю каменную кладку и остатки стекол. Залегший за троном Гамлет успел сделать в ответ единственный выстрел, лишь слизнувший со стены несколько старых gobelenов.

А затем шальная пуля отскочила от стены рикошетом и впилась в плечо принца.

Кровь выплеснулась из раны, заставив разжать ладонь, и пистолет Холмса скользнул на пол. Гамлет дернулся было к нему, но тут же получил еще одну пулю, на этот раз прицельную, в грудь.

Не в силах сдвинуться с места, он лежал, прижавшись щекой к ледяному полу. Перед ним распростерлись, уставившись пустыми мертвыми глазами в потолок, Гертруда и Кладвий. Гамлет криво усмехнулся — то, что он рассчитывал сделать сам, за него завершили немцы. Вот только мать было жалко. Хотя они все равно вряд ли бы ее пощадили. Хорошо хоть Офелия у Холмса, быть может, он успеет вывезти ее из страны...

Размеренный звук подкованных железом сапог метрономом отдавался в голове у Гамлета. Он поднял голову и уставился в зрачок направленного ему в лицо дула, такой же бездонный, как провалы в черепе фон Каупиша. У Гамлета возникло чувство, что он смотрит в глаза самой тьме, и та тянет к нему свои извивающиеся щупальца — такие же, как у профессора М. с картины Дали над камином Холмса... Сопротивляться этой иллюзии сил у принца не было, и ему оставалось только криво усмехнуться.

Но выстрела не последовало. Второй раз за день многострадальная оконная арка была подвергнута насилию. Остатки рам с треском разлетелись в щепы, и в тронный зал вкатился здоровенный черный шар, усеянный острыми шипами. С оглушительным треском шипы выстрелили в стороны, прошибая немецкие доспехи как бумагу и выплескивая фонтаны кровавых ошметков. Десяток солдат разом оказались пришиплены к стенам, как огромные уродливые насекомые в коллекции гиганта-энтомолога. Со стен посыпались старые щиты, а один из шипов

угодил в цепь, держащую люстру на двести свечей. С воистину сатанинским лязгом звенья цепи лопнули, и на пол обрушилась трехсотфунтовая гора стекла.

— Всех порву, суки! — взревел шар знакомым голосом и выпустил наружу руки с зажатыми в них восьмимиллиметровыми пулеметами Винкера.— Мочй нацистскую сволоту!

Вслед за руками показалась голова Ватсона, а стоило ему встать на ноги, как тронный зал огласился невероятным грохотом. Очереди из пулеметов смели всех оставшихся немцев, заодно довершив начатый ими варварский акт уничтожения древних реликвий королевской семьи.

Через разбитое окно в зал вкатился Холмс с револьвером и мечом в руках. Сделав пару выстрелов, он подбежал к Гамлету.

— Держитесь, принц! — проорал он, перекривая грохот пулеметов.— Мы забираем вас в Англию!

Холмс отложил меч, и в его руках блеснул стеклянный флакон. Секунду спустя после того как сыщик влил в рот Гамлету отдающую мятым жидкость, мир перед глазами датского принца поплыл и свернулся в крохотную точку...

Гамлет пришел в себя от неравномерных толчков и бьющих в лицо ледяных брызг. Тело страшно болело, согнутая рука оказалась крепко прибинтована к груди, но при каждом ударе сни-

зу отдавалась жуткой болью. Гамлет не сразу понял, что он сидит в моторной лодке, несущейся по беспокойным водам пролива Скагеррак.

Принц повернул голову. Рядом, закутанная в плащ, свернулась Офелия. Лицо ее было бледным, но дышала она ровно. За ней сидел Холмс, не выпускающий из рук окровавленный меч. Мотором правил слегка помятый, но вполне довольный собой Ватсон — довольный настолько, насколько это доступно железному автоматону с ведром вместо головы.

— А, принц, вы наконец очнулись! — Холмс убрал меч в ножны на поясе и придинулся поближе. — Как вы себя чувствуете?

— С... спасибо, терпимо, — прохрипел Гамлет. — Что со мной?

— Вы только что отведали самый редкий и дорогой в мире напиток — тинктуру Николаса Фламеля. К сожалению ли или к счастью, но это был единственный способ вернуть вас к жизни. А вы очень нужны нам живым.

— Нам?!

— Секретной службе ее величества королевы Виктории, — кивнул Холмс. — Мне жаль, что все так сложилось. Но мы упустили момент, когда немцы стали использовать Клавдия как марионетку. Все, что случилось в замке Кронборг, было запланировано Гитлером уже давно. Он назвал план по захвату Дании «операция „Фортинбрас“»: используя связь Гертруды и Клавдия, люди Гитлера подвели вашего дядю к мысли об убийстве неудобного Германии Гамлета-стар-

шего, а затем использовали Полония и Лаэрта, чтобы имитировать мятеж. Боюсь, сейчас войска Каушиша и Фалькенхорста уже занимают Осло...

— Зачем вы так рисковали, чтобы спасти меня?

— Я с тебя, принц, просто фигею,— громыхнул автоматон.— А где спасибо? За тебя, блин, за твою краю?

— Ватсон, дай человеку время прийти в себя,— Холмс ободряюще улыбнулся.— Вы — последний оставшийся в живых член королевской семьи и единственный законный претендент на датский трон. А значит, действия Гитлера в любой момент можно признать узурпацией.

Тут Гамлет горько усмехнулся, вспомнив разрушенный тронный зал Кронборга.

— Вы пользуетесь среди народа Данииличной популярностью,— продолжал Холмс.— Ваша фигура станет знаковой в борьбе с фашистами в Скандинавии. Ее величество планирует через вас организовать сопротивление не только в Дании. Вы, принц,— настоящая бомба в руках умелого политика.

— Значит, мы плывем в Англию? — Гамлет устало откинулся на банку.

— Да, в паре миль отсюда нас ждет судно. Кстати, ваши друзья Гильденштерн и Розенкранц схвачены и признались в том, что являются немецкими шпионами. Со дня на день их казнят. Но что вы скажете о моем предложении?

Гамлет обернулся. Черные на фоне заката датские утесы уже почти сливались с горизонтом, грозясь вот-вот исчезнуть окончательно.

— Дрожа, глядите вы на катастрофу, немые зрители явлений смерти! — продекламировал принц. — О, если б время я имел, но смерть, сержант проворный, вдруг берет под стражу... — Он вздохнул. — Я согласен. Куда мне, в конце концов, деваться?

— Прекрасно. Кстати, принц, откуда эти строки?

— Да так, из головы... Только что пришло на ум.

Оставляя за собой пенный след и подпрыгивая над волнами, лодка неслась все дальше, туда, где из воды уже вздымалась похожая на сторожевую башню надстройка британской субмарины.

Послесловие

Тот самый длинный день в году...

...Почти не было у нас военной фантастики. Почему? Потому что войну мы считаем трагедией, описываем всерьез, тут выдумки неуместны. Придавать врагу небывалое оружие? Зачем же преувеличивать его силы. Описывать небывалое оружие у нашей армии? Зачем же преуменьшать военные трудности? О войне надо рассказывать точно. Трудные у нас были победы, кровью достались.

Георгий Гуревич.
Беседы о научной фантастике. 1983

Эпиграф, конечно, несет на себе печать времени, и даже для 80-х он не был так уж безупречно точен. Но в одном с автором согласиться можно: слово «война» для нас по умолчанию означает *ту самую* войну. До сих пор. И слово «Победа»

(да, с заглавной буквы!) — тоже имя собственное. Ему еще нет семидесяти лет: для обычной человеческой жизни это возраст скорее пожилой, чем старый. Но немногих, по обыденным жизненным меркам, лет ТОЙ САМОЙ ВОЙНЫ хватило на эти десятилетия, хватит и на века...

Правда, ситуация с тем, что Гуревич назвал «военной фантастикой», в последние годы заметно изменилась. Может быть, даже слишком. А вот отношение к ней осталось чуть ли не прежним (опять-таки слишком) — во всяком случае, если речь идет о кругах, претендующих быть «боллитрой». Совсем недавно автор этих строк, будучи зван в жюри литературного конкурса «Великая Отечественная», проходившего под патронатом Союза писателей России, без особого удивления обнаружил в правилах, что организациям «не хотелось бы видеть» среди поданных произведений фантастику. Никакую. Собственно, там *не хотелось бы видеть* много чего еще (мистику, порнографию, пластику, произведения клеветнические, проповедующие насилие, призывающие к национальной или религиозной ненависти, содержащие большое количество нецензурной лексики... в хорошую же компанию фантастика попала!), но лишь применительно к фантастике это нежелание обрело полную силу де-факто. Даже мистические мотивы реально не подвергались острокритику: ряд авторов, конечно, тут же поспешил этим воспользоваться, введя в текст столь уважаемые и легитимные ныне реалистические линии, как услышанная молитва,

ментальный контакт с погибшими родственниками или предсказание цыганки.

Как известно, избирательное применение закона — хуже беззакония. Не говоря уж о том, что мало останется от «большой» военной литературы без Твардовского — а у него ведь есть не только отдельная фантастическая поэма «Теркин на том свете»: в первом, главном «Теркине» тоже присутствует глава «Смерть и воин». Причем старуха с косой там отнюдь не порождена сознанием тяжелораненого солдата: она, как сказали бы материалисты, существует вне и независимо от него. И в некоторых военных песнях Высоцкого открывается «фантастическое измерение». И в чонкинском цикле Войновича, который фантастикой как бы не считается — но, собственно, почему? И кинодилогия «Мы из будущего» легитимно вписалась в жанр. И... И...

Кстати, если говорить о степени фантастических допущений, которые имеют место в «Повести о настоящем человеке», — то среднестатистическим фантастам до такого и в прыжке не дотянуться...

Впрочем, признаем: писать фантастику о Войне (той самой, которая «по умолчанию»), конечно, трудно. Особенно сейчас, нам, этой Войны не видевшим. Но ведь это вообще — трудно, в рамках любого литературного направления, жанра или метода.

Лично меня не всегда впечатляют частые ссылки на «реальность событий», будто бы поведанных автору старшими родичами (даже если в

этом не сомневаться... а ведь иногда приходится!); более того, я такие методы порой считаю не совсем достойными: это как бы «выклянчивание дополнительных бонусов», которые в любом случае будут получены не поколением фронтовиков, но нынешними писателями. Плюс, конечно, коробит элементарное незнание. Как «техническое», так и психологическое: сплошь и рядом персонажи «нажимают на курок», сбивают «мессеры» чуть ли не из рогатки (или вообще при помощи крестного знамения), используют в 1941-м (а хоть бы и в 1945-м!) приемы «русского ниндзюцу» (а хоть бы и немецкого!) или предаются длинным философским рассуждениям во время подъема в атаку.

Но это еще цветочки. Некоторые литераторы подчеркнуто избегают затрагивать острые, болезненные, нестандартные темы — зато другие погружаются в них даже слишком охотно, со злорадством и некрофильским смакованием подробностей. Бывает и наоборот: в особую ярость приводит бодряческая тональность (чувствуется, что для длинного ряда современных фантастов ВОЙНА, даже необязательно Великая Отечественная, — это крутое, классное, интересное мероприятие вроде сафари-тура, на которое авторы готовы хоть каждые выходные ездить, чтобы расслабиться и отдохнуть). А многие из наших современников торопятся использовать ВОЙНУ, опять-таки уже не обязательно Великую Отечественную, как рупор своих сегодняших политических чувств, прикрыться ее авто-

ритетом в злободневных целях, превращать ее участников в выразителей собственных симпатий или антипатий.

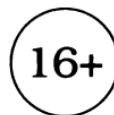
Да, все это так. Да, если кто-то скажет, что для фантастов эти грехи менее характерны, чем для... (а, собственно, для кого? Реалистов? Но это течение без «социалистической» приставки уже не считается единственно правильным!), — то он либо лжет, либо заблуждается.

Но, во всяком случае, на страницах этого сборника вы подобных текстов не увидите. А вот хорошую фантастику — гарантируем. И надеемся, что при взгляде на линию фронта сквозь амбразуру фантастики можно увидеть такие детали, которые через бруствер реализма остаются незамеченными...

Григорий Панченко

Содержание

<i>Вадим Шарапов. В первый пар</i>	3
<i>Олег Дивов. Вундервафля</i>	24
<i>Олег Макаровский. За царя и волю</i>	36
<i>Михаил Логинов. Метель свободы</i>	60
<i>Федор Чешко. Вторая беда</i>	107
<i>Владимир Свержин. Создавая истину</i>	159
<i>Алексей Ивакин. Сбыча мечт</i>	206
<i>Станислав Бескаравайный. Справедливость</i>	221
<i>Майк Гелприн. Смерть на шестерых</i>	258
<i>Алекс Резников. Великий аншлюс 1938 года</i>	288
<i>Антон Тудаков. Сущность тьмы</i>	291
<i>Послесловие</i>	343

Мир фантастики 2014

**НА ВОЙНЕ
КАК НА ВОЙНЕ**

Ведущий редактор *А. Мазин*

Ответственный редактор *П. Разуваев*

Художественный редактор *Ю. Межова*

Технический редактор *В. Беляева*

Компьютерная верстка *Т. Алиевой*

Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Владислав Выставной
ПРОРОК ЗОНЫ

Зона не отпускает «своих».

Когда-то Аким предсказал страшную катастрофу.

Пророчество сбылось. Родной город Акима оказался в центре Новосибирской Зоны, и мальчика чудом спасли из оплывающих руин.

Прошли годы, Аким вернулся. Теперь он стремится назад, в Зону.

Зачем? Что нужно слабому и неопытному на вид парнишке в Зоне, легко убивающей самых крутых профессионалов? Этот вопрос не дает покоя его проводнику, удачливому сталкеру по прозвищу Кот.

Сталкер быстро пожалеет о том, что связался с этим парнем: за ними начнется настоящая охота. Полиция, «черные» сталкеры, армейский спецназ, бандиты и служба безопасности Института готовы на все, лишь бы добраться до Акима.

Потому что Зона слышит его и разговаривает с ним.

Он — Пророк Зоны.

А люди боятся живых Пророков...

ФОРПОСТ

Денис Бурмистров

РЕЛИГЕР
Последний довод

Альтернативная Россия, наши дни.

В этом мире правят многочисленные религии и секты. И за прихожан, за их умы и души здесь сражаются насмерть.

Для этого необходимы бойцы, способные отстоять интересы своей веры. Специально обученные воины — религеры, владеющие магией, оружием и техникой шпионажа. Они хладнокровны, расчетливы и циничны. Для них божественная сила превратилась в инструмент победы, в пулью в стволе, в отточенный клинок.

Они плетут интриги, предают во благо, выбирают любые средства для достижения своих целей.

Это мир, в котором обитает религера Егор Волков. Один из лучших в своем деле.

Но все начинает рушиться, когда кто-то открывает охоту на самих религера, а на поле битвы выходят новые игроки.

ФОРПОСТ

Виталий Держапольский

ПСАРНИ. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Вольф Путилов был рожден в мире, очень похожем на наш лю. Там есть такие же горы и континенты, моря и океаны. И там точно такие же люди.

В их истории тоже была Вторая мировая война.

Только там в этой войне победили нацисты.

Вся планета находится под властью Тысячелетнего Рейха, :
рого давно нет внешних врагов. А с врагами внутренними легко
ляются специально обученные подразделения «Псов», куда н
ются представители покоренных народов.

Однажды нацисты из альтернативного мира придут на наш лю. И тогда именно Вольфу будет суждено вновь спасти наш коричневой чумы.

Но это будет еще нескоро.

Пока что Вольфу Путилову, герою романа «Имперский Пёс
дущему лучшему бойцу «Псарни», еще только предстоит п
первую кровь...

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

В этом сборнике нет рассказов о генералах.

Это истории о «пушечном мясе», простых людях,
которые сумели остаться людьми даже на войне.

И не важно, какой именно была их война: человек против нелюди,
мечи против колдовства или винтовка Мосина
против карабина системы «Маузер».

Война – всегда война.

В этой Войне могут принимать участие красноармейцы и эльфы,
белые генералы и красные комиссары из несбытий реальностей,
пугачевские повстанцы и швейцарские оккупанты,
пришельцы и солдаты Вермахта.

Каждый из них верит в свою победу,
они готовы сражаться и умереть за нее.

И за ценой стоять не придется.

Вадим Шарапов

«В первый пар»

Олег Дивов

«Вундервафля»

Олег Макаровский

«За царя и волю»

Михаил Логинов

«Метель свободы»

Федор Чешко

«Вторая беда»

Владимир Свержин

«Создавая истину»

Алексей Ивакин

«Сбыча мечт»

Станислав Беснаравайный

«Справедливость»

Майк Гелприн

«Смерть на шестерых»

Алекс Резников

«Великий Аншлюс 1938 года»

Антон Тудаков

«Сущность тьмы»

ISBN 978-5-17-081356-8

9 785170 813568

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

МИР ФАНТАСТИКИ

2014